

ВАЛЕРИЯ ВЕДЕНЕЕВА

ТОМ 1

ПОСЛЕДНЯЯ
ИЗ СВОЕГО

РОДА

Annotation

Однажды лорд Дракон уже пытался разрушить королевство Шоралл, но был изгнан. Десять веков спустя его потомок сжег столицу королевства и уничтожил почти всю правящую семью. В живых осталась лишь принцесса Риэль, на правах военной добычи отданная предателю, который и впустил Дракона в их мир. Сумеет ли девушка сбежать из плена, и если да, то что будет ждать ее на свободе? Впрочем, пока Риэль знает лишь одно - чтобы ее род продолжился, ей нужно выжить.

- [Валерия Веденеева](#)
  - [Часть 1](#)
    - [Глава 1](#)
    - [Глава 2](#)
    - [Глава 3](#)
    - [Глава 4](#)
    - [Глава 5](#)
    - [Глава 6](#)
    - [Глава 7](#)
    - [Глава 8](#)
    - [Глава 9](#)
    - [Глава 10](#)
  - [Часть 2](#)
    - [Глава 1](#)
    - [Интерлюдия 1](#)
    - [Глава 2](#)
    - [Глава 3](#)
    - [Глава 4](#)
    - [Интерлюдия 2](#)
    - [Глава 5](#)
    - [Интерлюдия 3](#)
    - [Глава 7](#)
    - [Глава 8](#)
    - [Глава 9](#)

- [Глава 10](#)
  - [Интерлюдия 4](#)
  - [Глава 11](#)
-

Валерия Веденеева

Последняя из своего рода (Том 1)

Часть 1

Глава 1

Замок был тих и почти безлюден.

Всякий раз, когда я шла по его сумрачным коридорам, каменные грифоны на стенах поворачивали головы, следя за мной. Но я уже привыкла к их давящим взглядам, уже перестала вздрагивать от скрежета их когтей.

Единственными живыми существами, которых я здесь видела, была чета слуг — людей неопределенного возраста, потомков пленников из Сдвоенного мира. Они старались избегать меня, я делала вид, будто не замечаю их... Это не так уж сложно — не замечать тех, кто не хочет быть замечен.

Восемнадцать недель назад в коридоре промелькнул знакомый силуэт — Мервин ан-Тоэль, хозяин замка. Он не подошел ко мне, только обернулся на мгновение, бросил быстрый взгляд и исчез. Мне хотелось вновь увидеть его, хотя бы ненадолго. Глупо — после всего, что произошло, — но желание казалось сильнее меня.

Впрочем, я много раз ощущала как его появление, так и уход. И то и другое в равной степени изменяли магическое поле замка. Может быть Мервин приходил зарядить в Источнике старые артефакты. Может быть — создавал новые. В работе с артефактами он был гением. Недаром, несмотря на ворчание моего отца, Мервин стал самым молодым таиртом — мастером по созданию магических артефактов — за последние сто лет.

Далеко не каждое семейство эль-туань, даже из богатых и родовитых, могло похвастаться собственным Источником. В прежние времена, еще до первого вторжения лорда Дракона, ан-Тоэли входили в первую дюжину самых влиятельных родов королевства. Свой замок основатель их рода построил вокруг одного из самых мощных Источников стихийной магии. И даже когда род захирел, родовой замок — и Источник — ан-Тоэли сумели сохранить.

Этот Источник мог бы стать для меня дорогой к свободе, но я так и не смогла приблизиться к нему из-за многочисленных слоев защиты. Такие же слои Мервин, который и прежде не страдал доверчивостью,

наложил на все окна и двери. Никто без его позволения не мог войти в замок, никто не мог выйти.

Залы замка пустовали. Не верилось, что в прошлом их наполняли голоса и детский смех. Сейчас здесь было слишком мрачно, слишком холодно и неуютно. Возможно оттого, что Мервин — последний из рода. С его смертью стены замка покроются трещинами и завалятся внутрь, став могильным памятником еще одной древней семье. Обрушатся так же, как обрушились стены королевского дворца, похоронив мою прежнюю жизнь...

Сегодня я вновь спустилась в подземелье. Там было пусто и пыльно, на голых стенах не горел ни один факел, но, как все эль-туань, я хорошо видела в темноте.

Двери всех камер стояли приоткрыты, замки давно покрылись ржавчиной. Вот первый десяток, и ничего полезного: камеры предназначались людям. Следующие две — для вампиров. Редкий товар, ценный. Вампиры — проклятый народ, но имели наглость утверждать, будто некогда составляли с эль-туань единое целое. Когда мой предок десять поколений тому назад впервые услышал это, то повелел не брать их в плен, а сразу убивать. Его сын, придя к власти, отменил приказ: оказалось, если правильно подойти к делу, из вампирских детенышей можно было воспитать отличных солдат, верных хозяину до гроба.

Я прошла дальше. В следующих камерах висели утолщенные цепи с ниткой станина, пущенной внутри разомкнутого ошейника. Такие цепи создавались для зверей, для двусущных, как они называли себя. Двусущные, или, проще говоря, оборотни, были достойными противниками, свирепыми и сильными. Простой металл не удержал бы их надолго.

Камеры закончились, а я так ничего и не нашла. Следовало вернуться, но ноги упрямо понесли меня вперед. Наконец, устав, я прислонилась к каменной стене — и, испуганно вскрикнув, почти упала внутрь.

Оказывается, никакой стены в этом месте не было. Иллюзия.

Я осторожно заглянула в открывшийся проход. Там, достаточно далеко, что-то блестело. Неужели тайный ход на случай осады или другой неприятности? Неужели мне наконец повезло?

Я помчалась было вперед, но моя радость длилась недолго.

Не выход. Всего лишь огромная фреска на потолке подземного зала. Источником света был особый магический состав, нанесенный поверх красок картины.

Я знала, кто создал эту фреску, знала всех, кто был изображен.

Вот, в самом ее центре, раскинул крылья огромный черный дракон. А внизу, под огненным дыханием твари, погибал город — древняя столица эль-туань... Хотя нет, мне не следовало называть дракона тварью, ведь драконы были старшими и любимыми детьми Властелина, бога-Творца; мой народ, народ эль-туань, появился на свет намного позже. Драконы были единственными, кого мы считали не только равными себе, но чье превосходство, скрипя зубами, соглашались признать.

Да, хороши же мы были, называли драконов старшими братьями, восхищались их красотой и мощью, но при том не стеснялись из века в век грабить их владения, Сдвоенный мир, приводить оттуда рабов и забирать трофеи.

Все, изображенное на картине, было правдой. Около тысячи лет назад во Врата, следом за нашей разбитой армией, влетел сам лорд Дракон. Оказалось, что какой-то глупец эль-туань подстрелил у Дракона не то жену, не то ребенка, не то обоих. Так или иначе, Дракону это не понравилось.

В итоге — мы получили бесславно проигранную войну и разъяренного лорда Дракона в *нашем* мире. Половина городов лежала в руинах к тому времени, как маги сумели вытолкнуть его назад. С тех пор одно из правил гласило: открывать Врата только тогда, когда Крылатые заняты в другом месте, и ни в коем случае не задевать их чувства убийствами родственников. Может, и в этот раз все бы обошлось, если бы мы следовали этому мудрому совету.

Я вздохнула и отвела от картины взгляд: в подземелье я спустилась не затем, чтобы сожалеть о прошлом.

Идя дальше, я одновременно вела по камню стены рукой. Вела, пока рука не провалилась в пустоту очередной иллюзии. За иллюзией начинался длинный узкий коридор.

Пол сперва полого опустился вниз, потом поднялся, узкий проход стал шире, а я увидела то, за чем шла — маленькие каменные клетушки. Тюремные камеры для самых дорогих и любимых «гостей», для эль-туань. Мне следовало быть благодарной Мервину за то, что я

не оказалась в одной из этих камер с кийста, обручем забвения, на голове. Обруч этот достаточно было надеть на пленника всего на несколько минут, правильно связать Нити — и целый месяц после того он не помнил себя и потому не думал о побеге.

Кийста я нашла в первой же камере, висящим на тонкой цепочке. Стоило прикоснуться — и кончики пальцев начало приятно покалывать: явный признак того, что артефакт все еще был полон магической энергией.

Всего в камерах оказалось семь кийста. Забрав все, я поспешила назад. В этих артефактах имелось достаточно силы для пробития барьера, который Мервин установил вокруг Источника. Наверное. По крайней мере, я надеялась на это.

Работа с таким количеством неизвестных артефактов была опасна, особенно для меня, с моим неоконченным образованием, но я не могла не попытаться.

Барьер начался в сотне шагов от Источника: воздух постепенно плотнел, становясь сперва вязким, потом и вовсе непроходимым.

На полу вдоль невидимой стены я выложила все обручи в ряд так, чтобы они касались друг друга. Блок на моей Силе стоял не полный, в противном случае я бы уже умерла: полностью отрезанные от магии, эль-туань живут недолго. Я все еще могла управлять Силой — крохой ее, но даже крохи должно было хватить, чтобы включить резерв, хранящийся в кийста.

По крайней мере, такой была моя теория.

Глубоко вздохнув, я положила руки на ближайшие артефакты и сосредоточилась. Ладони начало колоть, на сей раз неприятно, но ощущение быстро исчезло. Я выровняла дыхание, освободила разум от лишних мыслей и вскоре ощутила, как кийста начали вытягивать из меня энергию.

Постепенно тело стало словно бы и не моим — слишком легким, мягким, пушистым, будто белое летнее облако. Стены вокруг запульсировали, меняя цвет — от изначально серого в красный, желтый, зеленый, и красный вновь, и каждый новый цвет казался красивее, чем предыдущий...

Мое чувство самосохранения решило, что настало время напомнить о главном правиле управления артефактами: «Никогда не используй незнакомые предметы до достижения уровня мастера, и

даже потом только в присутствии хотя бы одного мага». Я не была мастером, никто не страховал меня, но если бы я остановилась, то потеряла бы единственный шанс сбежать.

В любом случае, игра цвета была лишь иллюзией. Я закрыла глаза, чтобы сосредоточиться лучше. Если что-то пойдет не так, я всегда успею остановиться...

Глава 2

Первым, что я осознала, стали фрагменты воспоминаний, уникальные в своей бессмысленности. Чернота, лишённая жизни и вместе с тем кипящая ею. Ночь, полная звезд — но не только над головой, где им положено быть, но и под ногами, и со всех сторон. И присутствие сущности, не живой в привычном смысле этого слова, не имеющей тела, не способной дышать, но при том отнюдь не мертвой.

Были и другие образы, более смутные, которые я при всем желании не могла вспомнить.

Я открыла глаза и немедленно зажмурилась — все заливал яркий свет. Моргнув несколько раз, села. Я была в своей комнате, или, правильнее сказать, в месте, которое служило моей комнатой последние шесть месяцев. Я была не одна.

Его присутствие я ощутила немедленно, давление его Силы, неограниченной барьерами. Конечно же, повернув голову, я увидела Мервина, сидящего на стуле и мрачно смотрящего на меня.

Внешность таирта ничуть не изменилась — все такой же худощавый, бледный, темноволосый, с радужками глаз такими черными, что их казалось невозможно отличить от зрачка. Черты его лица, правильные и, пожалуй, красивые, портило холодное, жесткое выражение. Мервин был одного возраста с Камиром, моим самым старшим братом, но казался старше. Одет он был во все черное, его любимый цвет, только на правом плече появилась новая эмблема — стилизованное изображение головы дракона.

Взглянув на Мервина, я ощутила жгучее желание высказать свое недовольство его отсутствием манер. В самом деле — заявиться в покои благородной дамы без приглашения!

— Из всех глупостей, которые вы могли сделать, принцесса... — его первые слова прозвучали как рычание. — О чем вы вообще думали?

Я растерянно моргнула, не представляя, что он имеет в виду. Наш первый разговор за полгода — и Мервин, позабыв даже о зачатках этикета, ворвался в мою комнату и набросился с непонятными вопросами!

— Или такова была ваша цель? Усложненный способ самоубийства? — в голосе таирта проскользнуло презрение.

— Конечно же нет! — я немедленно отбросила его абсурдное обвинение, потом сделала паузу, и, решив, что нет смысла играть в догадки, добавила. — О чем ты вообще говоришь?

Мервин нахмурился.

— Я говорю, — начал он медленно, — о вашей безумной попытке использовать кийста, чтобы пробить щиты на Источнике. Данные артефакты не подходят для таких целей. Их единственное назначение — лишение памяти и смерть.

Кийста? Мои ладони неожиданно закололо. Я потеряла их и уставилась, не понимая, на красные полумесяцы ожогов.

— Это от кийста, — пояснил Мервин и сделал неопределенный жест, после чего колотье стихло, а ожоги начали бледнеть.

— Впрочем, — добавил он ядовито, — этот дискомфорт — самый минимум, который вы, принцесса, заслужили за свою глупость.

Я сжала ладони в кулаки, пряча ожоги, а потом, резкой вспышкой, память вернулась: мой визит в подземелье, случайная находка и импровизированный план побега...

— Как ты узнал? — спросила, ощущая одновременно разочарование и облегчение. Мой план провалился, но я хотя бы не умерла. Жизнь — даже жизнь в качестве пленницы — не то, чего я хотела лишиться.

Таирт снисходительно улыбнулся.

— Неужели вам не приходило в голову, Ваше Высочество, что я знаю обо всем, происходящем в моем доме?

Ну конечно. Следящие заклинания не обязаны быть видимыми.

После паузы Мервин добавил:

— Вы имеете представление, сколько Силы мне пришлось потратить, чтобы ликвидировать нанесенный кийста ущерб?

Я покачала головой, чувствуя себя немного виноватой. Глупо, конечно: пленница не должна чувствовать вину за неудобство, которое причинила тюремщику.

— А я не просила тратить, — пробормотала, не глядя на таирта...

Несколько лет назад...

Мервин был неизменной частью моего детства. Всегда рядом, молчаливый, мрачный наблюдатель, черноволосый и черноглазый; всегда одетый в темное и казавшийся оттого еще бледнее. Среди ярких красок королевского двора он был уместен не более, чем нахохленный ворон в окружении сияющих тропических птиц.

В те годы мне часто приходил в голову вопрос — почему Мервин терпит изобретательные издевки моих старших братьев, брюзгливое недовольство отца, замаскированное презрение придворных? Почему не вернется домой? Однажды я спросила его об этом, и таирт, после долгой паузы, когда стало казаться, будто меня просто не слышали, ответил:

— Спросите лучше у вашего отца, принцесса.

Именно это я не замедлила сделать.

— Он нам нужен, — с неохотой объяснил король, отодвигая очередной важный документ, понимая, что я не отстану, пока не добьюсь ответа. — Это один из лучших таиртов в стране.

— Но Мервин мог бы изготавливать артефакты дома! — воскликнула я. — Папа, разве ты не видишь, как ему плохо здесь?

— Есть вещи более важные, чем чувства отдельного... — отец сделал короткую паузу и с некоторым усилием закончил, — отдельного эль-туань. Кроме того, его необходимо держать под присмотром.

— Почему? — удивилась я. — Разве Мервин опасен?

— Нет, — буркнул отец. — Но он полукровка. Кто знает, что он унаследовал от этих тварей?

— Не полукровка, а только на одну восьмую... Хотя нет, подожди. Если восемь поколений назад один из предков Мервина был оборотнем, то как такое смешение правильно называется?

Король взглянул на меня насмешливо:

— Если ты все спросила, девочка, может, займешься чем-нибудь другим и позволишь отцу закончить работу?

Я скорчила тогда недовольную гримасу, но ушла. У меня, как и у отца, были свои дела помимо Мервина. Например, устроить каверзу для одного брата, свалить все на другого, а потом с визгом носиться по парку от них обоих, разобравшихся, наконец, кто истинный виновник.

О, это безоблачное время детства!

Мне было пятнадцать, когда мама, в наказание за очередное нарушение этикета, отправила меня в нижнюю лабораторию таиртов, младшей помощницей. Помню, я куксилась и плакала, но переупрямить королеву не могла. Она вообще придерживалась странных понятий о правильном воспитании детей. Например, мама верила, что дополнительные занятия разными ветвями магии — самое лучшее и прогрессивное наказание, в отличие от домашнего ареста или лишения сладкого.

Возможно, она была права.

Создание артефактов — трудоемкий и сложный раздел магии, требующий невероятной точности в приложении Силы, способности концентрироваться, отсекающие лишние мысли. То есть таирты, как я полагала, воплощали качества, у меня напрочь отсутствовавшие.

Помню собственное удивление, когда у меня, самой бестолковой принцессы за всю историю династии (так, по крайней мере, уверял наставник по боевой магии) что-то начало получаться. Мервин, ставший к тому времени мастером-таиртом, не хвалил меня, но яда в его редких репликах убавилось.

Глава 3

— Почему я здесь? — спросила я. — Что тебе нужно от меня?

Выражение лица Мервина никак не изменилось, словно бы он не слышал вопрос.

— Лучшие маги нашей страны учили вас, принцесса, — сказал он ровным тоном, — вы не можете не знать правила обращения с артефактами. Так скажите мне, что это было — приступ глупости или приступ безумия?

Я ощутила, как от стыда и возмущения начало гореть лицо.

— Итак?

— Я... Это было... — глубоко вдохнув, я начала вновь. — Полгода! Ты запер меня здесь, в одиночестве! Мне нечего было делать, не с кем говорить! Я просто хотела сбежать из твоей проклятой тюрьмы!

Губы Мервина пренебрежительно скривились.

— Не ожидал, что принцесса из Великого Дома Шоралл рискнет жизнью из-за подобных мелочей.

— Мне так плохо здесь, — сказала я тихо. — Мервин, отпусти меня.

На мгновение гримаса исказила лицо таирта. Гнев? Я не успела понять, а маска безразличия уже вернулась на место.

— Нет, — сказал он.

— Мервин, — я пыталась говорить спокойно, но мой собственный гнев рос. — Пожалуйста, пойми, так не может продолжаться. Это невыносимо. Я ведь дочь короля и...

— Уже нет, — прервал он.

— Что? — я недоуменно моргнула.

— Ты была дочерью короля. Сейчас ты никто.

— Что? Да как ты смеешь! — я вскочила на ноги, чувствуя, как гнев жжет мне кожу лица. Таирт взмахнул рукой, и воздух тяжелой ношей упал мне на плечи, придавливая к кровати. Потом Мервин заговорил, и хотя его черные глаза все еще не выражали никаких эмоций, голос сочился ядом.

— Ты, кажется, не поняла, моя дражайшая принцесса, кто я теперь и кто *ты*.

Я не могла поверить собственным ушам. Мервин никогда не говорил со мной так: никогда не обращался ко мне на «ты», никогда в тоне его не было ненависти. Мой гнев сменился растерянностью и подступающим страхом.

— Я объясню, милая принцесса, — продолжил таирт. — Разъясню твою ошибку. Полгода назад род Шоралл, дважды проклятый Драконами, был уничтожен. Королевства Шоралл больше нет: страна теперь разбита на дюжину провинций, правитель каждой носит знак, подобный этому, — и Мервин, не отводя от меня взгляда, указал на эмблему на своей одежде.

Я вздрогнула. Показалось, будто от жеста таирта дракон на его плече ожил и уставился прямо на меня. Или не показалось — как знать, что за магия вложена в создание эмблемы? Я торопливо отвела взгляд. Теперь понятно, почему Мервин почти не появлялся в замке все это время: вряд ли эль-туань покорно приняли власть чужаков.

— В награду за преданную службу, — продолжил таирт, — Дракон не только вернул мне земли предков, отобранные Шоралл, и назначил своим первым наместником, но и подарил тебя — как заслуженный трофей.

Меня? Трофей? То есть — как рабыню?!!

Мервин сделал паузу. Я молчала. Я Шоралл, я не сорвусь в истерику. Только заставляла себя дышать — вдох и выдох. Дышать ровно, не сбиться. Вдох и выдох. Внутри росло ощущение, что его следующие слова ударят меня еще сильнее. Вдох — мгновение — выдох.

— Хочешь знать, почему Дракон так благоволит ко мне, единственному эль-туань среди Его слуг? — таирт слегка улыбнулся. — Ну же, девочка, есть у тебя на этот счет идеи?

Я покачала головой.

— Ты ведь помнишь ночь, когда вампиры захватили тебя? — спросил он.

Как бы я могла забыть ее? Для меня все началось вечером, за несколько часов до внезапной атаки, когда безымянный слуга-человек принес записку от Мервина. Таирт просил о встрече и обещал

рассказать всю правду о своем недавнем исчезновении. Конечно, я пошла.

Они напали врасплох, из засады, когда до названного таиртом места осталось едва ли десять шагов. Не знаю, сколько их было — диких немеченых вампиров. Не знаю, сумела ли я убить хоть одного... Вампиры связали меня и отнесли назад, к отцовскому дворцу. Я была в сознании и видела, как ночное небо разорвалось пополам, пропуская крылатое чудовище. Видела, как ломалась магическая защита, как рушились одна за другой башни, оседали внутрь, оплывая расплавленным камнем. Видела, как на фоне белесых ночных облаков кружил черный дракон, видела, как пламя его дыхания превращает в ничто сердце моего народа. Видела, как радовались рабы гибели своих благородных хозяев. Видела обезглавленные тела отца и Камира, видела, как от Ренарда остался лишь черный пепел. Не знаю, сколько это длилось. Не помню, в какой момент, оглушенная ужасом, я ушла в себя.

— Я был там в ту судьбоносную ночь, — тон Мервина изменился, зазвучал почти мечтательно. — Именно я помог Дракону пробить Барьер-между-мирами. Ты, верно, не знаешь, принцесса, но в нашем мире сделать это можно только из дворца Шоралл. Все же не даром столько лет я прослужил королевским таиртом. Хотя на что-то пригодились эти проклятые годы.

Сквозь слезы, набежавшие на глаза, я видела кривую усмешку на лице Мервина. Гнев ушел, теперь мне было очень, почти физически, больно.

— Значит, — прошептала я, — если бы не ты, моя семья была бы жива.

Он поднял брови.

— Кто знает, принцесса, кто знает. Твой отец сильно разозлил Дракона, когда дал убежище Адептам Хаоса. Это из-за них Дракон потерял единственного брата и едва не потерял племянника.

В этом Мервин был прав. Помню, как мама много раз просила отца не связываться с этими фанатичными безумцами. Увы, семейное упрямство Шоралл оказалось сильнее ее уговоров.

— Кроме того, — небрежным тоном продолжил Мервин, — наследник Дракона удивился нашему обычаю превращать пленных из Сдвоенного мира в рабов. По-моему, это его даже расстроило.

Я знала, что Мервин издевался, но что сказать на это? Прежде я не представляла, как сильно рабы ненавидят нас. Мне казалось, они довольны своей судьбой. Даже если и нет, разве мы когда-нибудь считали их равными себе? Какое кому дело, что думают звери, и нравится ли им в клетке?

— Я сам принес голову короля Дракону, — сказал таирт, продолжая усмехаться. — А вот голову Камира я оставил себе, в память о нашей с ним, такой нежной, дружбе.

Мое тело, словно превращенное в ледяную статую, от этих слов оттаяло, согретое вернувшимся гневом, бессильным и бесполезным.

— Предатель, — это все, что хватило сил сказать.

Война окончена, мы проиграли — из-за Мервина. Лучше бы я не вмешивалась и позволила братьям замучить таирта до смерти. Наверное, отец в глубине души хотел именно этого, поэтому никогда не останавливал Камира.

Да, Мервин бы умер, а моя семья бы выжила. Возможно... Потому что таирт был прав и здесь: Дракон не прощает обид. Он бы пришел, проломив Барьер даже без помощи изнутри, как умеют только Драконы, и сжег бы не только столицу, но и всю страну покрыл бы пеплом...

Или нет...

Я не знала.

Мне было нестерпимо, невыносимо плохо.

— Отныне, — произнес Мервин, вставая, — ты будешь делать только то, что велю я, и выходить из своей комнаты только с моего разрешения.

Я не осмелилась ничего больше сказать, не спорила. Предатель — только это слово крутилось в голове, а еще воспоминание о мертвом теле отца. Я не хотела даже думать о том, какие у Мервина на меня планы.

Таирт, окинув меня на прощание долгим взглядом, ушел.

Ежась, я обхватила себя руками за плечи, сжавшись на кровати в комок. Казалось, будто стены начали съезжаться, грозя раздавить.

Почти полгода назад я проснулась в этой комнате, в чужом доме, лишенная Силы, обреченная на пустоту и одиночество. Но только сейчас я увидела истинную суть этого места — суть тюремной камеры, обманчиво светлой, просторной, наполненной свежим воздухом. К

чему решетки на окнах, если нити Силы служат куда лучше, но не портят вид из окна? К чему засов на двери, если невозможно выйти из замка?

Я сползла с кровати и забилась в угол, словно это могло спрятать меня от реальности. Села на пол, обхватив руками колени, вновь и вновь вспоминая последнюю ночь, когда я видела свою семью живой. Вновь и вновь вспоминая, как они погибли. Я пыталась думать о другом, но память не желала подчиняться. Вновь и вновь — догорающий дворец, крики умирающих, тела, обращенные в черную жирную сажу. Я только надеялась — и молила о том Властелина — что смерть родителей и братьев оказалась быстрой. Что они не мучились перед уходом...

* * *

Несколько лет назад...

Я спустилась в лабораторию таиртов, довольно громко напевая один и тот же, засевший в голове, куплет. К празднованию Дня Очищения отец пригласил труппу музыкантов из Свеиля, и вот уже третий день двор без усталости веселился. Почти весь.

Лаборатория казалась пустой лишь на первый взгляд. Мервин был здесь: прятался в тени и колдовал над каким-то оружием. На мое появление не обратил внимания — не хотел, чтобы его дергали.

Но я была весела и бесстрашна — весь вечер самые достойные представители знати рассыпались передо мной в комплиментах, и, кроме того, тайком от мамы я выпила два бокала искристого вина. Ну и что, что мне едва исполнилось пятнадцать, а вино настаивалось на травах Грозовой долины? Принцессе дома Шоралл дозволено больше, чем обычным смертным!

Я уверенно поставила наполовину пустой бокал с вином, (уже третий!), на край стола. Тот отчего-то сделал попытку упасть, но я не позволила такого неподчинения своей воле. Потом подошла к Мервину почти вплотную, так что притворяться, будто меня не существует, он уже не мог.

— Вы собираетесь петь серенады весь день, принцесса, или для вашего появления есть причина? — осведомился таирт холодно.

Пару секунд я думала: сделать вид, что обиделась, или нет? Потом решила, что не стоит — иначе Мервин станет еще невыносимее.

— Я пришла спросить почему ты здесь, а не празднуешь вместе со всеми?

Таирт мрачно посмотрел на меня.

— Если участие в благородном веселье, — два последних слова он буквально процедил, — еще не является обязательным по указу вашего отца, принцесса, то я воздержусь.

Я удивленно нахмурилась: столько яда в голосе было перегибом даже для него, самого нелюдимого таирта в королевстве (хотя, честно сказать, таирт столь редкая профессия, что во всей стране их наберется едва ли с пару дюжин). Нет, что-то во всем этом было нечисто. И я буду не я, если не вытащу из Мервина, в чем дело!

— Могу попросить отца издать такой указ! — воскликнула я преувеличенно-радостным тоном.

— Довольно, принцесса! — мой драгоценный учитель скривился, словно у него разболелся зуб.

О зубной боли, в отличие от большинства наших, я могла говорить с полным знанием дела: однажды старший братец Ренард угостил любимую сестренку вкусной конфетой, под шоколадной глазурью которой скрывался камень. У-у-у...! Ему, конечно, влетело и от отца, и от матушки, но я проходила со сломанным зубом целую неделю, пока тот сам не вырос заново. Отец заявил: раз я настолько глупа, что беру угощение без проверки, то так мне и надо, и запретил лечить магией.

Итак, таирт моей идеей оказался весьма недоволен. Продолжим.

— А еще о тебе спрашивал Камир, даже сам хотел пойти в подземелье.

Ого! Хорошо, что только Древние умели убивать взглядом! Как я и думала, мои братья опять сделали Мервину какую-то гадость. Начиная обычно Камир, иногда к травле присоединялся Ренард. Седд, как всегда, не обращал на происходящее внимания, а Мийо с интересом наблюдал со стороны. Отец не вмешивался.

Я.... А что могла я? Да, в моем присутствии Камир вел себя не так отвратительно, как обычно. Только вот в такой ситуации начинал

злиться Мервин, заявляя, что не нуждается в покровительстве сопливой девчонки. После таких слов мне хотелось оставить все, как есть. Но я не могла. Он был мой таирт! Мой! И я бы никому не позволила забрать то, что принадлежит мне!

Я уже знала, что попрошу у отца на совершеннолетие — Мервина! Король скривится, но по традиции не сможет отказать, и таирт станет *моим* вассалом! Оставалось еще пять лет — первое совершеннолетие у нас наступает в двадцать — но я уже предвкушала этот момент. Вот только реакция Мервина меня тревожила. Я была уверена — таирт придет в ярость. И как мне с этим справляться? Зато, когда таирт будет моим, никто не посмеет ему ничего сделать, даже Камир, хоть он и наследник.

— Если вы сказали все, что хотели, принцесса, то не смею вас дольше задерживать, — перебил Мервин мои мысли. Я присела в реверансе, но не ушла. Хотелось сказать этой колючке что-то доброе, но в голову, как назло, ничего не приходило. Наконец, признав поражение, я вздохнула и развернулась к двери. Все это время таирт не спускал с меня испытующего взгляда.

Однако позднее он и впрямь появился на балу. Не танцевал. Мервин никогда не танцевал. Уверена, любая приглашенная им дама упала бы в обморок от изумления. Просто стоял в стороне от толпы, молча слушал музыкантов и наблюдал за всеми, а я, довольная, что удалось вытащить его из норы, всю веселилась.

Глава 4

Я проснулась в кровати, укрытая одеялом. Никаких воспоминаний о том, как я вынула из волос все шпильки, как заснула, не осталось.

Встав, я подошла к двери и пыталась открыть.

Заперто.

Ну конечно.

За годы ученичества у таирта я выучила его магическую подпись наизусть, и сейчас остаточный след его заклинаний буквально вибрировал в воздухе — Мервин не поскупился на Силу.

Незадолго до последней битвы отец обмолвился, что у таирта слишком много Силы, намного больше, чем должно быть у эль-туань не из королевского рода... Надо же, только сейчас, спустя долгие месяцы, я поняла: эти слова являлись смертным приговором Мервину. Как он выжил?

Я отошла от двери и оглядела комнату, которая внезапно показалась невероятно маленькой. Как долго я обречена видеть только эти стены? Рассеянно взяла с ночного столика шелковую ленту для волос, но та выскользнула из пальцев. В чем дело? Вторая попытка также закончилась неудачей. Неужели...?

То же самое произошло со всеми вещами, из которых хотя бы с отдаленной вероятностью можно было сделать удавку. Все мои платья, вся одежда... Я попыталась порвать на полосы простыню — результат оказался ожидаемый. Стало быть, Мервину показалось недостаточно запереть меня в камере, ему потребовалось забрать последний способ побега.

Я вовсе не собиралась убивать себя, отнюдь, но тут во мне разыграл азарт охотника. Внимательно огляделась по сторонам: что мог пропустить таирт? Ну же?

Изящная ваза из тонкого хрусталя, некогда доставленная из Сдвоенного мира, с букетом живых цветов. Я бросила ее в стену — и та отскочила, подпрыгивая по полу, как каучуковый мяч, цветы рассыпались в изящном беспорядке, но не потеряли при этом ни единого лепестка. Давно срезанные, уже умершие, но зачарованные всегда выглядеть живыми... Как я...

Меня пробило на истерический смех, который быстро перешел в рыдание. Я оплакивала себя, свою семью, весь свой мир, обращенный в прах. И я тоже была прахом. Настоящая принцесса из рода Шоралл погибла полгода назад, а я просто безымянная девчонка. Я никто — как и сказал Мервин. Уткнулась лицом в подушку, глуша всхлипы. Лучше бы я умерла вместе со всеми!

* * *

Около года назад...

Совсем скоро мне должно было исполниться семнадцать. Только вот две недели назад на официальном приеме посольства наших союзников кадари я пролила — случайно! — на одного из них вино из бокала. Не повезло, кажется, самому Регенту. Кадари от такого оцепенели, а отец, с самого утра чем-то раздосадованный, пришел в ярость и при всех накричал на меня, называя бестолочью и позором династии. Этого не стерпела уже я, и, даже не извинившись перед пострадавшим, бурно высказала свое несогласие.

Не знаю уж, чем бы все закончилось, но вмешалась мама, после чего я на целый месяц оказалась прикована к подземельям таиртов, откуда вечерами меня под конвоем провожали в мои же покои. В самом деле, как преступницу!

Меня это забавляло до невозможности, и я регулярно пыталась сбежать от охраны. Бедные гвардейцы очень расстраивались и просили так не делать. В конце концов, они даже стали бросать жребий — кому выпадет печальная необходимость меня охранять.

Да, первые дни это казалось забавным, однако месяц наказания включал в себя и мой день рождения, и отмененный по приказу отца бал. Братья, полагала я, все равно мне что-нибудь подарят, но только когда срок наказания истечет. В лабораторию таиртов я шла охотно, хотя в присутствии отца старалась показать, какие невыносимые страдания причиняет мне королевское наказание. Иначе драгоценный родитель мог додуматься до чего-нибудь поистине ужасного. А пока довольны были все, кроме подмастерьев таиртов, поскольку заготовки

для артефактов я портила примерно через день, а создавать новые приходилось им.

Официально Мервин являлся младшим из мастеров, но я давно знала, что самые важные и сложные заказы выполнял именно он. Единственная причина такой несправедливости заключалась в его смешанной крови. Глупость, конечно: в своем деле Мервин был гением, это могла понять даже я. И это прекрасно знал отец.

Шла третья неделя моего наказания, наступил канун дня рождения. Я как раз начала спуск в подземелья таиртов и завернула за первый угол, а стражники плелись где-то за спиной, когда меня окликнул знакомый голос. Камила, несколько лет как постоянная подруга Седда. Не знаю уж, что они нашли друг в друге. По-моему, более неподходящую пару трудно было подобрать: холодный и язвительный сухарь, мой третий братец, и нежная, хрупкая, похожая на плакучую иву, дочь Крийского герцога. Хотя, когда Седд положил на нее глаз, оставался ли у Камилы выбор?

— Тебе завтра исполняется семнадцать, — тягуче произнесла девушка, выступая из тени бокового хода. Я остановилась, с любопытством глядя на черноволосую пассию брата. Мы находились в хороших отношениях, хотя до дружбы у нас не дошло. Однако она часто пренебрегала условностями и, когда мы оказывались наедине, обращалась на «ты». Я не возражала.

— Семнадцать, а ты опять идешь в эти мерзкие подземелья, — певучий голос нобилессы наполнился состраданием.

Я не стала спорить с определением, только согласно кивнула. Камила была не первой, кто постарался втайне от короля выразить мне сочувствие. Причина доброты придворных объяснялась просто: одного моего слова было достаточно, чтобы Камир, старший принц и наследник, счел своей обязанностью наказать обидчиков любимой сестренки. А его недовольство грозило большими неприятностями, чем недовольство короля.

Нет, я не злоупотребляла своим влиянием, просто жизнь при дворе приучила меня видеть мотивы доброжелателей.

Впрочем, в искренности Камилы я почти не сомневалась: все жители Крия действительно боялись и ненавидели подземелья. Учитель по боевой магии рассказывал, что страх замкнутого

пространства и темноты рождался вместе с ними — следствие одного старого проклятия.

— Ты вянешь в темноте, как цветок, лишенный света, — продолжила Камила, и я с запозданием вспомнила, что страстью прекрасной эль-туань являлось составление баллад о несчастной любви. Я, увы, любительницей поэзии не была. Однако страх стать первым слушателем очередного творения не оправдался. Любовница Седда всего лишь вынула из собственных волос и протянула мне алую розу без шипов. Цветок, выращенный при помощи магии.

— Укрась себя, Риэль, и тебе будет не так грустно, — пожелала она, и, величественно развернувшись, вновь исчезла в темном переходе. Я рассеянно повертела цветок в руках, по уже намертво вдолбленной привычке проверяя его на посторонние воздействия, потом заткнула за ухо. Пожала плечами. Оставалось надеяться, что героиней очередной баллады стану не несчастная, одинокая, несправедливо наказанная и всеми покинутая я. А то с Камилы вполне могло случиться.

Однако пристальное внимание, которым удостоил меня Мервин, стоило риска обессмертить свое имя в поэме непризнанной поэтессы.

— Вы только что встретились с очередным обожателем, принцесса? — поинтересовался он холодно.

Я с сожалением вздохнула:

— Если бы! Это Камила Крий решила выразить сочувствие.

Я коснулась цветка и вдруг остро пожалела, что дарителем на самом деле не был прекрасный и пылкий юноша. Провела пальцем по шелковистым лепесткам и тихо сказала:

— Мне еще никто не дарил цветов...

Глупый старый обычай: пока принцесса Шоралл не выйдет замуж, ни один мужчина не должен подносить ей цветы. Если бы у меня был кто-то, не побоявшийся нарушить это правило! Конечно, узнай отец о таком, в лучшем случае лишил бы смельчака всех титулов и выгнал бы прочь. Король отчего-то искренне верил в древнее пророчество, будто мужчина, подаривший девушке крови Шоралл цветы, уничтожит правящую династию.

Мервин ничего не сказал на мои слова, только кивнул на работу, оставленную подмастерьем. Я вздохнула и подошла к заготовке.

В тот день мы почти не разговаривали. Я молчала, думая о неопределенности собственного будущего, которое станет таким, каким его решит сделать отец, а Мервин молчал, потому что... Ну, он молчал почти всегда, это просто являлось частью его характера.

Подмастерьев в лаборатории не было — с моим появлением бедняги половину времени проводили у Источника, разряжали испорченные мной заготовки и трудились над новыми.

Той ночью я внезапно проснулась и поняла, что все еще сплю, и мне снится, будто покои заполнены цветами. Розы, лилии, орхидеи. Изящными букетами они лежали на полу вокруг кровати, на подушке, на одеяле...

На мгновение я испугалась, думая, что кто-то сумел проникнуть ко мне. Но охранные чары по периметру покоев ставил отец, а в королевстве не было чародея могущественнее. И я успокоилась, улыбнулась сама себе — просто красивый сон. Подарок от неведомого обожателя, как и мечтала. Откинулась на подушку и закрыла глаза, с наслаждением вдыхая сладкие ароматы.

Конечно же, проснувшись утром, я не нашла даже крохотного лепесточка.

Глава 5

Истерика прошла. Я лежала, уставившись в резной потолок, пытаюсь понять. Таирт признался в собственном предательстве, его вина в смерти моих родных, как и в моих собственных шести месяцах плена была бесспорна. Впрочем, по сравнению со всем остальным, плен — это такая мелочь.

Я должна была возненавидеть Мервина, я пыталась возненавидеть Мервина — и не могла. Но я должна была пытаться и дальше — это был мой долг перед семьей, оправдание моего имени.

Только вот вместо пылающего дворца и мертвых тел перед мысленным взором возникло совсем другое событие, случившееся за месяц до битвы...

* * *

Семь месяцев назад...

До семнадцати лет я ни разу не удалялась от столицы дальше, чем на два конных переезда, и даже это случалось только когда весь двор выезжал на традиционную осеннюю охоту. Меня считали недостаточно взрослой, чтобы путешествовать в одиночестве, без родителей, в сопровождении лишь нескольких фрейлин и охраны. Королю с королевой некогда было заниматься моими развлечениями, Камир тоже был занят, а с остальными братьями меня не отпускали.

После того, как я облила Регента кадары вином, король приказал отменить все празднования в честь моего семнадцатилетия, но потом то ли смилостивился, то ли я очень хорошо сумела изобразить страдания несправедливо обиженного ребенка, и у отца проснулась совесть. Так или иначе, но вместо отмененного бала его величество позволил мне выбрать любое другое развлечение на свой вкус. И я пожелала провести две недели на берегу моря.

Услышав об этом, король пробормотал что-то нелестное о собственной мягкотелости, после чего послал со мной братьев и сотню гвардейцев для охраны. А мама настоятельно посоветовала почти

половине двора тоже отправиться к морю, чтобы ее «милая девочка не заскучала в одиночестве». В итоге получилось так, что только одна я ехала отдыхать добровольно.

Когда серый туман Портала расступился, вокруг себя я увидела лазурное море. Море и только море. Портал открылся над самой водой, в которой я и оказалась, не успев ничего сообразить. Многочисленные юбки встали колоколом, удержав меня на поверхности, не позволив сразу последовать за ушедшими на дно туфлями. Я не испугалась, просто почувствовала раздражение и злость — на Ренарда, который ставил перенесший меня Портал, и на себя — за то, что доверилась ему. Когда я поумнею?

Волны были мелкие, даже не волны, а рябь; море — безмятежное, небо — без единого облачка. Передо мной — чистый горизонт, одна сплошная синева. Продолжая неуклюже барахтаться в пышных одеждах, порадовалась отсутствию шторма — иначе на волнах от меня остался бы лишь одинокий шарфик. Вода никогда не была моей стихией. Правда, однажды я сумела переплыть целый пруд у летней королевской резиденции.

Неуклюже загребая, я развернулась. Как и думала, берег оказался за спиной, примерно в двух милях: блестел на солнце золотой пляж, слева вставали когтистые скальные отроги, у подножия которых прилепился небольшой замок графа Меннинга. По плану, Портал Ренарда должен был открыться в его дворе.

Я мысленно поклялась, что если останусь жива после сегодняшней братской шутки, то отомщу так, что Ренарду до смерти икаться будет! Ох, доплыть бы только до берега! Доплыть бы...

Я сбросила ту одежду, от которой сумела избавиться самостоятельно, но помогло это не сильно. Нет, вода определенно не была моей стихией. Хуже того, она не давала мне управлять магическими потоками, постоянные колебания волн не позволяли сосредоточиться и поймать Нити. Стоило попытаться — и я тут же с головой уходила под воду; выплывала, отплевываясь, но не могла стерпеть и просто плыть, так что все начиналось снова, только вот силы уходили слишком быстро, а берег приближался слишком медленно.

Меня уже должны были хватиться, только догадался ли кто-то, что искать надо в море?

Не знаю, сколько времени отняла эта пара миль, но я почти добралась до берега. Мне оставалось всего несколько десятков футов — и под ногами будет твердая почва, где я смогу управлять магией.

И в тот момент появились они — полупрозрачные тени в синей воде. Сперва показалось, что вокруг кружат обычные водные хищники с треугольными плавниками; это они порой крали рыбацкий улов и переворачивали лодки простолудинов и рабов. От аристократов эти твари сбегали, едва почувствовав окружающую нас магию.

Но тени рядом со мной не торопились исчезать, напротив, придвигались все ближе. Потом одна из них вынырнула почти у меня перед носом, и я закричала в ужасе, поняв, наконец, что это за невидимки.

Давным-давно какой-то умник назвал этих тварей морскими драконами. По мне, так они больше походили на змей: длинные гибкие тела, пасть с омерзительно острыми зубами и никаких крыльев. Их силуэты странно пульсировали, то совсем пропадая из вида, то проявляясь с необычайной четкостью. Их тела уже касались меня, но ни одно из чудовищ не пустило в ход зубы.

Быть может, они просто играют? — наивно понадеялась я. Твари действительно играли - по-своему. Они обвинили меня за руки и шею, утягивая назад в открытое море. Я вновь закричала, зовя на помощь, и в отчаянии попыталась еще раз ухватить Нити. Тела чудовищ, касающихся меня, заискрились радугой, а я ощутила в душе болезненную пустоту, словно из меня пили саму жизнь.

На пляже между тем замерцал силуэт Портала, оттуда выбежало несколько эль-туань охраны и Камир. Может, был кто-то еще, но в этот миг меня с головой захлестнула высокая волна. Даже обессилевшая и нахлебавшаяся воды, я почувствовала мощные потоки Силы, которые должны были освободить меня и вернуть на берег. Камир, его почерк. Старший брат почти сравнялся с отцом по умению управлять Нитями.

Магия разрушения, не затронув меня, накрыла чудовищ туманным куполом — и исчезла, а вот несостоявшиеся жертвы, напротив, еще больше оживились, даже тела их словно выросли в размерах. И тогда только я поняла, отчего моряки так боялись встреч с этими тварями: морские драконы не боялись магии, они питались ею.

Ни брат, ни охрана из эль-туань не могли помочь мне. Быть может, только отец, если бы он был здесь, если бы он знал...

Твари продолжали тащить меня, я даже не могла представить — зачем. И почему я нужна была им живой? Они так старательно держали меня на поверхности... Извернувшись, я оглянулась на берег. На лице Камира были ярость и отчаяние, то же выражение — на лицах стражи. А за их спиной вырисовывался новый Портал. Я не успела рассмотреть, кто пришел им — одна из тварей, обвивших левую руку, рванулась вперед так сильно, что у меня, вскрикнувшей от боли, поплыли перед глазами круги. Другие морские драконы тоже увеличили скорость — словно спешили поскорее убраться от берега. Словно испугались чего-то. Или кого-то.

Неужели отец? — надежда была опрометчивой, но так хотелось верить в спасение.

Воздух вокруг потемнел, словно преждевременно наступила ночь, а тела тварей, держащих меня, напротив, начали светлеть, пока не стали совсем прозрачными.

Потом почти неосязаемыми.

И не исчезли вовсе...

У меня едва остались силы держаться на поверхности, когда из глубины поднялась мощная волна, и, словно обломок кораблекрушения, выбросила меня на берег. Кашляя водой, я сумела приподняться на руках и оглядеться. Отца нигде не было, зато в двух шагах за спиной брата стоял Мервин. Вокруг таирта медленно таяло темное облако, из которого все еще тянулись в моем направлении щупальца магического тумана.

Перед тем, как потерять сознание, мой ослабленный мозг все же сподобился на одно озарение: это облако странного тумана было воплощением Темной Магии, или анти-магии, как ее еще называли. Владение ею считалось редчайшей способностью, проявлявшейся у эль-туань далеко не каждое столетие. Мервину удивительно повезло. Или не повезло, если учесть выражение лица Камира, повернувшегося к моему спасителю...

О чем я только не передумала за время своего заключения. Конечно, гадала и о том, как именно Дракон сумел прорваться в наш мир. Соотносила записку Мервина с собственным похищением, с началом битвы, с пробуждением в его замке — но все равно не верила.

Сейчас я поняла, что все эти шесть месяцев, проведенных в замке таирта, в глубине души я надеялась: когда Мервин вернется, когда объяснит — то все прояснится, станет по-прежнему.

По-прежнему не стало. Вся прежняя жизнь сгорела дотла — по его вине.

Я должна была возненавидеть Мервина. Я хотела возненавидеть его.

Но не могла.

Так же, как не могла простить.

Глава 6

Через три дня после нашего разговора Мервин появился вновь, молча положил на стол стопку книг и вышел, даже не взглянув в мою сторону. Книги! Одной в покоех мне было невероятно скучно, сейчас я с удовольствием прочтала бы даже свод правил придворного этикета. Но это значило принять что-то от предателя.

Несколько минут я мучилась сомнениями, пытаюсь издали разглядеть хотя бы название на верхней обложке. Кажется, что-то о рунах. Не выдержав, встала и подошла ближе. Все же Мервин знал меня слишком хорошо: все книги оказались посвящены рунической магии, моей любимой.

Руны были наследием прежних жителей нашего мира; мы называли их Древними. Неизвестно, погиб ли этот народ, нашел ли себе иной дом в бескрайней Сфере Миров, но исчезли они за много веков до появления первых эль-туань.

Руны с раннего детства восхищали меня. Завораживали. Казалось порой, что я слышала их голоса. Словно каждая подсказывала свое значение, а вместе они обещали научить менять мир и творить красоту. Учитель по рунной магии единственный не имел повода жаловаться на меня родителям. Руны пели для меня, снились мне, разговаривали со мной.

Я взяла первую книгу и ахнула, узнав. В королевской библиотеке имелся лишь ее неполный список, с сотнями потерянных страниц. Как Мервину удалось отыскать этот раритет? Считалось, что полной копии в нашем мире больше не существует.

Я переворачивала страницу за страницей, иногда надолго замирала над изображениями рун, зарисовывая их себе в память. Их были тысячи, и каждая казалась неповторимой и прекрасной по-своему.

* * *

Шесть месяцев назад...

Это был обычный день, не примечательный никаким праздником или юбилеем. Должно быть, один из тех редких случаев, когда у отца не нашлось по-настоящему важных дел, и он решил посвятить время своему самому непутевому ребенку — мне.

Король сидел в малой гостиной и о чем-то вполголоса беседовал с королевой, когда слуга церемонно впустил меня. Королева приветливо улыбнулась, а я постаралась подавить вздох облегчения — похоже, вовсе не странное недомогание Ренарда явилось причиной моего вызова. Слава Властелину за это.

Нет, я совсем не жестока, по меркам нашего двора даже наоборот, но братец последнее время выводил меня из себя. Говорят, физические страдания очищают грехи и облагораживают душу — и в том, и в другом Ренард давно нуждался. Я всего лишь оказала ему услугу, и, как истинный благодетель, желала остаться неизвестной.

Итак, мама смотрела благожелательно, и такое же выражение было на лице у отца. Странно.

— Моя драгоценная Риэль, — торжественно произнес король. — Из неуклюжей девочки ты превратилась в настоящую красавицу, в истинную жемчужину нашей страны.

Я напряглась. Отец никогда не делал комплименты просто так. Никогда.

— Твой избранник будет счастливейшим эль-туань нашего мира, — продолжил Его Величество. — Но прежде он должен заслужить такую честь. Мы с твоей мамой уже давно думаем о том, кто может составить тебе партию.

Поднявшись с софы, отец подошел к резному комоду, отодвинул верхний ящик и достал открытую шкатулку, до верха наполненную миниатюрными портретами.

— Нет такого благородного дома, который не пожелал бы породниться с родом Шоралл, — проговорил король торжественно. — Взгляни: мы оставили самых достойных, из которых ты сможешь выбрать уже сама.

Я с опаской взяла шкатулку в руки. Достаточно легкая, мне она казалась сделанной из камня, скорее всего могильного. Но вместе с тем я понимала: мне, по сути, очень повезло. Обычно в династических браках девушек, да и юношей тоже, просто ставили перед фактом. Мне родители давали выбор.

— Но я еще маленькая, — собственный голос показался невероятно тонким и испуганным.

— Ну конечно, Райша! — вскочив, мама порывисто обняла меня. — Конечно, ты еще маленькая. У тебя есть время — еще много лет впереди. И никто не говорит о браке вслепую. Ты сможешь познакомиться с каждым из них прежде, чем принять решение.

Кажется, после того я поблагодарила родителей за доброту и мудрость, а потом на подгибающихся ногах поплелась в собственные покои. Шкатулку, едва выйдя в коридор, торопливо сунула охраннику.

Лучшие отпрыски благородных семейств....

Каким окажется мой будущий супруг? А если эгоистичным, самовлюбленным, жестоким? Кроме того, мне придется родить ему наследника.

Я представила процесс и все, что ему будет предшествовать, в таких деталях, что заныл однажды сломанный зуб...

Шкатулка осталась стоять на ночном столике возле кровати, оттого, наверное, ночью мне приснилась свадьба. Меня выдавали замуж за незнакомого заморского принца, старшего сына императора неведомых островов. Во сне я знала, что у островитян существует странный обычай — жених должен находиться в маске, испещренной рунами, всю свадьбу. Нас водили вокруг алтаря в дворцовом храме, и руны вспыхивали, одна за другой, — все до единой незнакомые, но за очертаниями которых ощущалась скрытая мощь. Запинаясь, я произносила свои слова, он — свои, и голос его казался мне странно знакомым. И лишь когда мы остались одни, когда он снял маску, я поняла, почему.

— Что это значит, Мервин? — спросила я приглушенно, боясь выдать его.

— Ш-ш, моя принцесса, — он улыбнулся мне своей редкой улыбкой. — Ш-ш, все так, как должно быть, — и, наклонившись, поцеловал. У его губ оказался вкус мяты...

Глава 7

Это утро началось слишком рано и странно — со стука.

— Вы одеты, принцесса? — приглушенный дверью, донесся до меня голос Мервина.

— Нет. Подожди минуту, — ответила я, пытаюсь привести себя в относительно достойный вид. Хотела побыстрее расчесаться, но только сломала несколько зубцов расчески.

— У вас есть пять минут, Ризель, поторопитесь, — велел Мервин, после чего я услышала его удаляющиеся шаги. Чудесно! Как можно привести себя в порядок за пять минут? Служанки во дворце собирали меня не меньше получаса.

Я опустила руки. Ну и перед кем я собиралась наряжаться? Перед Мервином? Так он видел меня и чумазо-перепачканной после экспериментов в лаборатории, и в самых лучших и дорогих нарядах. Да и нечего мне было надеть. Висящие в шкафу платья подходили для дворяночки средней руки, но не для принцессы.

Вздохнув, я выбрала одно бледно-голубое со шнуровкой на груди, ведь служанки, чтобы затянула нити на спине, у меня не было. Торопливо заплела едва расчесанные волосы в косу — единственная прическа, на какую хватило времени.

Мервин ждал в коридоре. Оценивающе окинул меня взглядом и кивнул, потом развернулся и молча пошел прочь. Я поспешила следом, чувствуя, что что-то не так. В выражении лица Мервина, в том, как он держал себя, ощущалось сильное напряжение, почти страх. Это было странно. Никогда прежде я не замечала за ним такого. Злился — да, ненавидел — да, но не боялся.

— Мервин, что случилось? — я задала вопрос ему в спину. В ответ молчание. Замечательно. Любимая привычка Мервина: когда вопрос ему не нравился, он делал вид, что не услышал.

Прежде чем я успела придумать, что сказать дальше, мы уже были на месте. В былые времена этот зал мог соперничать с большой приемной в королевском дворце. Уж размерами точно. Несколько десятков колонн из зеленого мрамора поддерживали свод, а стены покрывали драпировки, сейчас обветшалые, но на них еще можно

было разглядеть рисунок — созвездия восточного неба. Именно с востока далекие предки Мервина пришли в королевство Шоралл.

Я запрокинула голову, разглядывая потолок. Казалось, он был сделан из хрусталя — солнечный свет проникал сквозь него, причудливо преломившись, отсвечивая разными цветами.

— Риэль, — сказал Мервин приглушенно, привлекая мое внимание. Я виновато спохватилась, с запозданием заметив двух незнакомцев — высокого темноволосого мужчину и подростка. Это из-за них Мервин был так напряжен? Вот они подошли ближе, и мне в глаза бросился резкий контраст между черными, как вороное крыло, волосами мужчины и пронзительной синевой его глаз. Взгляд у него был пронизательный и очень недобрый. Я невольно поежилась — мне совсем не нравилось внимание этого чужака.

— Это она? — в голосе мужчины неожиданно прозвучали мягкие нотки, заставившие меня вспомнить Камира. Подобные интонации у королевского наследника не сулили окружающим ничего хорошего.

— Да. Риэль Шоралл, самый младший ребенок короля, — ровно ответил Мервин, но у меня возникло ощущение, будто он шел по узкой кромке над пропастью. Шел вместе со мной.

Я попыталась понять, кем являлся незнакомец. Не эль-туань и не вампир. Зверь, то есть двусущный, как себя называли оборотни? Или могущественный человеческий маг? В том, что черноволосый владел магией, я не сомневалась. Даже сейчас, с заблокированными способностями, я чувствовала мощный ореол Силы вокруг пришедшего: словно он приручил ураган и держал его на крепком поводке. Отчего-то мне казалось, что даже отец на пике своего могущества — а он считался одним из сильнейших магов столетия — не выстоял бы против черноволосого.

— Последний отпрыск проклятого семейства, — чужак протянул руку, взяв меня за подбородок, и повернул к свету, рассматривая небрежно, словно игрушку.

Я вырвалась и сделала шаг назад, кипя от ярости. Да как он посмел! Я ему не рабыня!

Незнакомец зло усмехнулся, и я осознала, что больше не в силах вынести его взгляд. Глаза чужака теперь не казались синими, это были черные колодцы, ведущие в Бездну. Он гнул мою волю, ломал мое я.

Краем сознания я поняла, что если поддамся, то меня, какой я знала себя, меня, Риэль Шоралл, больше не будет. Останется лишь кукла, красивая оболочка.

В голос всхлипнув, я собрала все силы, пытаюсь вырваться из-под власти чужих чар, пытаюсь отвести взгляд. С тем же успехом лягушка могла противостоять силе удава.

Бедная лягушка.

Бедная я.

— Карос! — словно откуда-то издалека послышался юношеский ломающийся голос, и Бездна отступила. Не было больше затягивающих колодцев, не было чужой воли, способной раздавить мою суть, уничтожить личность. Я чувствовала только невероятную слабость, да еще перед глазами плавали разноцветные круги.

— Она ничего не сделала, Карос! — голос звенел от возмущения.

В голове у меня немного прояснилось. Я задумалась над тем, что именно я не сделала.... В любом случае, говорящий был прав — я не самая деятельная эль-туань на свете.

Карос больше не смотрел в мою сторону. Его внимание перешло на подростка, чье вмешательство спасло меня, на мальчика лет четырнадцати, слишком худого для своего роста, но очень симпатичного. Мне подумалось, что лет через пять, возмужав, он разобьет немало сердец у влюбчивых девчонок.

— Она дочь врагов, Алекс, — мягко произнес мужчина. — Дочь тех, кто убивал и унижал наших людей.

— Я знаю! — что-то в происшедшем задело подростка за живое, он весь кипел. — Но она же не виновата! Она, наверно, моя ровесница.

Он развернулся ко мне, и я заметила, что у него карие глаза и очень теплый взгляд.

— Сколько тебе лет?

— Семнадцать.

— Ну... почти ровесница. Карос, так нельзя!

Я рискнула бросить взгляд на Мервина. Во имя Властелина, я не представляла, что можно так побледнеть. Честное слово, как живой мертвец. Вампиры и то показались бы румяными живчиками по сравнению с ним.

Аналитическая часть мозга, обычно предпочитавшая крепко спать, удивилась моей отваге. Да мне и самой было странно, но страха

я больше не испытывала. Пожалуй, с того момента, как услышала голос подростка, Алекса. Отчего-то казалось: он не позволит Каросу, кем бы тот ни был, убить меня или превратить в бездумное животное. Я задалась вопросом, почему ребенок может иметь власть над магом такого уровня, но в голову ничего не пришло.

Мальчик стоял, сжав кулаки, на скулах пылали красные пятна гнева. Пока я размышляла о посторонних вещах, они продолжали спорить о моей судьбе. Честно, когда Мервин в следующий раз назовет меня глупой девчонкой, я не буду возражать.

Наконец, Карос, сдавшись, поднял ладони.

— Хорошо. Раз ты так высоко ценишь жизни тех, кому наплевать на твою собственную, — он жестом остановил собирающегося что-то сказать подростка. — Алекс, я же сказал — хорошо. Будь по-твоему.

Черноволосый маг повернулся к Мервину:

— Ты подтверждаешь свою просьбу?

— Да, — таирт сказал твердо, но, по-моему, он стал еще бледнее.

— Она твоя, как я и обещал. Но если, — при этих словах я вздрогнула: показалось, будто сейчас человеческий облик чужака сползет, как фальшивая кожа, открыв таящегося внутри монстра, — если дочь проклятого рода причинит горе мне, моей семье или моим людям, я сам провожу тебя в Бездну.

— Да, господин, — произнес Мервин одними губами.

Карос кивнул.

— Идем, Алекс, нам пора.

Подросток подошел к Мервину и дружески хлопнул по плечу.

— Удачи! И не обращай внимания на дядю, он вечно всех запугивает. — Алекс улыбнулся, и я с удивлением увидела, как таирт улыбнулся в ответ. Не из вежливости, а светло и искренне. За всю жизнь я считанные разы видела на лице Мервина подобное выражение.

Карос открыл Портал... Нет, я ошиблась: Порталы выглядели иначе, от них исходила другая энергия. Неужели Врата миров? Во все глаза я уставилась на самую вечность, что клубилась за радужными створками. В Бездне-между-мирами души эль-туань ждали следующих воплощений, там обитали духи, демоны, и кто знает, какие еще существа. Говорили, Бездна прельщает тех, кто слишком часто ходит ее тропами.

Два человеческих силуэта исчезли в серебристом тумане, дуги Врат истаяли в воздухе.

— Кто они такие? — спросила я, продолжая смотреть вслед ушедшим. Перевела взгляд на Мервина.

— Ты еще не поняла? — таирт пытался говорить язвительно, но получилось просто устало. — Нас навестили Лорд Дракон и его наследник.

Несколько секунд я молчала, переваривая новость, потом ноги у меня подкосились, а перед глазами все почернело...

Глава 8

Моя потеря сознания сильно напугала Мервина. Непонятно только, отчего: прежде он всегда называл обмороки «глупостями избалованных девиц».

Однако, открыв глаза, я поняла, что уютно лежу на своей кровати, а таирт, с выражением лица как у безутешного родственника, призванного к ложу умирающего, держит мою безвольную ладонь.

Слегка удивившись, я попыталась отнять у него свою руку. Мервин не отдал. Несколько секунд я упрямо тянула, пока таирт не спохватился и не отпустил с таким видом, словно обжегся. Резко поднялся с края постели, на котором до того сидел, потом так же порывисто наклонился, прижал мою голову к подушке и уставился мне в глаза.

Быть может, я и не была самой стеснительной девушкой при дворе, но подобное внимание меня смутило.

— Э-э, Мервин... — начала я, но при первом же звуке моего голоса таирт подскочил, как ужаленный.

— Риэль, — его голос прозвучал непривычно хрипло. — Райша, попробуй призвать Нити.

— Что? — я недоуменно моргнула. — Ты же заблокировал мою Силу.

— Попробуй, — повторил он, словно не слыша.

Я потянулась к самой отзывчивой для меня стихии — Огню. Через мгновение сияющая алым Нить повисла в дюйме над моей рукой. И я, и Мервин уставились на нее так, будто это детское упражнение являлось величайшим достижением магической мысли.

— А... — начала я. Увы, на сегодня красноречие меня покинуло.

— Слава Властелину, — пробормотал Мервин. — Он тебя не выжег!

— Не что? — переспросила я, начиная понимать.

— Не уничтожил ту часть личности, которая дает тебе доступ к магии, — терпеливо пояснил таирт. — Так мне показалось, когда ты потеряла сознание.

Я кивнула. Необходимости спрашивать, кто такой «он», не было.

— Я не знала, что магию можно... выжечь.

— Для Дракона существует мало невозможного, — глаза Мервина смотрели куда-то в пустоту, а у меня перед мысленным взором вспыхнуло воспоминание о том, как я впервые узнала о Крылатых.

* * *

Пять лет назад...

Государство моего отца было самым крупным на нашем континенте. Кроме того, все герцогства на юго-западе являлись королевскими протекторатами — результат завоеваний моего предка, пра-пра... не помню, в каком колене. Правил он недолго, всего лет тридцать, но много что успел сделать. Например, построить новую столицу, благословенную Алм-Тирен, где я и прожила почти всю жизнь.

Помню, впервые увидев в учебнике истории слова «новая столица», я резонно задалась вопросом — а где же старая? При мне никто не упоминал о городе, где, оказывается, раньше жили и правили мои предки. На мой невинный вопрос наставник странно замаялся, начал было рассказывать что-то об изменении климата и вынужденном переселении, потом вдруг махнул рукой и сказал, что только Его Величество сумеет все правильно объяснить.

Отец, конечно, оказался занят. Это было его естественное состояние: что-то делать, с кем-то договариваться, постоянно устраивать церемонии и важные приемы. Хотя у нас, в отличие от островной республики, слово короля являлось законом, это не означало отсутствия группировок и фракций. Каждая тянула одеяло королевских милостей на себя, а отец, как искусный портной, должен был раскроить его так, чтобы никого не обидеть. Одна его серьезная ошибка могла вызвать брожение среди знати, а несколько крику — заговоры и мятежи. Впрочем, Его Величество почти не ошибался.

Сегодня день короля был посвящен внешней политике. Когда я, оттолкнув возмущившегося гвардейца, заглянула в щель дверей малой приемной залы, отец о чем-то беседовал с послом кадары.

Последние годы народ кадари считался нашим верным союзником, но во мне с раннего детства они вызывали неприятное ощущение отторжения, чуть ли не гадливости. Сама не понимала, отчего, пока не узнала, почему им запрещен вход во все храмы, а жрецы отворачиваются при встрече с ними.

Именно этот народ, эль-кадари, поскольку в те давние времена их имя еще не лишилось благородной приставки «эль», предал Властелина, нанеся ему удар в спину во время последней битвы богов. Властелин развоплотился, его враги, Боги Хаоса, казалось, победили, но перворожденные дети Властелина (мы зовем их Духами, поскольку они лишены тел из плоти и крови) сумели отомстить за отца и прогнать Богов Хаоса за пределы Сферы Миров.

Кадари их предательство не сошло с рук — мир, в котором они жили, отторг их. И это же делал любой другой, в котором они пытались поселиться.

В конце концов домом кадари стали безжизненные острова, плывущие в Бездне. Там не было солнца, воды, зелени. Не было вообще ничего, кроме озер и рек лавы. И если бы не магия кадари, твари Бездны давно бы уничтожили саму память об этой расе. Но пока потомки предателей жили и процветали, путешествуя из мира в мир, торгуя и наемничая. Вот только никто из верных уже не добавлял к их имени приставку «эль», означающую «благословленные душой».

Вздыхнув, я отлепилась от щели и даже извинилась перед беднягой стражником, ведь выполнить свой долг и отодвинуть меня от двери, да и просто коснуться — без прямого приказа короля или королевы — он не имел права. По закону, рассматривалось подобное как покушение на особу королевской крови, с предсказуемыми для стражника последствиями.

Итак, отец оказался недоступен. Что ж, еще не все потеряно. И я целеустремленно пошла по дворцу, внимательно оглядываясь по сторонам в поисках жертвы, хорошо подкованной в вопросах истории, желательно родственника. Поведение наставника выдавало, что за переносом столицы крылась какая-то тайна, не красившая наш род. Обычный эль-туань, если и знал, мог побояться рассказать мне об этом.

Результаты следующего часа поисков оказались плачевны.

Сперва от меня сбежала королева, сославшись на внезапную сильную мигрень. Увы, мама прекрасно знала, что мои расспросы затягиваются надолго.

Камир, обычно не отказывающийся провести с сестренкой пару часов, оказался занят.

— У меня действительно важная встреча, Райша, — выпалил он, чуть ли не бегом направляясь к конюшням. — Спроси что хотела через пару дней.

Нет, ждать целых два дня я была не способна. В детстве, если меня одолевало любопытство, оно требовало немедленного утоления. Любой ерундовый вопрос начинал казаться жизненно важным.

Обнаруженного на тренировочном поле Седда не отпустил мастер по боевой магии — оказывается, через день брат участвовал в турнире. А Ренард еще на прошлой неделе отправился с проверкой в свое герцогство. Уезжая, он бормотал себе под нос что-то нехорошее про хитрых управляющих с бездонными карманами. Из братьев оставался только Мийо, который никогда не интересовался историей.

Я уже была готова признать поражение (естественно, только на этот один день, завтра бы они от меня не отвернулись), когда, возвращаясь через парк, в затененной беседке увидела Мервина. Вытянув во всю скамейку длинные ноги, таирт что-то увлеченно читал. Пытаясь оставаться незаметной, я подобралась поближе. Ха, да я знала эту книгу! Руководство по боевой магии из Сдвоенного мира. Седд сперва измозолил нам глаза этим черным переплетом с оттиском крылатой фигуры, хвастаясь редкой находкой. А потом всю прошлую неделю ныл, что книга пропала, да еще прежде, чем он успел ее дочитать.

— Замечательный день сегодня, правда, Мервин? — жизнерадостно поинтересовалась я над самым ухом таирта. Его реакция меня разочаровала: Мервин аккуратно заложил ладонью нужную страницу и повернулся ко мне:

— Чем обязан удовольствию видеть вас, принцесса?

А я-то думала, что он хотя бы вздрогнет и попытается спрятать книгу. А еще лучше — подпрыгнет от неожиданности, как это делали от моих приветствий другие придворные.

Ну да ладно.

Хм, а ведь его фраза про «удовольствие видеть» просто сочилась сарказмом...

— Ты так увлеченно читал, что мне стало завидно, — я крепко ухватила за переплет и потянула. Мервин спокойно отдал. Нет, так совсем не интересно! Отчего-то первая пришедшая в голову идея — слегка пошантажировать таирта украденной у брата книгой — потеряла свою привлекательность. Вздыхнув, я расправила платье и уселась возле Мервина.

— Ты ведь хорошо знаешь историю?

Мой невольный собеседник удивленно приподнял тонкие брови:

— Достаточно хорошо.

Я склонила голову чуть набок, внимательно разглядывая таирта. Пожалуй, так будет даже интересней. Версия Мервина — если ему известен ответ на мой вопрос — может отличаться от королевской. Отцовскую я обязательно собиралась узнать, но пусть это будет позже.

— Расскажи мне о прежней столице.

— Что именно? — в черных глазах Мервина блеснула насмешка. Таирт забавлялся.

— Расскажи, как она перестала быть столицей, — терпеливо пояснила я свою просьбу.

— Боюсь, это длинная скучная история, неподходящая для ушей столь юной леди, — выражение лица Мервина казалось вполне подобающим для скромного придворного, вот только тон подразумевал разговор с пятилеткой.

— Мне уже двенадцать, — отчего-то я не могла злиться на таирта. Любой другой эль-туань, кроме родителей, конечно, за подобные слова получил бы магическую памятку не самого приятного свойства. Я терпеть не могла, когда от меня что-то пытались скрыть из-за возраста. Но в присутствии Мервина мне всегда хотелось показать свою взрослость и рассудительность, а не ссориться.

— Итак, прежняя столица, — напомнила я, видя, что таирт не торопится. — Как получилось, что мой предок решил отказаться от нее?

Мервин усмехнулся краем рта:

— Решил отказаться? Можно сказать и так. Очень легко отказаться от того, что уже не существует.

Я нахмурилась и потребовала:

— Объясни!

— Быть может, принцесса предпочтет увидеть сама? — спросил Мервин мягко, со странным выражением в глазах.

— Увидеть, в смысле... — я остановилась.

— Именно, Ваше Высочество, увидеть.

Судорожно сглотнув, я кивнула, но все же едва не подпрыгнула, когда он сказал, касаясь ладонями моих висков:

— Мой дальний предок был там, когда это случилось...

Глава 9

Тысяча лет назад

Трое суток над Тиреном не было солнца. Сплошная пелена туч затянула небо, но не желала проливаться дождем. Горячий, как в пустыне, воздух пах гарью и тленом. Вода в колодцах убывала, и недалек был час, когда ведра проскребуют по дну, набирая одну мокрую грязь....

Осада подходила к завершению, город погибал. С каждым часом мне приходилось тратить все больше сил на защиту от едкого страха, пронизывающего и магические, и простые поля.

Остановившись у дверей своего городского дома, я посмотрел на небо. Увидеть что-либо за плотным багровым покровом казалось невозможно, но потревоженная пульсация Нитей подсказала: над домами только что пронесся огромный крылатый силуэт. С каждым днем он спускался все ниже и ниже....

Когда наша защита падет, тень, кружащая в небе, на одном выдохе превратит в головешки полгорода.

Я открыл дверь.

— Папа! — маленькое тело, с разбегу влипшее в меня, едва не сбило с ног. Я осторожно отцепил от себя дочь, пригладил растрепанные косички. Присел, чтобы посмотреть на малышку поближе. Припухшие веки, серые тени под глазами — магия страха, несмотря на все щиты, проникла и сюда.

— Где мама?

— Наверху, — Ринна нахмурилась, не подозревая, как забавно смотрится эта гримаса на ее почти младенческом личике: — Она болеет, опять братик себя ведет плохо!

Я покачал головой. По непонятной причине вторая беременность проходила у Чани настолько тяжело, что порой я боялся как за ее жизнь, так и за нашего еще не рожденного ребенка.

В этот раз должен был появиться мальчик, и я в который уже раз спросил себя: какой будет его судьба? Смогу ли я назвать

полукровка наследником и передать свой титул? Смогу ли оставить на произвол судьбы, отправив в мир, где родилась его мать? И доживем ли мы до того дня, когда придется сделать выбор?

— Рамис! Живой! — в голосе Чани, вышедшей из спальни, слышалось облегчение. Последнее время ей снились страшные сны о моей скорой смерти, и всякий раз, когда я уходил из дома, она прощалась со мной, как в последний. Убеждения, что это всего лишь кошмары, не помогали.

Любимая начала спускаться по лестнице, придерживая одной рукой выпирающий живот. Я торопливо пошел навстречу, обнял:

— Все в порядке. Этой ночью мы выйдем из города.

Мы пройдем в месте, где защиту ставил я сам. Магия эль-туань всегда подчиняется своему владельцу, так что я сумею открыть проход в щите.

— А... а Повелитель? — голос Чани дрогнул. — Он все еще там?

Я кивнул. Да, конечно, он был там, за невидимым куполом наших щитов. Это его магия плавила воздух и прятала небесные светила.

— Я боюсь, — мне едва удалось разобрать ее шепот.

— Ничего, — нарочито бодро проговорил я, — если мы ему все же попадемся, убьет он только меня.

Наверное, это из-за усталости я ляпнул такую глупость. Глаза Чани наполнились слезами, она в голос всхлинула.

— Прости, — я вновь обнял ее. — Прости. Вот увидишь, все будет хорошо.

Жаль, что я не мог поверить собственным словам.

Багровый дневной сумрак превратился в чернильную темноту, но иногда за тучами на пару мгновений вспыхивало яркое зарево. Чани шла, упорно глядя только под ноги. Похоже, присутствие Крылатого в небесах пугало ее не меньше, чем обычную эль-туань.

— Ты когда-нибудь видела Дракона в истинном облике? — спросил я полушепотом. Чани подняла голову, посмотрела мне в глаза и быстро мотнула головой:

— Нет. Нам он всегда являлся как человек.

Человек. Я с трудом представлял Дракона человеком. Для чего самому могущественному существу в мире принимать столь слабый телесный облик?

Улицы были пусты: горожане предпочитали прятаться за стенами домов, надеясь на их эфемерную защиту. В центре перед королевским дворцом по-прежнему дежурили гвардейцы, но я знал: правитель с семьей уже несколько дней как тайно покинули город. Шоралл бросили столицу на растерзание, надеясь спастись сами.

Ринна на моих руках иногда шевелилась и что-то шептала, не открывая глаз. Наведенный магией сон обычно бывал очень спокоен, но в присутствие Дракона ни одно заклинание не работало, как должно. Я вздохнул и попытался устроить дочь удобнее, оглянулся на Чани. Заметив мой взгляд, она улыбнулась, желая подбодрить, но губы ее были бледны, а на лбу выступили капли пота. «Только бы не начались схватки», — взмолился я про себя, — «только не сейчас!»

Наконец мы подошли к крепостной стене. Уже несколько тысячелетий как каменная кладка в пять человеческих ростов являлась лишь красивой декорацией. Настоящую защиту давала магия, за эти годы насквозь пропитавшая и стены, и скалистое дно города, и небо над ним. Мы, арито, лучшие из лучших магов, лишь поддерживали равновесие Силы в старых охранных заклинаниях, да время от времени проверяли защиту на прочность. Казалось: наши щиты нерушимы. Но пришел Дракон и за несколько дней его присутствия защита, усиливаемая столетиями, истончилась в несколько раз. Город не знал, но ему оставалось жить не более трех суток. А потом столица погибнет в пламени, как семь менее защищенных городов до нее.

В крепостной стене имелось несколько тайных проходов — неизменных спутников контрабандистов. Вчера, обновляя вместе с другими арито защиту, я наткнулся на один такой ход и сделал его видимым только для себя.

За городом на первый взгляд все казалось таким же. То же черное небо, подсвечиваемое багровыми всплесками, тот же сухой до боли воздух, застревающий в измученных легких, та же непривычная жара. Но стоило выйти — и словно невыносимая тяжесть свалилась с плеч. Чани тоже ощутила это: в ее лицо вернулась краска, разгладились нахмуренные брови, а в глазах вновь зажегся тот огонь, из-за которого и потянуло меня к ней много лет назад.

Вокруг нас стояла высокая, почти по пояс, степная трава, но впереди, у кромки горизонта, темнел редкий лес. За ним, отсюда

невидимая, текла река Кир, небольшой приток Риеры, на которой и стояла столица. После первой же атаки Дракона в столичном порту не осталось ни единого целого корабля, но свой я отослал заранее, приказав ждать на Кире, в маленькой лесистой бухте. Если повезет, мы дойдем до нее незамеченными.

Мы отошли от городской стены шагов на сто, когда вокруг резко посветлело. Первой мыслью было: магия Дракона ослабла, в небо прорвались солнечные лучи. Второй — для рассвета еще слишком рано. А потом я услышал крик Чани, полный ужаса, развернулся...

Прежде я не представлял, что камень способен так гореть. Крепостная стена пылала везде, куда доставал взгляд, а в воздухе над нашими головами вновь и вновь проносилась черная тень, всякий раз извергая новую порцию пламени. Я ощутил, как вибрируют и рвутся Нити. Надо было идти, бежать, но я не мог шевельнуться, ноги словно вросли в землю. Еще несколько мгновений — и камень стен потек лавой, разрушая последнюю магическую защиту столицы.

Чани вцепилась мне в руку, ее мелко трясло, а я укачивал на руках Ринну. В голове крутилась лишь одна мысль: хоть бы творящийся ужас не разбудил дочку. Наверное, в такой момент мой разум оказался не в силах воспринять реальность.

Эль-туань, кто успевал, выбегали из домов и сгорали на улицах. Кто не успевал, погибали внутри, в каменных коробках, и неважно, были те из гранита или мрамора. Дракон размеренно выжигал город, не оставляя бегущим лазеек. Можно было оглохнуть от рева пламени и почти заглушающих его криков умирающих. Мужчины и женщины, дети и старики, дворяне и простолюдины — все гибли одинаково в этом гигантском котле-ловушке.

А потом над городом разнесся яростный крик Дракона: крылатый обнаружил, что его главная цель, убийцы его родных, королевская семья Шоралл — сбежали.

Чани упала на колени, зажимая уши руками. Сменивший направление ветер погнал на нас облака гари, а вместе с ними — невыносимый запах паленой плоти. Наверное, это заставило меня очнуться:

— Пойдем, — я наклонился к Чани, пытаясь поднять ее на ноги.
— Нужно уходить. Пойдем!

Она не слышала, не обращала на мои уговоры внимания, но тут, проснувшись, заплакала Ринна. Материнский инстинкт оказался сильнее ужаса. Чани очнулась, обняла дочь, успокаивая. Повернулась ко мне:

— Да, пойдём... — голос оборвался, Чани смотрела куда-то поверх моей головы. Я повернулся.

В нескольких шагах от нас, в противоположной от города стороне, стоял мужчина. Тени, пляшущие в неверном свете пламени, не позволяли толком рассмотреть его лицо, но все же показалось: он — не эль-туань. Было в нём что-то чуждое.

— Что тебе нужно? — спросил я, успокаивающе касаясь плеча Чани и начиная собирать Нити на случай атаки. Чужак не ответил.

Определить как его возраст, так и расу оказалось сложно. Темные спутанные волосы, глубоко запавшие глаза с червоточинной безумия, с отражавшимся в них пылающим городом. Жесткие черты лица, частично скрытые бородой. Незнакомец был высок, сухощав, золотое шитье на покрытой пеплом одежде говорило о былом богатстве, а манера держать себя — о благородном происхождении. Вокруг него чувствовалась аура Силы, но вместе с тем я не видел, чтобы он каким-либо образом контролировал Нити.

— Я знаю тебя, — чужак смотрел на меня, его голос звучал глухо, с неприятным металлическим отзвуком. — Это ты открыл Врата, по которым прошла ваша армия.

— О чем это... — я не закончил: Чани рванулась вперед, к незнакомцу, и упала перед ним на колени.

— Пожалуйста, Повелитель, пощади моего мужа! Пощади его! — в ее голосе звенели слезы.

Повелитель. Так вот он какой, Дракон, в своем человеческом обликии.

— Да, это я открыл Врата, — сказал я, хотя Крылатому не требовалось подтверждения.

— Повелитель, пощади! — теперь Чани плакала уже открыто. Дракон скользнул безучастным взглядом по коленопреклонной фигуре у своих ног, на миг задержавшись на явных признаках беременности, перевел взгляд на Ринну, испуганно смотревшую на него:

— Возьми ребенка и уходи.

— Повелитель!

— Твой муж участвовал в убийстве моей семьи, — голос чужака прозвучал пусто и безжизненно. — Он должен умереть. Ты из моего народа, ты будешь жить. Уходи.

Я подхватил Чани под руки, помогая встать. Подтолкнул к ней Ринну:

— Идите к кораблю.

— Нет! — Чани мотала головой, плача. Я бросил быстрый взгляд на Дракона: человеческий силуэт начал расплываться в огромную черную тень. Неудивительно, что я не почувствовал его контроля над Нитями — Дракону, имеющему прямой доступ к стихиям, Нити ни к чему.

— Иди, — повторил я, и, обнимая любимую в последний раз, положил ладонь на ее выпирающий живот. Там уже жил мой второй и последний ребенок, которого я никогда не увижу. Но этим прикосновением я мог передать ему собственную память, знания и опыт. Так же, как потом он передаст их своим детям.

Отчего-то мне не было страшно. Наверное, еще три недели назад я почувствовал, что именно этим все закончится. Понял в тот день, когда Дракон ворвался в наш мир, разъяренный гибелью родных, одержимый жаждой мести, сеющий смерть.

— Я люблю тебя, Чани, — сказал я тихо, погладил по встрепанной головке Ринну. — А теперь идите.

Глава 10

— Почему ты не предупредил меня о том, что поведешь к Дракону? — спросила я требовательно.

— И нарушил его прямой приказ? — таирт поднял брови.

— Но для чего ему это?

Мервин пожал плечами.

— Должно быть, хотел посмотреть на твое естественное поведение. Можешь спросить у него в следующий раз сама.

В следующий раз? Я вовсе не хотела вновь встречаться с Каросом Дакаантом, одного раза с меня было вполне достаточно.

— Ты ведь шутишь? — спросила я с надеждой, но таирт лишь покачал головой.

— Карос сказал, что не собирается повторять ошибку своего предка и оставлять наш мир без присмотра.

Мервин ушел, оставив меня вспоминать историю первого вторжения Дракона. Тогда, убив Рамиса ан-Тоэля, предка Мервина в восьмом колене, позволив Чани с дочерью уйти, Дракон продолжил разорять королевство. Он нашел и уничтожил правителя и почти всю его семью, но младший сын выжил. В одной из старинных книг я вычитала легенду, будто, желая спастись, принц заключил сделку с самой Бездной. А Дракона в конце концов вытолкнули в Сдвоенный мир, причем за это заплатили жизнями почти все маги-арито.

Династия Шоралл правила королевством еще десять веков — и, действительно, оправившись от разгрома, наш народ быстро вернулся к привычке грабить соседей — Сдвоенный Мир. Но явился второй Дракон, и отведенное нам время истекло.

После встречи с Каросом прошло трое суток. Таирт, чем-то занятый, больше не появлялся. Предоставленная сама себе, я, в основном, читала, иногда пыталась управлять Силой, блокировку с которой Мервин снял. После большого перерыва Нити стихий подчинялись медленно и неохотно, но часть души, принадлежащая магии, теперь не тянула болезненной пустотой.

Сегодня Мервин появился в моих покоях. Как оказалось, всего на несколько минут.

— Я должен уехать на две недели.

— Хорошо, — отозвалась я удивленно — это был первый раз, когда таирт решил сообщить мне о своих планах. Мервин смотрел с таким выражением, словно хотел что-то добавить, но не мог подобрать слов. Не похоже на него.

— Что случилось? — я убрала книгу с колен и встала.

— Ничего, — ответил он резко и подошел к двери. Замер на мгновение, развернулся ко мне. — Будь осторожна, Риэль.

Я растерянно посмотрела на закрывшуюся дверь. Последнее предупреждение мне совсем не понравилось.

* * *

С его отъезда прошло две недели.

Потом пошел пятнадцатый день.

Шестнадцатый.

Семнадцатый...

Постепенно я начала паниковать. Я не знала, что случилось с Мервином, что происходило в королевстве. Не имела ни малейшего представления, как теперь живет народ. С каждым днем моя магия становилась сильнее, но если я покину замок, что потом? Что делать? Куда идти? К кому обратиться за защитой и помощью?

Все, кого я знала, были мертвы. А если и нет... Последняя из рода Шоралл, я бы стала ценной добычей для любого честолюбца. Стоило мне уйти и назвать свое имя, как обязательно нашелся бы глупец, решивший использовать меня как знамя в освободительной войне против оккупантов, против Дракона.

От этой мысли я вздрогнула. Нет, я не хотела стоять перед Драконом как его враг, потому что есть судьба хуже смерти, и Крылатый показал мне это. Лучше погибнуть, чем лишиться собственного «я» и стать пустой оболочкой.

Но что произошло с Мервином? В этом странном изменившемся мире он был последней нитью, что связывала меня с прошлым. Я не хотела сейчас думать о его предательстве, об участии в гибели моих родных. Я думала только о нем самом.

Двадцатый день.

Я не выдержала. Дальше сидеть взаперти было невозможно, я должна была испробовать и простые, и магические выходы из замка. Даже, если придется, броситься в Источник и попробовать открыть Портал из него, хотя с моим незавершенным обучением это напоминало самоубийство.

Замок сегодня казался особенно пустым и безжизненным. Я решила начать с парадного входа — мне было примерно известно, как пройти до него в этом лабиринте каменных коридоров.

Выход нашелся удивительно легко и быстро; это было тем более странно, что прежде замок водил меня кругами, обманывая и заводя в тупики. Я прошла сквозь приемный зал, раз в пять меньше, чем тот, с малахитового цвета колоннами, где я встретила Крылатых. Остановилась у дверей, не представляя, каким именно заклятием они открывались. Пожав плечами, просто толкнула руками створки.

Свет ударил в глаза так неожиданно и резко, что, вскрикнув, я заслонила лицо ладонями. Потом медленно отвела.

Солнце.

Пронзительно-яркое, праздничное, волшебное солнце!

Шесть месяцев я не видела его вживую, только сквозь стекло окна. Шесть месяцев его лучи не ласкали мою кожу. Какое-то время я просто стояла, запрокинув голову, прикрыв глаза, наслаждаясь его теплом и нежностью.

А еще запахи. Богатство разнотравья, сладковатые ноты прелой земли, слабый аромат хвои, — все это обрушилось на меня как горная лавина. Я дышала, дышала глубоко и никак не могла насытиться.

Только спустя немалое время я открыла глаза, осматриваясь.

Либо замок строил большой оригинал, либо двери, через которые я вышла, все же не были парадными. Широкая лестница переходила в узкую тропу, уже через десяток шагов исчезающую в тени леса. По ее краям гордо стояли кусты, не стриженные много лет, по бокам с одной стороны располагалась небольшая лужайка, с другой — недействующий фонтан. Обычно так выглядел внутренний двор, но густой лес впереди никак в это не вписывался. Мне даже показалось, что это настоящий девственный лес, а не обыкновенный парк, достояние каждого уважающего себя аристократа.

Я стояла на пороге, не зная, что делать дальше. Я отнюдь не планировала оказаться на свободе с первой же попытки. Идти в

незнакомый лес пешком не хотелось, а путешествовать иначе я еще не умела. Открывать Порталы, а тем более Врата, до полного становления личности, до двадцати лет, было запрещено. Наставники говорили, это связано с опасностью прельщения Бездны.

Я медленно сошла по лестнице вниз. Плохо закрепленные блоки ступеней покачивались под ногами. Остановилась на тропе.

Мне совсем не хотелось заходить под сень этого леса. В памяти всплыли рассказы учителя истории о мародерах, банды которых множились и свирепствовали после каждой крупной войны. Будут они состоять из эль-туань, вампиров или оборотней, мне, изнасилованной и убитой, это окажется неважно.

Но в лес бежали не только бандиты. Там могли быть беженцы, бывшие горожане и крестьяне, завидующие всем, кто пострадал меньше, чем они. И яро ненавидящие аристократов, чье правление привело к катастрофе.

Я вернулась в замок, в свою комнату. Села на кровати, прижав к груди колени, и думала, думала, думала. Сейчас я была практически свободна, но куда идти, что делать?

За окном стемнело. Ничего не решив, я легла спать.

Холодно.

Боль немного притупилась. Стараюсь не шевелиться, дышать не глубоко, чтобы не сдвинуть сломанные ребра.

Холодно.

Устал ругать себя за то, что так глупо попал в засаду. Знает ли уже Карос?

Холодно. Словно в Бездне без магической защиты. Тело забирает для восстановления резервы, внутренний холод — нормально, но... Хотя бы одну Нить Огня, хотя бы малость Силы...

...Райша осталась одна. Девочка обязательно сотворит глупость... Но я не мог оставить ее без защиты... Дракон... Дракон должен понять, что она еще ребенок...

...Провал, чернота — но без полной потери сознания. Пытаюсь вспомнить...

Яд? Яд на клинке, которым меня ранили? Не чувствую в крови яда. Что-то другое... Опять чернота, словно бездонный колодец...

Я пришла в себя мгновенно, будто и не спала. В комнате было тепло, но я лежала, с головой закутавшись в одеяло, продолжая

вздрагивать от идущего изнутри холода. Перед глазами стояли яркие образы чужих воспоминаний, стоило пошевелиться — и тело отзывалось фантомной болью там, куда ударили ножи нападавших.

Мервин. Это Мервин. Хотя прежде я не видела подобных снов, но слышала, что эль-эро дает такую способность.

Ох, Мервин, всегда осторожный и недоверчивый, как же ты подпустил врагов столь близко?

Встав, я быстро оделась. Я не принимала сознательного решения, но некая часть меня знала, что и как надо делать. Мысли Мервина все еще жили во мне, мысли и знания.

Моей Силы было недостаточно, чтобы открыть Портал, требовалась заемная. Да, теперь я знала, как работают Порталы, знала, как безопасно войти в Источник и зачерпнуть из него энергию. Я не могла сказать, забудется ли все через несколько часов, останется ли навсегда, но сделать, что решила, я успею.

Источник. Я издалека слышала его голос. Он пел, он звал меня. Источник был неразумен, но вместе с тем, я ощущала, это было нечто живое, ласковое и любопытное. Мервин был его старым другом, а я — чем-то новым и забавным. Источник был не прочь пообщаться.

Наконец я открыла последнюю дверь и увидел в центре комнаты его — серебряное озерцо, окаймленное станином. Подошла ближе, и из середины, прямо из воды, взлетели языки пламени. Этот Источник соединил в себе вечно противоборствующие стихии: огонь и воду. Я впервые увидела подобное. Встряхнула головой — прекрасное зрелище, но я здесь не за этим. Подошла вплотную и протянула к нему ладони:

— Дай мне Силу.

Источник словно прислушался, пламя неподвижно замерло в воздухе, а потом осыпалось тысячами искр. Мне было не больно, не было ощущения жара, только приятное тепло. И свет. Он был везде: и вокруг меня, и внутри. Он наполнял тело, накатывал волнами, в нем казалось так приятно тонуть...

Не знаю, сколько времени прошло с того момента, как я потеряла сознание. Придя в себя, обнаружила, что лежу на каменном полу, обнимая края станинового бассейна, в котором плещет Источник. Странно, в памяти Мервина не было ничего подобного. В его

восприятию взаимодействие с Источником происходило вполне буднично.

Поверхность озерца выглядела как ровная серебристая гладь, по которой крохотными проблесками бежали огни. Силы у меня теперь было достаточно, чтобы открыть не только простой Портал, но и межмировые Врата.

Первый раз Портал лучше создавать на открытом воздухе.

Я вышла из замка. Все еще ярко светило солнце — значит, в обмороке я пробыла недолго. Сосредоточившись, я мысленно произнесла нужные слова, одновременно соединяя Нити. Я будто дирижировала невидимым оркестром: взмахивала руками, делала пассы, скрещивала и поднимала ладони...

Постепенно что-то начало получаться: впереди, как раз на высоте моего роста, дергаясь и пульсируя, возник черный провал. По его краям высились полупрозрачные дуги, не позволяющие искривленному пространству вырваться в реальность.

Глубоко вдохнув, я шагнула в сердце темноты...

Часть 2

Глава 1

Все, что я знала о диком лесе, можно было выразить пятью словами: «Одинокой девушке там не место». Короткие охотничьи выезды в сопровождении свиты лишь закрепили эту мою убежденность.

Портал открылся на узкой лесной тропе, протоптанной идущими на водопой животными. Эль-туань были здесь несколько дней назад — я смогла определить это по слабому дрожанию природных Нитей, потревоженных их присутствием. И никаких следов Мервина. Это было по меньшей мере странно, ведь я открыла Портал, ориентируясь на его воспоминания...

Куда мог деться таирт? Как искать его? Я ведь не была следопытом.

Хотя когда-то, давным-давно, Камир пытался наставить меня на путь истинного охотника...

* * *

Несколько лет назад

Поздним осенним вечером, когда благородные эль-туань уже начали собираться вокруг походных костров, приносиваясь к аппетитным запахам, королевский наследник решил побеседовать с младшей сестренкой о сути охоты...

— Ты должна использовать не только глаза, — терпеливо говорил мне брат. — Есть еще четыре других чувства, даже пять, если вспомнить про интуицию. Хотя, насчет наличия у тебя последней... — он прервался, смущенно кашлянул, но после короткой паузы продолжил, так же твердо и убедительно:

— Прислушайся к голосу леса, понюхай воздух, потрогай его кончиком языка. Растворись в окружающем, ощути себя зверем, стань зверем.

Слушая Камира, я заворожено кивала. Превратиться в зверя, стать частью природы... Отчего-то первым четвероногим, пришедшим мне в голову, оказался волк. Красивое благородное животное с удивительно

умными глазами. Я глубоко вздохнула и попыталась представить себя им, вернее, ею, волчицей. Подняла голову. Мы расположились на поляне, так что кроны деревьев не закрывали звездное небо и почти полную луну.

Мне вдруг стало невероятно грустно, в душе болезненно заныла пустота. Где мой волк, мои волчата? Где моя стая? Только волшебный свет луны освещает мое одиночество...

— Хватит, Райша, хватит! — меня яростно трясли за плечо, а откуда-то, совсем рядом, доносился пронизывающий до костей вой.

— Остановите ее! Кто-нибудь! — раздался истерический голос мамы.

Я встряхнулась, приходя в себя, отвела взгляд от неба и растерянно огляделась. Отчего-то трава оказалась рядом с лицом, пара бледных цветков щекотала нос. Под левой ладонью колосся вредный сорняк. Да, а что я делала, стоя в траве на четвереньках? И почему першило горло, словно я долго кричала?

— Э-э, Райша, может, ты все же встанешь? — неуверенно спросил Камир. Я согласно кивнула и попыталась это сделать, но голова закружилась и заставила меня осесть на землю.

— Что здесь было? — к нам шел отец, очень недовольный. — Камир, что за заклятие ты на нее наложил?

— Я... — начал брат, потом покачал головой. — Не было заклятия, сир. Клянусь, я тут не при чем!

— Да неужели? — король остановился, нависнув над нами. — Риэль, что с тобой было?

— Что было? — испуганно пискнула я. — Н-ничего!

— Ты вдруг встала на четвереньки и завывала так, что мороз продрал по коже! — возмутился брат. — Это значит «ничего»?

— Я? — на всякий случай я недоверчиво посмотрела на отца, потом на маму. Оба родителя мрачно кивнули. Ясно.

— Это все ты виноват! — я гневно развернулась к Камиру. — Ты сам сказал, чтобы я представила себя зверем!

— Но я же не это имел в виду, — попробовал защититься он.

Я в голос всхлипнула, а потом из моих глаз покатились слезы...

Остаток вечера вся семья утешала меня, как могла. Камир, во искупление вины, даже пообещал мне свою коллекцию рунических

артефактов. Но что именно произошло тем вечером, отчего я так глубоко сжилась с духом волка, я так и не поняла.

* * *

Та попытка Камира была первой и последней в своем роде. Я на продолжении обучения тоже не настаивала. Загонять и убивать бедных зверюшек никогда не казалось мне привлекательным занятием. Но сейчас я отчаянно пыталась вспомнить то, что толком не знала никогда.

«Слушай, чувствуй, смотри, не только вокруг, но и вглубь себя», — эти слова, собственно, принадлежали наставнику по боевой магии и к выслеживанию отношения не имели, но сейчас я решила последовать его совету.

Встав посреди тропы, я закрыла глаза, повернула руки ладонями вверх и выпустила магические Нити. Каждая Нить несла в себе слепок личности Мервина, при их встрече с таиртом я должна была почувствовать резонанс. Я раздвигала рамки сознания все дальше и дальше, вела его по следу Нитей.

Ну же, хоть что-нибудь...

Наверное, поиск захватывал слишком маленький радиус. Но как послать Нити дальше, чем на милю, я не знала, и без того я слишком быстро лишалась энергии. Скоро у меня не хватит Силы открыть обратный Портал, а потом я попросту свалюсь от истощения.

Втянув почти все Нити обратно, я оставила лишь одну, принадлежащую стихии Воздуха. Этот элемент был не из самых послушных, но в поиске ему не было равных.

Внезапно меня осенило: все это время я искала отблеск сознания Мервина, а вдруг он спит или в обмороке? Тогда Нить пролетит мимо. Следовало придумать что-то другое.

Официально наша наука признавала четыре стихии: Воздух, Воду, Огонь и Землю. Некоторые философы выделяли еще Металл и Дерево, но, по-моему, это были лишь другие ипостаси элемента Земли. А вот в магии Древних существовала пятая истинная стихия — Холод. Три года назад я впервые сумела ее вызвать, погубив при этом половину посадок в королевской оранжерее. Мало того, я подпустила элементаль

Холода слишком близко к себе. Бр-р, боль от ожогов морозом оказалась не слабее, чем от огненных. Впрочем, с тех пор мои навыки немного улучшились...

С некоторой опаской я призвала Нить Холода и повела ее. Холод сильно реагировал на тепло... Есть! Впереди, немного левее от тропы, кто-то лежал. Нить передала мне образ живого тела: человек или большое животное. Только вот тепла от него исходило меньше, чем должно.

Я осторожно приблизилась к находке. Возможно, Нить обнаружила дневное лежбище крупного хищника. В этих лесах водилось много медведей и кошаров. Особенно опасны при встрече были последние: приземистые зубастые звери размером с крупного волка, покрытые жестким панцирем. Так просто их было не убить: огонь стекал с костяного покрова, стрелы ломались.

Источник тепла находился совсем близко. Я остановилась и попыталась вспомнить, как накладывается защита. Наставник по боевой магии показывал это много раз, но у меня получалось как-то неправильно. Итак, выбиралась стихия, из ее Нити формировалась оболочка, как кокон для гусеницы. Да, а как она формировалась? Я задумчиво потерла висок, потом дернула себя за мочку уха. Нет, вспомнить не получилось... Вздохнула. Придется импровизировать.

С четырех сторон я нарисовала в воздухе руны общей защиты. Вот они вспыхнули холодным голубоватым светом. Потом Нитью Холода, которую так и не выпустила, притянула их к себе. Кожу закололо — руны впитывались, растекались по всему телу бледным светом.

Растеклись.

Погасли.

От шальной стрелы, метательного ножа или клыков хищника они должны были меня защитить. От удара мечом в упор скорее всего нет. Но на лучшее моих умений не хватало.

Свернув с тропы, я углубилась в лес, к бурелому, где упавшие деревья громоздились друг на друга. Если полезу туда, точно переломаю ноги. Однако Нить подсказала: искомое под одним из нижних стволов. Быть может, всего лишь обычный зверь?

Захватывая стволы петлей Нити Воздуха, я начала осторожно убирать их в стороны. Просто откидывать было бы быстрее, но не

хотелось оглашать свое присутствие на весь лес. А вот и... Последний поднятый ствол растерянно повис в воздухе и с шумом упал на прежде аккуратную поленницу.

Это не Мервин! На меня смотрели глаза вампира, полные бешеной ненависти. Дикий, немеченый вампир, как те, что захватили меня.

Я сделала шаг назад. Остановилась. Как бы сильно вампир не ненавидел меня, он уже не был опасен. Потомок проклятых умирал. Вот замерла на последнем выдохе его грудь. Вот его яростные глаза остекленели. Столько ран, вся земля вокруг пропиталась кровью... Странно, что он дополз до этой норы, а не погиб сразу.

Я заставила себя приблизиться. Возможно, вампир был из сопровождения Мервина. Нитей Воздуха я потянула его тело, и то безвольно опрокинулось на спину. На правом плече мертвеца действительно обнаружилась сигма Дракона. Не золотая, как у таирта, а вышитая обычными светлыми нитями.

Мертвый, вампир не выглядел страшным. Пустые глаза смотрели в небо, лицо разгладилось. Как и мы, вампиры были долгоживущей расой, но этот умер совсем молодым. Красоту тонких черт портила слишком бледная кожа, но если прикрыть острые концы ушей волосами, можно было подумать: передо мной обычный эль-туань, который давно не был на солнце.

От собственных еретических мыслей мне стало не по себе. Я ведь только что мысленно поставила на равных потомка проклятых и эль-туань... Но и мир вокруг изменился... Проведя над мертвым знак священного круга, я прошептала:

— Властелин, прости его и прими его душу.

* * *

Уже начинался вечер, а я так и не нашла следов Мервина. Сев на поляне у небольшого костра, я продолжала, почти без надежды на успех, прощупывать окружающее пространство Нитями. Через пару часов, на закате, я вернусь в замок и... что потом, я не знала.

Варианты крутились в голове и спорили, какой из них безумнее. Например, открыть Врата и прыгнуть в Сдвоенный мир в поисках

Дракона. Ага, последняя из истребленного им рода Шоралл является в священное обиталище Крылатого, чтобы просить о помощи.

Или вот...

Додумать я не успела — Нить, посланная на запад, судорожно, до боли, дернулась, и я ощутила вибрацию, словно по ней ко мне несло... нечто. Торопливо обрубив связь с Нитью, я отбросила ее. Сердце бешено колотилось, в горле встал ком. Несколько секунд я боролась с желанием открыть Портал и прыгнуть в замок. То, что сейчас случилось — я слышала о подобном, но прежде не сталкивалась.

Это была не наша магия, ни один эль-туань не мог поймать чужую Нить. Уничтожить — да, ослепить — да, но не поймать и не привязать к себе. А вот другие расы умели. Вампиры, двусущные и кадари. Кровопийцы и оборотни пугали меня в одинаковой степени. Кадари последнее время считались нашими союзниками, но никогда — друзьями; да и Бездна, где жил этот народ, наложила на них сильный отпечаток. Кроме того, лично у меня их присутствие всегда вызывало не самые приятные ощущения.

Я встала, ладони замерли в жесте, с которого начинается открытие Портала. Что мне следовало делать: бежать от неведомой опасности или продолжить поиски? Если только... Мервин вполне мог оказаться у тех, кто поймал мою Нить. Живой или мертвый.

От последней мысли стало тошно. Я невольно представила, как черные глаза Мервина теряют блеск, невидяще стекленеют, как белая кожа приобретает восковой оттенок. Изломанное тело, все в ранах, слишком многочисленных, чтобы даже эль-туань смог восстановиться...

Из горла вырвалось рычание. Не позволю! Никому не позволю забрать то, что принадлежит мне!

Я знала, что Мервин мой эль-эро, знала, наверное, с первого момента, как увидела его. Мне было шесть лет? Семь? Тогда, сбежавшая из детских покоев, куда нет хода никому, кроме семьи, маленькая принцесса случайно столкнулась с мрачным эль-туань — полукровкой...

Я встряхнулась, прогоняя воспоминание. Не время.

Мои Нити завибрировали, отзываясь на близость чужой магии. Впрочем, я еще успевала открыть Портал...

Но тут одна из Нитей наткнулась на два знакомых почерка Силы. Я знала эль-туань, которому принадлежала эта магия. Я знала и чужака.

Вспышкой пришло озарение. Теперь я знала, что делать.

Опустившись перед костром на колени, я сжалась, обхватила себя руками за плечи, словно внезапно замерзнув. Как мне было, должно быть, страшно в этом лесу, одинокой и потерянной...

Интерлюдия 1

Когда Стинн поймал чужую Нить Воздуха, он не сомневался, что создавший ее маг окажется из расы эль-туань. Только магия коренных обитателей этого мира выглядела для внутреннего взора эль-кадари вот такой, сияющей ровным серебристым светом. Чем сильнее был маг, тем ярче казался свет.

Яркость Нити обещала встречу с высокородным — все сильные маги эль-туань были высокородными, гордыми и спесивыми. Но на другом конце пойманной Нити оказалась испуганно сжавшаяся, замерзшая девушка, уставившая на него огромные синие глазища. Ее одежда была из той, что носят небогатые дворяне, а почти детское личико подсказывало, что эль-туань еще не достигла возраста совершеннолетия.

— Ваше Высочество! — изумленно воскликнул спутник эль-кадари, заставив Стинна вздрогнуть. На несколько мгновений ему даже показалось, что старик понял... Но Эддир ан-Кром смотрел не на него, а на находку.

— Ваше Высочество, мы думали, вы погибли в столице вместе со всеми.

Девушка растерянно взглянула на говорившего, а потом, громко всхлипнув, вскочила и кинулась пожилому эль-туань на шею, лепеча что-то несвязное. Стинн сумел разобрать лишь повторенное несколько раз «дядя Эддир». Надо же...

Новоявленная «родственница» его проводника оказалась хороша собой даже в нынешнем встрепанном состоянии. Похоже, она долго бродила по лесу, нацепляв в светлую косу немало листьев и мелких веток, порядочно измазав грязью подол длинного платья. На пряди волос, прилипшей ко лбу, виднелась тонкая сеть паутины. Короткие рукава не скрывали ссадин, по виду, от острых веток. Лес здесь был не самым гостеприимным. Впрочем, ссадины уже подживали — быстрая регенерация была врожденным свойством всех эль-туань.

— Их убили, дядя Эддир, всех убили! — такова была первая фраза, которую эль-кадари смог разобрать целиком. — От-тцу отрубили г-голову, и К-камиру т-тоже!

Девушка выбрасывала слова на выдохе, насколько позволяли подавляемые рыдания. Эддир продолжал держать ее в объятиях, но явно не представлял, что делать дальше.

— Хм, — озвучил свое присутствие Стинн.

Эффект оказался мгновенным. Всхлипы прекратились, девушка моментально развернулась к нему. Синие глаза, в которых стояли еще непролитые слезы, наполнились удивлением:

— Кто ты?

Отвечать Стинн не торопился, и эль-туань требовательно посмотрела на пожилого соплеменника:

— Кто он, Эддир? Что этот кадари делает в нашем королевстве?

«В нашем королевстве» — это прозвучало с поистине царственным апломбом, какому матушке Стинна еще только предстояло научиться. Все сомнения эль-кадари в личности девицы отпали.

— Риэль из рода Шоралл? — все же уточнил он.

— Да, — отозвалась она настороженно. — Хотя, — из-за маски усталости выглянула на миг ехидная лисичка, — хотя воспитанные мужчины представляются первыми, а потом спрашивают имя дамы.

Эль-кадари уставился на нее, не мигая, и через пару мгновений ехидство пропало, сменившись сперва опаской, а потом и откровенным страхом. Такой была обычная реакция любого эль-туань, будь то высокородный маг или простолюдин, на прямой взгляд эль-кадари. Все же «младшие дети Властелина», как эль-туань смели себя называть, плохо переносили встречу с отражением Бездны в зрачках *истинно* избранного народа.

— Так кто ты?

Стинн моргнул: он не ожидал, что девчонка так быстро придет в себя. Забавно, эта лисичка начала ему нравиться.

— Ваше Высочество, — вмешался бывший канцлер, — позвольте представить вам вашего верного союзника, чрезвычайного посла наших друзей кадари, Стинна ар-Гора.

Стинн склонил голову в молчаливом приветствии, усилием воли сдержав усмешку. Он весьма сомневался, что Эддир верил в слова о «верном союзнике». На самом деле, когда эль-кадари предложили Эддиру ан-Крому, бывшему канцлеру королевства Шоралл, стать их проводником по стране, звучало это так: «Жить хочешь?»

Последняя из королевского рода — до чего удачная находка! Стинн был уверен, что матушка вцепится в идею династического брака обеими руками, да и он сам, пожалуй, не станет возражать. А через несколько лет, как только Дракон отступится от этого, ненужного ему, по сути, мира, молодой жене предстоит скончаться. Скажем, при родах. Вместе с ребенком. Все же не стоит разбавлять кровь истинно избранного народа эль-кадари непонятно кем.

И Стинн ар-Гор, старший сын матери клана, любезно улыбнулся своей будущей невесте.

Из осторожных вопросов Эддира выяснилось, что вампиры похитили принцессу в день вторжения, после чего ее, лишенную элементарных удобств, держали в крохотной комнатке. Заставляли одеваться в жалкие лохмотья, кормили отвратительно, лишили слуг, даже заблокировали магию. Но несколько недель назад главный тюремщик куда-то пропал, его магия ослабла, и героическая девушка сумела открыть Портал и сбежать...

На этом месте своего рассказа принцесса приуныла. Похоже, желаемый переход не совпадал с тем, который получился в результате.

Весь этот жалостливый лепет Стинн выслушал с должным выражением сочувствия — спасибо отцовским урокам лицедейства. Поняв, что от пришедших непосредственная опасность ей не угрожает, Риэль явно ободрилась; а на осторожные слова бывшего канцлера о всевозможной поддержке, а также о наличии в их лагере настоящего эттельского повара радостно захлопала в ладоши и сообщила, что голодна, как вампир.

Слова об исчезновении тюремщика принцессы навели эль-кадари на определенные мысли, но он решил отложить выяснение обстоятельств до возвращения в лагерь. В Портал, открытый им, Риэль решила войти только одновременно с «дядей Эддиром», крепко вцепившись в локоть последнего. Похоже, путешествовать таким образом ей доводилось нечасто.

Лагерь... Скорее, небольшой палаточный город. С властью Дракона не смирились многие, и этим многим эль-кадари помогали как оружием, так и магией. И терпеливо ждали, пока воюющие стороны не обескровят друг друга.

Появление наследницы Шоралл, чудом оставшейся в живых, вызвало всеобщий переполох. Если немногие эль-кадари смотрели

настороженно, то эль-туань сбежались со всех сторон. Принцесса ласково им улыбалась и что-то щебетала — находиться в центре внимания ей было явно не в новинку.

Какое-то время Стинн наблюдал издали, потом подошел:

— Позвольте показать вам вашу палатку, принцесса.

Девушка мило улыбнулась, на щеках возникли очаровательные ямочки.

— С удовольствием, Стинн, — и царственно протянула руку, позволяя взять себя под локоть. Должно быть, так было принято при королевском дворе.

Риэль ворковала о том, как все к ней добры, как сочувствуют ее горю. Стинн кивал в нужных местах и вставлял подходящие по смыслу междометия. Но стоило подойти к палатке, и детское личико принцессы вспыхнуло от негодования:

— Я должна буду жить *здесь*? — действительно, серая, изрядно потрепанная, парусина, общий неказистый вид.

— Ну что вы, Ваше Высочество, — эль-кадари сдержал усмешку. — Мы просто навестим кое-кого.

Взгляд Риэль наполнился подозрением.

— Прошу, — Стинн откинул полог, пропуская даму вперед. Принцесса смерила провожатого очень недовольным взглядом, но все же шагнула внутрь. И тут же вскрикнула:

— Это он! Тот, кто велел меня похитить!

После чего вцепилась эль-кадари в руку и не слабо дернула внутрь.

Пленник был связан. Никто не думал заботиться о его комфорте, так что наместник, раны которого, из-за блокированной магии, не заживали, лежал прямо на земле. Наместник неотрывно смотрел на принцессу и лишь на мгновение бросил взгляд на эль-кадари. Говорить пленник не мог: абсолютная блокировка Силы включала в себя защиту и от магии слов.

Когда воины клана Гор принесли наместника в лагерь, тот, покрытый кровью, был без сознания, так что толком рассмотреть его, приведенного в нормальный вид, Стинн смог только сейчас. Пленник, черноволосый, черноглазый и белокожий, выглядел, словно чистокровный эль-кадари. Но его Сила, запятанная в кокон

стерегущих Нитей, показалась Стинну странно чуждой, хотя магию «союзников» эль-туань он изучил неплохо.

Мужчина задумался: может, стоило отложить казнь и постараться понять, что представлял из себя наместник Дракона? Крылатые не разбрасывались подобными постами. С другой стороны, надолго оставлять врага живым в плохо защищенном месте было опасно.

— Как вы сумели его поймать? — рывок за рукав вернул Стинна в реальность.

— Благодаря засаде, спланированной вашим покорным слугой, — эль-кадари отвесил небольшой поклон. Риэль уставилась на него с наивным восторгом:

— Правда? Это вы сами придумали?

Похоже, автор столь успешного плана сильно вырос в глазах принцессы.

— Несколько часов тщательного планирования — и вот результат, — Стинн не собирался объяснять ей, что все планирование заключалось в грамотном взятии заложников и последовавшим за этим предательстве одного из подчиненных наместника.

— Вы его казните? Как предателя? — похоже, Риэль ожидала только утвердительного ответа.

— Конечно, завтра на... — закончить Стинн не успел, его перебили.

— В полнолуние! Я хочу, чтобы его казнили в ближайшее полнолуние! — принцесса, чтобы усилить вес слов, капризно топнула ножкой.

Странное желание.

— Почему в полнолуние?

— Так было заведено дома, — в голосе Риэль послышалось некоторое удивление. Очевидно предполагалось, что эль-кадари должен был знать подобные детали.

— Зверей всегда казнили в полнолуние, а он, — последовал презрительный жест в сторону наместника, — полукровка!

Чудной обычай... а последняя фраза девушки, пожалуй, объясняла благоволение Дракона.

— Хорошо, — Стинн пожал плечами. — Следующее полнолуние через десять дней. Почему бы и нет?

В ответ его одарили нежным взглядом. Решив, что благосклонность будущей невесты стоит небольшого риска, Стинн, тем не менее, пометил в памяти сегодня же усилить охрану.

Весь вечер принцесса создавала себе уют. После устроенной наследницей рода Шоралл глобальной ревизии многие в лагере не досчитались любимых вещей, но никто не роптал. Ради присутствия принцессы, живого знамени восстания, эль-туань готовы были смириться с неудобствами.

Риэль просто гуляла по палаткам и ставила их хозяев в известность о том, что, например, «вот этот милый ковер» ей очень понравился, после чего подданный с поклоном просил королевскую дочь принять от него скромный дар. Прислугу принцесса себе тоже обеспечила, конфисковав у бывшего барона, лишённого волей Дракона земель, младшую дочь.

Вечером Риэль, наконец, уgomонилась, и когда Стинн ар-Гор заглянул в ее палатку, то с трудом поверил собственным глазам: сидя на невысокой лежанке, девушка вышивала. Конечно, эль-кадари знал, что общество эль-туань патриархально, однако зрелище природного мага, добровольно выполняющего столь нудную работу...

Девушка приветливо улыбнулась ему, отложила пяльцы, на удивленный взгляд Стинна пожала плечами:

— Меня это успокаивает, — после чего, заметив интерес эль-кадари к узору, протянула свое творение.

С первого взгляда результат усилий принцессы напоминал большую красно-черную кляксу, но стоило приглядеться внимательнее — и становилась заметна симметричность и четкость, кажущаяся знакомой.

— Какой необычный узор, — Стинн вопросительно приподнял брови.

— В малой приемной он был вышит на гобелене, — со вздохом сказала Риэль. Эль-кадари кивнул: возможно, он запомнил рисунок, когда несколько лет назад посещал королевство Шоралл.

Пожелав принцессе спокойной ночи, Стинн вышел из палатки. Этот узор.... Такая мелочь, но его знакомость не давала эль-кадари покоя.

Перед тем, как заснуть, подумалось: знаменательно, что дочь короля, зачатая при помощи магии эль-кадари, может стать для его

народа ключом к величию. После четырех сыновей королева безумно хотела девочку, вот только дочери в роду Шоралл не рождались почти тысячу лет. Если кто прежде и знал о причине этого, то теперь все позабылось, ушло в легенды. Король, любивший жену, что так редко бывает в династических браках, согласился принять помощь матери клана Гор. И действительно, родилась дочь, обладательница фамильных сапфировых глаз и льняных волос Шоралл.

Правда, уровень Силы у Риэль, по сравнению с ее братьями, был слаб, но разве это не являлось еще одним плюсом в ее будущей роли жертвенной невесты?

Мир эль-туаль, в отличие от многих других, почти с добротой относился к изгнанникам. Эль-кадари могли жить здесь месяцами, лишь на несколько дней возвращаясь домой, на плавающие в Бездне острова. В других же мирах срок составлял не больше пары дней, и да будут милостивы Боги Хаоса к тем, кто задержался дольше. Галлюцинации, безумие, странная болезнь, когда тело перестает повиноваться и покрывается кровавым потом... Стоило чуть затянуть, и конец был только один — смерть.

Бессонница, последние дни мучившая Стинна, намекала, что постоянный мир начал отторгать его; но сегодня сон поманил, стоило закрыть глаза. Сладостные грезы сменяли одна другую, пока мужчина не очнулся. Сознание громко кричало об опасности, но тело неожиданно оказалось тяжелым и неповоротливым, словно из жемчужных снов он сразу провалился в кошмар.

Сперва у Стинна не было сил не то, чтобы пошевелиться, но даже открыть глаза. Но у любого мага дух сильнее плоти. Шаг за шагом, контролируя каждый мускул, эль-кадари заставил себя подняться. Легче, наверное, было бы подчинить мертвеца, чем собственное тело.

Никогда прежде, даже среди глубокой ночи, он не слышал такой тишины в лагере. Ни единого голоса, ни звука. И... да, верно — лес вокруг них тоже молчал, что не объяснялось уже никак. Не бывает летней ночи без рева хищников, писка перепуганной мелюзги, криков ночных птиц, стрекотания сверчков.

На подгибающихся ногах эль-кадари подошел к краю палатки и отдернул полог. Слишком тихо, слишком спокойно. Никакого движения... почти.

Из-за крайней палатки появилась темная фигура. Стинн моргнул несколько раз, пытаясь сфокусировать зрение — силуэт то и дело расплывался.

Фигура уверенно двинулась дальше, потом замерла. Стинн никак не мог разглядеть лицо, но чувства, не имеющие отношения к зрению, подсказывали: силуэт не принадлежал эль-кадари.

Эль-туань? Или двусущный? Но как он прошел охрану?

С некоторым запозданием мозг, еще затуманенный сном, сообразил: стражников по периметру лагеря больше не было. А силуэт тем временем возобновил движение, но уже в сторону эль-кадари.

Стинн попытался призвать Нити, но зов ушел в пустоту. Полная блокировка способностей? Нет, однажды ему довелось испытать это — ощущения были другие. При блокировке маг чувствует невыносимую пустоту в душе, в той ее части, куда закрыт ход. Сейчас же магия присутствовала, но словно в некотором отдалении.

Темная фигура оказалась напротив, тряхнула головой, и скрывающий лицо капюшон упал на плечи:

— Никогда не любила ваше племя, — сейчас, наполненный ядом, голос принцессы уже не показался Стинну похожим на звонкий колокольчик. Мимолетно возникло удивление: отчего прежде он посчитал это лицо почти детским? Лишенное признаков возраста, с льдинами глаз, оно не могло принадлежать семнадцатилетней девчонке.

Сонливость вернулась с десятикратной силой, требовались невероятные усилия, чтобы просто стоять и не давать глазам слипаться.

— Как ты сумела? — выдавил он, и сквозь пелену надвигающегося сна прозвучал насмешливый ответ Риэль:

— Ты плохо учил наследие Древних, кадари.

Последнее, что услышал Стинн, погружаясь в беспамятство, был ее тихий холодный смех.

Глава 2

У моих ног лежал Стинн ар-Гор, пока еще живой. Единственный, кто сумел противостоять руне сна Древних. Он был сильным магом. Именно был. Потому что я знала: с каждым последующим часом его грудь будет подниматься все реже, а к следующей ночи он вовсе перестанет дышать.

Жалости не было: этот чужак пытался отнять то, что принадлежит мне. Такое эль-туань не прощают.

Я отвернулась от спящего и продолжила идти к невзрачной серой палатке, у входа в которую, мирно похрапывая, лежали три воина кадари. Откинула полог. Внутри было темно, но для меня это не имело значения.

Опустившись рядом с расprostертым телом Мервина, я начала, Нить за Нитью, снимать путы, наложенные кадари. Дневное прикосновение к Стинну ар-Гору позволило мне взять отпечаток его личности. Теперь я знала, как нейтрализовать его магию.

Прошло уже несколько минут, как я вошла внутрь, но Мервин лежал все так же неподвижно, закрыв глаза. Его грудная клетка поднималась еле заметно в такт редкому дыханию. По причине, ведомой только ему самому, таирт притворялся спящим. Я работала молча — чем меньше движений и слов с его стороны, тем быстрее и чище я сниму Нити.

В том, что Мервин находился в сознании, я была уверена. Вышитая мной вариация руны сна включала двух бодрствующих существ — его и меня.

— Как ты оказалась в лагере? — будничным тоном, не открывая глаз, спросил он.

— Пришла за одним глупым эль-туань, — с такой же интонацией ответила я.

— За глупым эль-туань? — Мервин соизволил одарить меня внимательным взглядом.

— Конечно, — я вздохнула. — Будь ты умным эль-туань, мне бы не пришлось пускаться в столь неприятное странствие.

— Нет, я не о том, — он приподнялся на локтях, наблюдая, как я последними пассами нейтрализую остаточную магию кадари. — Зачем ты вообще искала меня? Полукровку? — Мервин пытался говорить спокойно, но в последних словах проскользнула горечь.

Я взглянула удивленно:

— Какая мне разница, сколько в тебе какой крови?

— Ты именно это сказала тому кадари, — никогда прежде я не слышала у Мервина подобного тона голоса. Словно каждым словом он резал себя по живому.

— Мало ли что кому я говорила, — против воли я почувствовала себя виноватой. — Это был запасной план. Если бы с руной сна не получилось, я бы отсрочила казнь.

— А ты знаешь, — Мервин сел и начал, не глядя на меня, растирать запястья, — знаешь, почему двусущных предпочитали убивать в полнолуние?

— Нет, — я пожала плечами. Никогда не задумывалась об этой детали.

— Луна нашего мира враждебна оборотням, — сказал Мервин глухо. — В такую ночь, если тело двусущного умирает, его душа отторгается от духовного мира. Луна, воплощенная эль-Хандэ, не дает душе вернуться домой для перерождения, не позволяет даже уйти в Бездну. Умерший обречен вечно скитаться в ненавистном чужом мире, без надежды на спасение. Для двусущного лучше любые муки в смертном теле, чем смерть под светом полной луны.

— Старое суеверие, — возразила я больше из упрямства.

Таирт не ответил.

— Все, ты свободен, — я поднялась на ноги, брезгливо отряхивая руки от остатков чужой магии, которая ощущалась как липкая паутина. — Мы можем идти.

Мервин внешне никак не отреагировал, но я ощутила пробуждение первого слоя Нитей в его эррэ. Потом он поднял голову, черные глаза впились в меня; в пронзительной интенсивности взгляда не было ничего доброго.

— А ты ничего не чувствуешь? — таирт не торопился вставать. — Не ощущаешь в себе странного?

Я недоумевающе посмотрела на него. Странного? Не было ничего странного. Что за глупый вопрос?

— В чем дело, Мервин? — я нахмурилась. Мне не нравился его взгляд — словно таирт смотрел и не на меня вовсе, а на кого-то чужого. Словно я для него — новая неприятность, а вовсе не спасительница.

— Ты мог хотя бы поблагодарить меня, — я сказала обиженно, — а не загадывать загадки.

— Прошу прощения, принцесса, — губы таирта скривились в гротескном подобии улыбки. — В плену я растерял все манеры.

Он поднялся на ноги, сделал шаг к выходу, потом замер. Поднял руку в поиске опоры, но стена палатки находилась дальше.... И молча начал заваливаться на землю. Я подбежала, подхватила его, не давая упасть.

— Мервин, ты... да что с тобой такое?!!

Таирт не ответил. Его лицо посерело, глаза закатились. Я осторожно опустила его на землю, коснулась лба — кожа была холодной и покрытой липким потом.

Какая же я дура! Его ведь ранили, а насильственное наложение Нитей блокирует не только течение крови из ран, но и самоисцеление. Я настолько привыкла к нормальной для нас скорости регенерации, что забыла — моментальным излечением мы обязаны магии...

* * *

Я сидела на земле, держа на коленях голову потерявшего сознание таирта, с ужасом смотрела, как расплывается на его одежде кровавое пятно от вновь открывшейся раны, и не представляла, что делать дальше...

* * *

К счастью, мой приступ паники закончился прежде, чем Мервин успел истечь кровью.

Вернувшись в реальность, я осознала, что нужно сделать. Хотя способностей к лечебной магии у меня не было, я могла создать руну,

замедляющую время для материального тела. Тоже руну из наследия Древних.

Как и руну сна, я впервые увидела ее в старинной книге, которую принес мне Мервин. Как и с руной сна, прежде у меня не было возможности опробовать эту магию. Но, как и с руной сна, в глубине души жила твердая уверенность: все получится, я все сделаю правильно с самого первого раза.

Я торопливо разорвала рубашку у Мервина на груди и вывела нужную руну на коже его же кровью. Таирт дышал прерывисто, дыхание выходило со всхлипами. Я почти физически чувствовала, как из него вытекает жизнь.

Рисунок был почти закончен, составные части налились призрачным светом. Вот — последний штрих — и руна намертво впечаталась в тело. Мервин замер на полу-вдохе, кровь прекратила поступать из ран. Теперь оставалось только ждать. Тело погрузилось в стасис. У исцеляющей магии, не принадлежащей материальному миру, было теперь достаточно времени, чтобы закрыть раны.

Мервин все еще был без сознания. В себя он не придет до тех пор, пока будет действовать руна. Я не представляла, сколько ему потребуется времени для излечения. Час, день, неделя?

В приоткрытый полог палатки было видно, как постепенно светлело небо. Я вышла наружу и почти упала, запнувшись о тело одного из кадари. Я совсем забыла о них.

Из леса донесся рев хищников, дерущихся за добычу. В Бездну! Создавая руну сна, я как-то не задалась вопросом, что потом делать со спящими. Я бы ничуть не пожалела, стань кадари кормом для диких животных. В конце концов, стервятничать в наш мир их никто не звал. Прогневили в свое время Властелина, оказались изгнаны в Бездну, так и сидели бы там, а не лезли греть руки на чужой беде! Но соплеменникам такой смерти я не желала.

Недовольно, в первую очередь на себя, нахмурилась. Нужно было не торопиться, а создать две руны сна, для кадари и эль-туань по отдельности. Тогда, перед открытием Портал, я бы просто нейтрализовала вторую, и оставила бы кадари на милость судьбы.

Что ж, что сделано, то сделано, наложить руну сна вторично я все равно не могла. Значит, предстояло разбудить всех. Либо... либо я могла спросить у Мервина, когда он придет в себя. Именно «когда» —

я даже мысленно не позволяла себе заменить это слово на «если». Эльтуань живучий народ, да и примесь крови двусущных в его жилах только поднимала шансы.

Солнце медленно ползло вверх по небосклону. Я устроилась на траве, на самом солнцепеке, рядом с палаткой, где лежал Мервин. После нескольких месяцев в каменных стенах казалось, что я никогда не смогу насытиться теплом и красотой дневного светила.

В руках я держала кусок полотна с почти готовой руной Сият. Можно было бы вывести руну и на бумаге, но, в отличие от вышивки, не всякая бумага и не всякая краска годились для рунической магии. При вышивке все было проще. Чтобы призвать благословение Бездны и ее Властелина оказалось достаточно двух капель своей крови: одной для первого стежка, второй для последнего.

Но руна руной, а следящие Нити никто не отменял. Время от времени я лениво шевелила ими, передвигая по лесу. Они захватывали всего полмили в окружности, но для заблаговременного предупреждения этого должно было хватить.

Через несколько минут руна должна была быть готова. Идеальное средство свернуть пространство всего лагеря повстанцев, закрыв от проникновения извне. Когда я закончу...

Землю основательно встряхнуло, потом еще раз, и еще. Моей первой панической мыслью было: с Мервином что-то случилось, рунная магия сработала не так.

Почва под ногами ходила ходуном, мне пришлось двигаться чуть ли не на четвереньках. Вот и палатка. Полотняная дверь дергалась от толчков, и так же вздрагивал лежащий на земле таирт, бледный и безучастный к происходящему. Руна на его груди светилась едва-едва, кровь уже почти полностью впиталась в кожу. Последнее показалось мне странным, хотя, с другой стороны, что я знала о реальном действии рун? Тем более на полукровок?

Всмотрелась. Рана явственно затягивалась, биение сердца все также не было слышно. Но я знала, что оно есть, где-то около десяти ударов в час — достаточно, чтобы душа не надумала покинуть тело.

Очередной земной толчок почти опрокинул меня на раненого. Я выбралась из палатки — как раз вовремя, чтобы увидеть, как по земле во все стороны расползались трещины. Сперва едва заметные, они расширялись, подбираясь к беспомощным телам спящим. Еще толчок.

Еще. Тела, подбрасываемые ударами, начали скатываться вниз. Мгновение, следующее — эль-туань и кадари, один за другим, исчезали в бездонной глотке земли. Единственным островком спокойствия была палатка, у которой, вцепившись в ее край, стояла я.

Да что же происходило? Мы ведь находились на срединной равнине. Я никогда прежде не слышала о землетрясениях в нашем королевстве!

Я ввинтила следящие Нити под землю и отшатнулась в омерзении: там кружил огромных размеров червь. Заставлял твердь содрогаться в конвульсиях, вновь и вновь огибал нас с Мервином по широкой дуге — не ближе и не дальше. И ловил жадной пастью все новые и новые тела, падающие вниз.

Меня словно окутало плащом из ледяной крошки, потом бросило в огонь. Я поняла. Это ведь я сделала! Я, рунами Древних! Это я призвала те силы, которым поклонялись Древние — силы самой Бездны. А Бездна никогда не уходит, не сняв жатву. Как я могла даже не задаться вопросом, к каким силам взываю?

— Хватит! — я кинулась к ближайшей трещине, упала на колени, из-под ладоней оборвались вниз комья сухой земли. — Хватит! Оставьте их!

Из непроглядной черноты внизу смотрели два горящих глаза чудовища. Дрожь земли прекратилась — меня слышали и меня слушали.

— Уходи, — я сказала спокойно, словно дикому животному, которому нельзя показать страх, как нельзя повернуться спиной. — Уходи. Ты получил, за чем пришел, ты сыт — уходи.

Желтые, со ржавым окоемом, глаза. Они словно стали ближе — или это меня затягивало в их глубину? Но мне не только нельзя было показывать страх, мне нельзя было бояться. Нельзя — иначе не выживет мой таирт. Нельзя — потому что тогда груз смертей на совести станет слишком тяжел для одной бывшей принцессы. Пусть даже сама принцесса тоже будет мертвой.

Я не боялась.

Я была сильнее, чем эта тварь из Бездны.

Я не боялась, потому что ни одна тварь не может сравниться со старшими детьми Властелина, а я смотрела в глаза Дракона, желавшего моей гибели, и осталась жива.

В памяти вспыхнуло воспоминание о бездонной черной пропасти — взгляде Кароса Дакаанта — которая почти затянула меня. Но теперь эта пропасть словно создала стену между мной и тварью.

Понимало ли чудовище мои мысли, считывало ли только эмоции, или же общение между нами происходило на ином уровне, который я не могла осознать, но внезапно червь отдернул ментальные щупальца. Детей своего Властелина твари боялись так, что даже от одного воспоминания чудовище попятилось.

Буркала глаз червя могли, оказывается, выражать скорбную укоризну. Я словно услышала отзвук неутоленного голода и обиду на хозяйку, не позволившую довершить трапезу.

На хозяйку?

Тварь обо мне?!!

Глаза исчезли, земля вздрогнула в последний раз, в лицо мне полетел песок. И все замерло. Я попыталась встать, но ноги подогнулись, и я вновь упала на колени. Закрыла лицо руками. Только теперь, когда все, кажется, закончилось, колющий комок страха прорвался слезами...

* * *

Почти законченная вышивка ярким пятном выделялась в траве. Словно ядовитая змея выползла погреться на солнце. Нет, клочок полотна с похожей на кляксу руной никому не причинит вреда. Пока, по крайней мере. Но если я dokonчу ее — какое чудовище призовет она в ответ? Что пожелает забрать в обмен на защиту?

Я потерянно бродила по лагерю, недавно полному жизни. Земные трещины прошли под многими палатками, сейчас перекосившимися и пустыми. Я не знаю, выжила ли хоть половина эль-туань. Кадари.... За ними червь шел в первую очередь. Не хочу думать, что он просто чувствовал мою неприязнь. Что я действительно стала, пусть на краткое время, хозяйкой чудовищу.

Подойдя к Мервину, я опустила на колени у неподвижного тела, положила ладони ему на грудь. Его жизнь тоже спасала руна, убрать ее я не смела. Неужели и за эту часть наследия Древних придется заплатить? Мне? Ему? Кому-то третьему?

Раны почти закрылись, кожа больше не казалась мертвенно бледной. Теперь я была уверена — Мервин выживет, и, значит, вторая половина души останется со мной. Он не видел меня, не слышал — я могла сказать вслух:

— Мой эль-эро.

В древних книгах записано, что однажды эль-туань восстали против Властелина, но были повержены. В качестве наказания Бог Бездны лишил нашу суть цельности. С тех пор все дети эль-туань рождались лишь с половиной души, с половиной «эль» — как называлась душа на языке Древних.

Это было совсем незаметно и ничуть не мешало жить — до встречи с тем, в ком жила вторая часть. Находиться рядом со своим эль-эро, своей «разделенной душой», было несказанно прекрасно и вместе с тем мучительно. И ничуть не похоже на любовь с первого взгляда, как наивно писали в куртуазных романах.

Бывало по-разному.

Иногда, как у меня, — одержимость, болезненное желание обладать.

Иногда — нежная забота.

Иногда — смертельная ненависть, более сильная, чем могла бы быть любовь.

Но никогда — равнодушие. Невозможно испытывать равнодушие к самому себе.

Текли часы. Солнце уже перевалило за невидимый рубеж полудня и неторопливо катилось к горизонту. Я сидела рядом с Мервином, сжимала его холодную ладонь в своих. Когда светило коснется верхушек деревьев, я сниму руны и открою Портал в замок ан-Тоэль. Я знала, что переход ухудшит состояние таирта, и могла лишь надеяться, что раны вновь не откроются.

Едва руна перестала светиться, Мервин открыл глаза.

— Нужно уходить, — я показала на проявляющиеся дуги Портала. Таирт приподнялся на локте, рассеянно провел рукой по своей груди с воспаленными красными рубцами — по тому, что осталось от ран. С болезненной напряженностью всмотрелся в мое лицо, и в этот раз, похоже, нашел искомое. Кивнул, отвечая то ли мне, то ли собственным мыслям.

Мы подошли к Порталу.

Силы, взятые мной из Источника, иссякли еще не до конца. Обернувшись, я послала Нить Огня к двум свернутым вместе вышивкам рун. Заклятие сна с тех, кто выжил, будет снято. Через несколько минут эль-туань и кадари начнут просыпаться. Поймут ли они, что на самом деле случилось, и если да, то кого обвинят?

С силой, неожиданной для недавно умиравшего, Мервин сжал мое запястье.

— Будет лучше, если мы шагнем в Портал одновременно, — сказал он, не отрывая взгляда от переливающегося серебром прохода.

Интересно, какой в этом был смысл? Я никогда не слышала, чтобы эль-туань, вошедшие в один Портал, оказались в разных местах. Но раз Мервину так казалось спокойнее...

Глава 3

Уже вступая в Портал, я почувствовала, как рассыпается магия рун — словно кто-то невидимый расплетал в моей душе узлы перекрученных нитей.

Ощущение времени при переходе всегда субъективно, но мне показалось, будто в этот раз все длилось намного дольше. И еще — словно невидимые руки действительно пытались вырвать меня у Мервина. Но этого уже просто не могло быть.

Переход оборвался резко — меня буквально выпихнуло в реальный мир. И тут же свет болью ударил по глазам. Я инстинктивно прикрыла их свободной рукой, одновременно зажмурилась, голову обнесло головокружение. Сделала глубокий вдох, но воздух оказался пустым, обжог сухим холодом — впервые в жизни я не смогла насытить им легкие.

— Сюрприз за сюрпризом, Риэль, — прозвучал рядом голос Мервина. — А я-то наивно полагал, будто мы направляемся в мой замок.

После странного заявления таирта я рискнула приоткрыть один глаз — вот только ослепляющая белизна не торопилась исчезать.

— Перестрой зрение, — мягко посоветовал Мервин. Ох, следовало бы догадаться самой. Только теперь я осмелилась убрать от лица руку.

Я в жизни не видела столько снега, пронзительно-белого, местами отливающего глубокой синевой. А еще каскадом света в нем отражалось полуденное солнце — вполне летнее, судя по тому, как высоко оно стояло в небесах. Я медленно повернулась по кругу, но картина осталась все та же: снег, небо и солнце.

Портал вынес нас на вершину высокого холма, где наши ноги по щиколотку утопали в снегу. Отойдя от первого шока, я поняла, что мне холодно. Очень. Магического резерва осталось мало, ужасно не хотелось тратить его на обогрев, но пришлось. Не замерзать же.

— Риэль, — Мервин смотрел на меня очень внимательно. — Ты представляешь, куда нас перенесла?

Я покачала головой:

— Я задала координаты замка. И... это ведь не наш мир?

— По всей видимости, — Мервин нахмурился, машинально провел рукой по порванному вороту рубашки. — Нужно найти укрытие и развести обычный огонь, на одной магии мы долго не протянем, — и первым начал спускаться.

Честно, его самообладание уже не в первый раз вызывало во мне восхищение пополам со злостью. Никаких пустых разговоров и расспросов, все строго по существу. Но как только подходящее убежище отыщется и все начнет хоть немного соответствовать норме, как ее понимал таирт, от допроса мне не отвертеться. Мервин вытащит из меня даже те детали, о которых я сама не подозревала, после чего все разложит по полочкам.

Так, по крайней мере, было в бытность моего ученичества в королевских лабораториях. Сколько я тогда перепортила заготовок и отняла у него драгоценного времени — не сосчитать. И каждый раз он заставлял меня понять, в чем заключалась ошибка — спокойно, четко, без тени гнева. Забавно, теперь и не припомню, злился ли он на меня всерьез хоть раз. Вот братьев я порой доводила до желания сестроубийства....

— Получается, вместо Портала я открыла Врата, — идти было неудобно, голые ноги до колен проваливались в сугробы, а снег здесь оказался ужасно колючим. — Мервин, как такое вообще возможно?

— Риэль, побереги силы, — через плечо бросил таирт. Я замолкла, но надолго меня не хватило:

— Идеи у тебя ведь есть?

— Да, — надо же, мне соизволили ответить!

— Да, — продолжил он. — На западе виднеется лес. Попробуем добраться до него — огонь проще поддерживать, если есть, что жечь.

Понятно, обсуждать серьезные вещи Мервин не хотел. Хорошо, я могла подождать...

* * *

Несколько часов спустя мы торжественно вступили под переплетение голых крон. Мне все же удалось немного разговорить таирта, очень немного: на десять моих фраз приходилась едва ли одна

его. Я рассказала и о рунах, и о плотоядном черве с глазами желтого цвета, какого у нормальных подземных обитателей быть не могло. Случившееся жгло меня изнутри, хотя после того, как я поделилась, стало чуть легче. Думаю, у Мервина имелись свои догадки, но раскрывать их он не торопился. А я все пыталась заглянуть в собственную душу и понять, что изменилось в ее сути, заставив тварь признать меня хозяйкой. Да изменилось ли вообще?

Быть может, так проявлялось прельщение Бездны? Если б только кто-нибудь сказал мне, в чем именно заключена опасность открытия Порталов и Врат для эль-туань, не достигших двадцати лет, и как это прельщение должно проявляться...

Пытаясь отвлечься от навязчивых мыслей, я начала осматриваться по сторонам. Деревья — я никогда не видела таких гигантов. Если срубить одно из них, сколько сотен — или тысяч — годовых колец могло открыться на срезе? Какую память хранил этот лес?

Я замедлила шаг, потом совсем остановилась. Подошла к ближайшему стволу и, раскинув руки, прижалась к нему всем телом. Холод жесткой коры без труда проник сквозь одежду. Я не боролась с этим холодом, пропустила сквозь себя, вслушиваясь в жизнь, спящую внутри дерева. Соскользнула Нитями по мощным корням вниз, раздваиваясь, расчетверяясь, распадаясь...

Я была везде в этой почве, промерзшей почти до самого огненного ядра. Я искала следы любой расы, которая могла обитать в этом ледяном мире. Мили, десятки, сотни миль — корни моего гиганта срастались с корнями его сородичей, и по ним наверх скользили мои Нити, мои бесчисленные глаза, ища на поверхности хоть какие-то следы разумной жизни. Но нет, нет, нет. Везде — только снег, лед, голый лес...

С усилием оторвавшись от дерева, я медленно отошла от него. Ноги подкашивались. Почувствовав затылком пристальный взгляд, повернулась.

— Ты знаешь, как опасно то, что ты сейчас делала? — Мервин стоял за моей спиной на расстоянии одного шага.

— Что я сейчас делала? — повторила я его слова, не понимая.

— Расщепила свою личность, не имея ни практики, ни страховки. Или тебе так хочется умереть?

Я судорожно сглотнула. Нет, сейчас мне, как никогда прежде, хотелось жить.

— Риэль, ты понимаешь, что с тобой происходит? — глаза Мервина были серьезны до грусти. Почему он так смотрел на меня?

— Нет, я... нет...

— Пойдем, — он отвернулся, показывая вглубь зимнего леса. — Лучше бы найти укрытие до наступления темноты.

— Да скажи, наконец, в чем дело?!! — крикнула я ему в спину. — Эти руны, эти твари Бездны, этот Портал, который превратился во Врата, хотя последнее просто невозможно! И теперь — я... когда я просто вдруг поняла, как можно увидеть! Но откуда? Мервин, да ответь же!!

— Не знаю, Риэль. Правда, не знаю. Пойдем, — он обернулся и посмотрел мне в глаза. — Найдем укрытие, разведем костер. Это все, что можно сделать, пока не восстановим силы.

— Если у нас будет на это время, — добавила я чуть слышно.

Мервин шагал так целеустремленно, словно по нетронутому насту снега для него уже была проторена тропа. Я же, как ни вглядывалась, не замечала никакой разницы между тем, куда он периодически сворачивал, и тем, мимо чего равнодушно проходил. По мне, так все вокруг было одинаковым.

Наступал второй за эти сутки вечер. Учитывая, что я совсем не спала прошлую ночь, глаза уже должны были начать слипаться, но желания сна не было. Просто хотелось сесть, уставиться в одну точку и ни о чем не думать.

Хотелось забыть.

Все забыть.

Усилием воли я отогнала первое воспоминания: багровое зарево на фоне чернильной ночи, прекрасный дворец, обращенный в руины, крики погибающих эль-туань, и, заглушающий их, рев крылатого чудовища.

Секундная передышка, и вместо него явилось второе. Мне вдруг почудилось, будто вместо снега вокруг шелестит трава, земля расползается трещинами, и в них, одно за другим, скатываются беспомощные тела...

Я встряхнулась, заставляя себя вернуться к настоящему. С каждой проходящей минутой мне было все сложнее поддерживать тепло тела

на одном уровне. Сила Источника почти закончилась. Еще несколько часов — и мне придется либо замерзнуть насмерть, либо свалиться от истощения, с тем же, в итоге, финалом.

— Мы на месте.

Я удивленно вскинула на Мервина глаза. На месте — это где? В самом сердце леса?

Он чуть усмехнулся, произнес несколько слов на незнакомом языке, и я поняла, что ерничала напрасно. Хорошо, не вслух. Действительно — на месте. Подошла ближе и, все еще не веря глазам, коснулась вроде бы деревянной стены. Но на ощупь поверхность ее была стеклянно-гладкой.

— Здесь ведь не живут разумные. Откуда это?

— Не живут, но иногда появляются, — голос Мервина прозвучал устало, очень устало. Только сейчас я заметила, как он бледен, как густо пролегли под глазами тени. Опять я думала только о себе и забыла, что мой таирт был ранен, и что рану я залечила не полностью.

— Пойдем, — Мервин начал обходить сторожку по кругу. — Обычно они оставляют внутри достаточный запас еды и топлива...

— Они?

Криво улыбаясь, Мервин остановился перед грубо сколоченной дверью, чей вид совсем не вязался с идеальностью стен, и, не касаясь, сделал движение, будто толкнул ее обеими ладонями. Ничего не произошло. Мервин обернулся ко мне, чуть приподнял брови:

— Ты ведь знаешь, какой народ любит путешествовать по чужим мирам, не спрашивая согласия их обитателей? Скажи мне.

— Кадари, — с ненавистью выдохнула я. Самой стало странно, откуда взялось столько чувства, ведь еще сегодня мне было их почти жаль.

— Они самые, — Мервин покачнулся на пятках, раздумывая. Потом пожал плечам и на том же языке, каким проявил дом, произнес несколько длинных фраз. Дверь, поскрипывая, медленно открылась.

— Это их язык?

— Одно из наречий, — Мервин не торопился входить внутрь. Чем-то строение кадари ему не нравилось. — Можешь запустить следящую Нить?

Я кинула на таирта испуганный взгляд: это же насколько он был истощен, если для создания самой простой Нити нуждался в помощи?

Внутри было пусто. Почти.

— Там что-то спит, — я нахмурилась, пытаюсь понять картину, переданную Нитью Воздуха. — Что-то теплое, некрупное, и...

— ...и ядовитое, — закончил Мервин.

Я кивнула. Да, вокруг существа ощущалась аура смерти.

— Это страж. Кадари часто оставляют прирученных тварей. Бездны стереж свое добро.

— Мерзость! — меня передернуло. Что если в доме младший родственник подземного червя?

— Ты знаешь, как его убить? — пусть дом, сделанный кадари, был изначально осквернен, но там можно было развести огонь и согреться без магии. Я слишком устала поддерживать защиту.

— Как убить — нет, как подчинить — да. Жди здесь, — и Мервин переступил порог.

Я ждала.

Внутри было тихо. Мервин, когда хотел, мог двигаться бесшумно, а тварь, похоже, все так же спала.

Или нет.

Глава 4

У Мервина, когда он пел, оказался очень красивый голос. И язык кадары, на котором он выводил напевный речитатив, сейчас не вызывал у меня инстинктивного неприятия. Напротив, я, забыв обо всем, с удовольствием вслушивалась в каждый звук, в каждое переплетение незнакомых слов. Начало даже казаться, будто откуда-то доносится музыка, прекрасная и завораживающая, странно знакомая...

Я бездумно сделала шаг вперед, ближе к поющему, и почти столкнулась с Мервином в дверях. Пение смолкло, изумление на лице таирта вырвало меня из мечтательного ступора. И только после этого я заметила животное, посапывающее на его руках.

Я сделала шаг в сторону, позволяя таирту выйти, а сама не могла отвести взгляда от дивного существа. Больше всего оно походило на крохотного жеребенка, но по-взрослому пропорциональные части тела говорили об ином.

Белоснежная шелковистая грива спускалась почти до земли, так и хотелось провести по ней ладонью. Глаза существа были закрыты, но густоте пушистых загнутых вверх ресниц позавидовала бы любая красавица. Нежная короткая шерстка, изящные очертания мордочки, тонкий витой рог посередине высокого лба...

— Это он, тот страж, о котором ты говорил? — я спросила у Мервина недоверчиво, почти уверенная, что таирт ответит отрицательно. Но Мервин кивнул и осторожно опустил ношу на снег. Серебряное на белом. Совершенная красота на безупречности снега. На черном контраст был бы невероятен.

— Посмотри, — Мервин слегка почесал надбровье существа, и то сонно приоткрыло глаза. Подавив крик, я отшатнулась: на меня смотрели такие же желтые буркала глаз без зрачков, с тем же ржавым ободком по краю, что были у подземного червя. Страж широко зевнул, показав два ряда длинных и острых клыков, и вновь начал дремать.

— Ты его усыпил? — спросила я тихо.

— Нет, — оставив существо лежать на снегу, Мервин выпрямился. — Просто не дал проснуться.

Потом резко поменял тему:

— Почему ты хотела зайти в дом?

Я слегка растерялась:

— Не знаю. Чтобы лучше слышать песню.

Мервин пристально посмотрел на меня, потом молча развернулся к дому.

— А страж... — сказала я ему в спину. — Разве безопасно оставлять его так, на снегу? Это же тварь Бездны?

— Уверяю тебя, он не простудится.

Я стиснула зубы, давая желание послать в темноту дома какое-нибудь заклятие позаковыристее. Нашел время блистать остроумием!

— Мервин, мне уже можно войти? — в голос против воли прорвалось раздражение.

— Нет. Жди.

Вздыхнув, я уселась прямо на снег, в двух шагах от стража, от нечего делать подобрала валяющуюся неподалеку ветку и взъерошила фальшивому единорожку гриву. Существо не обратило на мои старания внимания. Похоже, все вокруг сговорились меня игнорировать.

Еще раз вздохнув, я отбросила ветку и, подтянув колени к груди, уткнулась в них подбородком. Мне было грустно, скучно, немного холодно, несмотря на действующую защиту, а еще я хотела есть.

Перед моим мысленным взором появились те блюда, которые готовили при отцовском дворе. Уложенные на изящные тарелки, украшенные веточками душистой зелени и экзотических фруктов, передо мной проплывали жареные и печеные в разнообразных видах птичьи тушки, сваренные в молоке зайцы; на огромном подносе гордо восседал поросенок с яблоком в зубах, за ним — нежнейшая телятина, рулеты, колбаски. В золотых бокалах плескались бодрящие напитки, дарующие жизненную силу. Мысленно я поднесла один из них к губам, смакуя бархатистый, приправленный кисловатой колкостью железа вкус свежей человеческой крови...

На мой истошный крик Мервин буквально вылетел из дома и застыл, глядя, как я трясущейся рукой отталкиваю от себя морду единорога, пытающегося примостить голову мне на колени. Существо издавало жалобное тонкое ржание, но попыток не оставляло.

Я, наконец, догадалась вскарабкаться на ноги и начала пятиться от стража. Тот намеков не понял и продолжал тереться боком мне о колени — как раз предел его роста.

— Убери его! — я умоляюще взглянула на таирта. — Пожалуйста, убери от меня *это*!

Существо посмотрело на меня желтыми скорбными глазами и жалостливо мекнуло. Однако Мервин даже не попытался приблизиться:

— Он тебя признал.

— Что? — изумленная, я перестала отпихивать нахальную морду. Единорожек воспользовался случаем и прижался ко мне всем телом. Что ж, он хотя бы был теплый.

— Признал потому, что я девственница? — решила я уточнить. Мервин несколько смущенно кашлянул:

— Боюсь, для тварей Бездны этот момент не важен, — пояснил он. — Но страж действительно признал в тебе хозяйку. Твари ластятся подобным образом только к матерям кланов кадари.

От этих слов меня пронзила ярость:

— Не смей сравнивать меня с кадари! Это проклятый народ, и однажды их всех заберет Бездна!

Мервин несколько мгновений рассматривал меня, как неведомый науке вид, потом согласился:

— Конечно, заберет. Однажды.

Он что, издевался надо мной? Да как он посмел? Какой-то жалкий смертный!..

Последняя мысль, словно ведро ледяной воды, привела меня в чувство. С какой стати я назвала Мервина смертным? Почему мне вместо вина привиделась в бокале кровь? И отчего эта пушистая тварь все еще липла ко мне?

— Мервин, что со мной происходит? — я спросила, чувствуя, что вот-вот расплачусь. Таирт вздохнул:

— Пойдем в дом.

— А с этим что делать? — крепко ухватившись за гриву, я отбросила единорожка от себя. Хватит уже лезть мне под юбку!

— Прикажи ему, чтобы оставался снаружи и стерег, — серьезно предложил Мервин.

— Э-э, — похоже, таирт и впрямь не шутил. — А на каком языке приказать?

— Как хочешь. Твари не понимают слова, просто считывают образ четко очерченной команды. При должной умственной дисциплине ими можно управлять мысленно, но лучше пока не пытайся.

Я подозрительно посмотрела на таирт: могло ли так быть, что он надо мной издевался? Или нет?

— Ты, — строгим тоном я обратилась к единорожку, стараясь не морщиться от вида желтых белым глаз, — оставайся снаружи, в дом не заходи, береги нас от всего дурного.

Нет, Мервин действительно был серьезен, поскольку взгляд твари наполнился собачьей преданностью и искренней радостью от возможности услужить. Единорожек издал восторженное ржание и галопом направился в первый обход вокруг сторожки.

* * *

В доме было сумрачно, только подсвечивали редкими всполохами дрова, сгорающие в печи. Я сидела на коленях почти вплотную к ее каменной кладке, наслаждаясь теплом. Когда начала зябнуть спина, я развернулась и со вздохом прижалась ею к печному боку.

Я наконец-то отпустила истончившуюся защиту, позволив Силе восполнять резерв. Магия больше не грела, впервые в жизни я зябла и ежилась. Холодный воздух кусал меня за голые ноги, каплями кислоты скользил по рукам, без преград забирался под летнюю одежду. Даже простолюдинка была способна защититься от зимы лучше, чем я сейчас... Я, как обезумевший скряга, берегла жалкие остатки магии Источника.

Несколько дней, быть может, неделя — и мне хватило бы сил открыть Портал... что нам никак бы не помогло. Чтобы вырваться из этого мира, нужны были Врата, создавать которые я не умела. А вот Мервину приходилось.

— Сколько времени тебе нужно, чтобы восстановиться? — это был мой первый вопрос с тех пор, как я вошла в сторожку. Мервин возился с чем-то неразличимым — я, к сожалению, еще не научилась видеть сквозь спины — и сперва не ответил. Хотела бы я знать, кто из

духов Бездны додумался сделать моим эль-эро столь плохо воспитанного эль-туань, да при том полукровку?

Я чуть улыбнулась собственным мыслям: *мой эль-эро, мой таирт, мой...*

— Не знаю, Райша, — Мервин все же изволил ответить и теперь подошел ко мне, сел на пол рядом и протянул что-то, завернутое в крупный, пожухлый от старости, лист.

— Кадари оставили немного припасов, так что от голода мы не умрем, — пояснил он на мой недоумевающий взгляд.

Развернув сверток, я увидела... нечто.

— Точно, — пробормотала я себе под нос. — Потому что мы умрем от *этого*.

— Не капризничай, — Мервин забрал у меня бледно-желтого цвета пластину и разломил пополам. — Я много раз ел тхей-ло и жив до сих пор.

— Разве? — я скептически смерила его взглядом. — Уверен? Потому как я начинаю понимать, отчего ты всегда бледен, словно мертвец.

Таирт вгрызся в свою порцию, оставив вторую половину лежать на моих коленях, тщательно пережевал и рассудительно заметил:

— Тем больше причин тебе это попробовать. Когда обретишь мою аристократическую бледность, то будешь хоть немного походить на настоящую принцессу, а не на розовощекую крестьянку.

Несколько мгновений я хватала ртом воздух. Да как он посмел! Поставить меня на один уровень с лишенной Дара простолюдинкой? Да как только язык повернулся?

В глазах Мервина плясали смешинки.

— У тебя начинается лихорадка, — заявила я твердо, положив ладонь на его приятно теплый лоб, — и галлюцинации. Иначе ты никогда бы не сравнил прекраснейшую девушку нашего королевства с простой селянкой.

— Да, — я грустно кивнула, глядя в его удивленно расширившиеся глаза. — Такое заблуждение можно объяснить только болезнью. Но не беспокойся: несколько дней отдыха, и тебе вновь откроется истина.

С похвальной скромностью я опустила очи долу, как и положено благородной девице правильного воспитания, и, перекинув косу

вперед, начала ее переплетать. Мервин издал какой-то звук, не то предсмертный стон, не то сдавленный смех. Я бросила на него быстрый взгляд на тот случай, если это все же первое, и застыла на середине движения...

За его спиной от двери к нам ползли тени, словно чернильные щупальца оставшегося снаружи осьминога. Бесшумные, почти невидимые в сумраке этого дома без окон, но только почти. Я не знала, что или кто это, но Мервин, развернувшийся тотчас, как заметил мое перекосившееся лицо, знал.

— Это просто тени, подобие наших следящих Нитей, — он сжал мою руку и чуть встряхнул, вырывая из ступора. — Суть, пославшая их, защиту кадары пройти не в состоянии. Здесь все еще безопасно, Риэль.

Я сбросила его руку и вскочила на ноги. Какая-то тварь смела подглядывать за нами? За *мной*? Да что она возомнила о себе!

— Вон! — сорвалось с моих губ. — Вон отсюда!

Собственный голос показался странно искаженным, а звуки, выходящие из горла, слишком жесткими, до боли царапающими нежные связки.

— Тебе место в нижнем слое Бездны!

Щупальца-тени замерли, словно размышляя. Мой гнев поднялся до точки кипения: неведомая тварь смела противиться моей воле!

— Подчиняйся! — слово ударило хлестко, с оттягом, тени испуганно съежились и начали отползать назад.

Но даже когда они исчезли совсем, я продолжала смотреть на дверь. Вызванный вторжением гнев все еще клочкотал внутри, ища выхода.

Руки Мервина опустились мне на плечи — то ли остановить, то ли успокоить. Не будь таирт уже моим, это движение стоило бы ему жизни. Но он был мой, и я никогда не причиню вреда своему эль-эро.

Впервые за несчетное количество веков у меня появилось смертное тело, появилась душа, а у души — ее вторая половина. Это оказалось странно, иногда больно, но вместе с тем я уже не могла отказаться от этого.

Не хотела отказываться от этого.

Я вода, я туман.

Меж его пальцами, сжавших лишь воздух, я проскользнула к выходу. Кто-то в моих владениях вел собственную игру. Кто-то хотел противопоставить моей воле — свою, моей игре — своих игроков, вывести на поле моей битвы своих воинов. Я найду виновного, накормлю деток нижнего мира его плотью и навсегда развею его дух...

— Подожди, — окликнул меня Мервин. Я замерла, обернулась. Что хотел мой эль-эро?

Выражение лица таирта казалось невозможно понять. В глубине смертного я чувствовала сильное смятение, но эмоции перекрывали одна другую так, что прочитать было невозможно.

— Зачем тебе Риэль?

Я приподняла брови — какой странный вопрос.

— Риэль — это я, — ответила мягко.

— Нет. Кто ты на самом деле?

— Я обязана отчитываться перед тобой, смертный? — мне стало немного смешно. — И с каких это пор мастер-таирт не в силах понять очевидного?

— Куда ты идешь? — он поменял тему.

— У меня появилась проблема, — пояснила я терпеливо. — Вернусь, как только решу ее.

— Тогда я пойду с тобой, — в его голосе прозвучало упрямство. И впрямь, попытается пойти. Неужели в самую Бездну? Какой... преданный эль-эро. И глупый.

— Тебе нужно отдыхать и набираться сил, — сказала я ему ласково, словно ребенку. — Для смертного твои раны были серьезны. Защита кадары здесь сильна, да и страж не позволит ничему материальному причинить тебе вред.

— Райша, — Мервин посмотрел на меня с внезапной пронзительной нежностью, на которую мое смертное тело отозвалось невольной дрожью. Я никогда не видела у него такого выражения...

Таирт медленно, словно боясь спугнуть, подошел ко мне, а я стояла, не в силах отвести глаз или шевельнуться. Он обнял меня, легонько коснулся губами губ — и меня будто пронзила молния.

«Неправильная реакция» — скользнула по краю сознания трезвая мысль, но сейчас мой разум был пленником тела. А тело не чувствовало опасности. Еще один поцелуй — глубже, жестче. И шепотом, на выдохе — слово, которое я не поняла, но которое

спеленало мою пробуждающуюся суть в кокон невидимой паутины,
погружая в сон...

Интерлюдия 2

Мервин подхватил обмякшее тело, не давая упасть, поднял на руки. Сапфиры глаз, все еще устремленные на него, медленно теряли холод векового льда. Затрепетали и закрылись веки. Призрачный покров чуждости постепенно исчезал, возвращая Риэль реальному миру.

Девушка шевельнулась и неслышно что-то прошептала, улыбнулась сквозь наведенный сон. Можно было представить, что улыбка предназначалась ему и только ему, что даже во сне она знала, к кому прижимается так доверчиво. Можно было забыть, какому роду принадлежала эль-туань и видеть в ней только юную девушку, почти ребенка, иногда взбалмошную, иногда тщеславную, иногда наивно-доверчивую и добрую. Можно было забыть, кем были ее отец и братья. И, самое главное, можно было забыть, *что именно* пустило корни в ее душе и скоро, очень скоро, вырвется на волю...

Глава 5

Мне было тепло и мягко, тело утопало в пушистом мехе, но лицо чувствовало, как прохладен вокруг воздух. Не открывая глаз, я зарылась глубже, закуталась в меховое одеяло. Улыбнулась непонятно чему и вновь заснула.

Когда я проснулась в следующий раз и открыла глаза, вокруг царил темнота. Впрочем, это было нормально для сторожки, где полоумные кадари не додумались сделать окна.

Кадари...

Сторожка...

Вздвигнув, я села так резко, что перед глазами на мгновение расцвели желто-зеленые круги. Я помнила, как мы шли сюда, помнила стража, помнила тени и собственное решение уничтожить того, кто их послал. Помнила первый поцелуй, и второй, погрузивший меня в сон. Да, я прекрасно все помнила, вот только не понимала. Это больше походило на бред, чем на реальность.

Мервин! Он обязан был все мне объяснить!

Вскочив на ноги, я сделала шаг вперед и запоздало вспомнила, отчего иногда рекомендуют смотреть вниз: Мервин лежал, не касаясь меня, но рядом, и я, запнувшись, почти наступила ему на руку. Все же у таирта была хорошая реакция...

— Риэль, я не прикроватный коврик, — сообщил Мервин вежливо, сядя и рассматривая свои пальцы на предмет повреждений.

— Извини, — пробормотала я и спросила уже громче: — Что ты здесь делаешь?

— Сплю.

Исчерпывающий ответ.

— Объясняй, — я села обратно на меховое одеяло, оказавшееся шкурой неведомого зверя. — То, что со мной происходит — это результат прельщения Бездны?

Несколько мгновений таирт молчал, глядя в пустоту перед собой:

— Хотел бы я, чтоб все было так просто.

Меня пробрал озноб: если то, чем у нас пугают детей — для него просто, что тогда...? Я встряхнула головой:

— Хоть объясни толком, что такое прельщение Бездны?

Мервин пожал плечами:

— Желание туда вернуться; вновь и вновь открывать Порталы и Врата. Те, кого это затронуло, рассказывают, будто видят там бесконечное ночное небо, яркие звезды, слышат манящие голоса. И рано или поздно прельщенный решает навсегда остаться в Бездне.

Я прикусила губу — Мервин был прав, подобного со мной не происходило.

— Тогда что?

Таирт опустил голову, рассматривая собственные руки:

— Я бы очень хотел ошибиться...

— Мервин! — его недомолвки начали меня злить. В конце концов, это случилось со мной, а не с ним!

Он взглянул на меня.

— У тебя по всем признакам одержимость.

— Что?! — я хотела вскочить на ноги, но Мервин сделал легкое движение рукой, и я вновь упала на шкуру.

— Выслушай спокойно, Райша, не перебивай.

Я попыталась разозлиться за только что наброшенную им Нить подчинения, но в душе вместо того начала расти паника. Что угодно, только не одержимость!

— В тебя вселился демон Бездны, — тем временем продолжил таирт. — Не знаю, когда именно это случилось, и где. Может быть, во время первого открытия Портала. Мне удалось его связать, но это ненадолго.

Я не слышала больше ничего, кроме гула крови в ушах. Дыхание перехватило. Под ногами вместо теплого пола словно открылась чернильная пустота, и я полетела вниз, чтобы на дне стать кровавым ошметком.

Одержимость...

Самое страшное проклятие, какое может пасть на эль-туань. Случалось это, к счастью, редко, один-два раза за жизнь поколения; но последствия, если одержимого вовремя не убивали, были сравнимы с гражданской войной.

Ладонь Мервина коснулась моей руки, и я вздрогнула так, словно он прижал каленое железо.

— Каким-то образом тебе удалось сохранить свою личность, — таирт чуть покачал головой. — Думаю, только поэтому я жив. Обычно одержимые начинают с того, что уничтожают вокруг себя всех разумных.

Я вздрогнула, вспомнив собственные мысли в тот миг, когда, после бегства тени, Мервин меня коснулся. Не будь он моим эль-эро... Хотя с какой стати это остановило демона?

— Ты должен был убить меня сразу, как только понял! — меня начал колотить озноб: страх, ярость, нарастающая безнадежность. И отчаянный крик в душе — почему я? Почему?!!

Если демон полностью овладеет мной, превратит в свою жалкую марионетку, то не только мое тело, но и душа будут осквернены и прокляты. Хозяйка Сущего не допустит меня в свое царство, не даст нового перерождения. Когда демон насытится чужой смертью и вернется в Бездну, бросив мое тело, я, Риэль, тоже уйду за Грань, стану еще одной бессмертной вечно голодной тварью с желтыми гнилушками глаз.

Я не хотела этого! Не хотела! Что угодно в этой жизни, только не такое посмертие.

— Почему не убил? — спросила я тихо.

— Не смог, — Мервин смотрел себе под ноги.

— Может быть, — продолжил таирт, но я чувствовала, что он сам себе не верит: — Может быть, ты еще освободишься от демона.

— Как? — я понимала, что это просто слова, но все равно спросила.

— Не знаю, сколько получится удерживать его внутри, — Мервин все же поднял голову и посмотрела на меня с нестерпимой болью в глазах. — Но если мое заклятие выдержит, то мы успеем добраться до старого храма на одном из мертвых островов Бездны. Его жрецы помогут.

Первой моей мыслью было — лучше умереть, чем просить помощи у кадари. Только они жили на островах в Бездне, только они могли быть жрецами этого храма.

— В чем дело, Риэль? — Мервин заметил, как я неприязненно поморщилась.

— Ненавижу кадари, — сказала я почти виновато.

— В том храме их нет, — после короткой, почти незаметной, паузы произнес Мервин.

— Тогда кто...? — я всегда считала, что на островах в Бездне обитает только проклятый народ.

— Не знаю, но точно не изгнанники. Я был там однажды, почти двадцать лет назад, и издали видел церемонию очищения. Все жрецы были белокожи, со светлыми волосами — совсем не похожи на кадари.

От его слов окутавшая меня волна неприязни сошла на нет. Я с благодарностью приму помощь от любого народа, только не от потомков предателей.

— Почему ты так ненавидишь кадари? — Мервин действительно не понимал.

Я пожала плечами:

— Ты же знаешь их историю.

— Знаю. Но почему их ненавидишь ты? Что плохого сделали они лично тебе?

Я ощутила растерянность:

— Они мне просто противны.... Не знаю, с детства терпеть их не могу.

— С детства... — Мервин расслабился.

— Почему ты спрашиваешь?

— Подумалось, что это влияние демона. Духи Бездны уже много веков пытаются уничтожить народ кадари.

— Как я их понимаю, — сказала я мрачно.

— Тебе не кажется, что это жестоко? — миролюбиво поинтересовался Мервин.

— Нет, не кажется, — меня передернуло от воспоминания о том, как пришлось коснуться руки одного из изгнанников, Стинна ар-Гора. Словно бы я добровольно окунулась в лужу грязи. — Сфера миров будет куда чище, когда проклятых не станет...

* * *

Я пододвинула звериную шкуру, любезно выделенную мне Мервином в качестве постели, вплотную к печи, и села у самого огня, почти полностью открыв металлическую створку. Иногда я

подбрасывала внутрь черные камушки, которые запасливые кадари заготовили в избытке.

Огонь не съедал забавную пищу сразу. Сперва он долго примеривался, потом подкрадывался сразу со всех сторон и только тогда начинал поглощать черныши, вкусно похрустывая.

Мне тоже хотелось съесть чего-нибудь вкусного, с золотистой поджаренной корочкой и соблазнительным ароматом... Но у меня была только половинка тхей-ло, которую я мучительно грызла уже полчаса. По вкусу это больше всего походило на засушенную под прессом траву. Резкий голод это кулинарное недоразумение действительно заглушило и вроде бы даже добавило сил, но разных вкусовостей захотелось еще больше.

— Тебе холодно? — Мервин продолжал обыскивать сторожку, не забывая следить за мной.

— Нет, — мне было даже жарко.

— Тогда зачем ты села к огню?

И впрямь — зачем? Стоило задаться этим вопросом, и тут же сам пришел ответ:

— Огонь успокаивает.

— С каких это пор? — Мервин подошел ближе и остановился у меня за спиной. Мне не нужно было оборачиваться, я и так чувствовала, как он напряжен; могла представить, как сходятся над переносицей черные брови. Потому что прежде, и таирту это было прекрасно известно, вид языков пламени оставлял меня безразличной.

— Не знаю, — я вздохнула и уткнулась лбом в колени. Глаза жгло, но слез не было. Уже совсем скоро я перестану различать, что есть я, а что влияние демона.

Мервин присел рядом и осторожно привлек меня к себе, обнял; в этом движении не было ни капли чувственности, так можно было обнять, успокаивая, маленького ребенка. Я устроилась в его руках поуютнее, прижалась щекой к груди, вслушиваясь в ровное биение сердца. Но мой взгляд ни на мгновение не отрывался от огня. Казалось, пока он горит, все будет хорошо. Все обязательно будет хорошо...

Не знаю, сколько времени мы сидели так. Мои мысли текли неспешно, без системы, пока одной не удалось вытеснить остальные и выйти в реальность вопросом:

— Мог демон пощадить тебя потому, что ты — мой эль-эро?

Мне показалось, что сердце таирта пропустило пару ударов. А еще он будто перестал дышать. Я удивленно подняла голову и встретила его куда более изумленный взгляд.

— Твой эль-эро? — повторил он эхом.

— Ну да, — я кивнула, а потом до меня начало доходить, — ты не знал? Ты правда не знал?!!

Мервин покачал головой.

— Как можно было не догадаться? — я искренне возмутилась. — Это же стало понятно с нашей первой встречи.

— Тебе было тогда семь лет! — Мервин выглядел возмущенным не меньше моего.

— Какая разница! — я уже готова была выложить таирту все, что думаю о его толстокожести и недогадливости, но он успел первым:

— Эль-эро — пустые сказки жрецов.

На мгновение я потеряла дар речи, а Мервин продолжил развивать мысль:

— Никакой бог не делил души эль-туань на половины. Жрецы придумали это, чтобы внушить больше благоговейного страха. Эль-эро не бывает.

— А как же... — начала я, готовясь перечислить те случаи, что вошли в легенды.

— Для того чтобы любить или ненавидеть, не нужно быть эль-эро, — горячо перебил он. — Другие расы способны на глубокие чувства не хуже нас, но никто не разбрасывал половинки их душ по свету!

— Оказывается, ко всему прочему ты еще и еретик, — сказала я задумчиво.

Мервин криво усмехнулся:

— Хорошо, что Дракону нет до этого дела.

Я пригляделась к таирту внимательней: упрямая складка между бровей, все внутри напряжено. По какой-то неведомой причине для Мервина было важно, чтобы эль-эро не существовало. Он бы не поверил никаким доказательствам, никаким словам, потому что не

хотел верить. И я чувствовала, что за свое неверие он будет цепляться до конца. Что признать неправоту для него было бы страшнее, чем для меня — осознать себя во власти демона.

Я вздохнула:

— Не буду тебя ни в чем убеждать. Но смотри: демон должен был получить всю мою память и понять, что я действительно считаю тебя своим эль-эро. Могло это повлиять на его решение?

— Возможно, — после паузы нехотя ответил таирт.

Мы сидели так еще около часа, потом Мервин отпустил меня, поднялся и подошел к двери, распахнул ее. Какое-то время стоял на пороге, вглядываясь в лес, потом повернулся ко мне.

— Мне придется уйти, Риэль, чтобы отыскать Источник Силы. Будь осторожна, не пользуйся магией и помни, что страж защитит тебя почти от любой опасности, если я не успею вернуться вовремя.

Слегка оттолкнув таирта, внутрь сторожки заглянула любопытная морда единорожка. Услышал, должно быть, упоминание о самом себе.

Я тоже встала на ноги, и, скрестив руки на груди, недовольно посмотрела на Мервина.

— Ты же понимаешь, что найти Источник необходимо, — сказал он увещающе. — Иначе все скопленные силы я буду тратить на усыпление демона.

— Понимаю, — согласилась я мрачно. — Мне другое неясно: почему я тоже не могу пойти?

Видно было, что таирту хотелось отправиться в путь, не тратя время на споры с глупой мной, но он сдержался:

— Во-первых, ты будешь меня задерживать. Во-вторых, здесь безопаснее.

— А если демон проснется в твое отсутствие?

Мервин покачал головой:

— Я обновил заклятие. Потратил на него весь резерв, между прочим, так что если демон действительно сумеет сбросить путы в ближайшие сутки, мое присутствие ничем не поможет.

Да, Мервин, как никто другой, умел утешить и вселить оптимизм, о чем я ему и сообщила самым саркастическим тоном. Жаль, что в отстаивании своей точки зрения мне это не помогло.

Недовольным тоном я пообещала пользоваться магией только в самом крайнем случае, — а то я сама не понимала, что это может

спровоцировать пробуждение демона — а потом наблюдала, как таирт исчезает в глубине леса. По его словам, он сумел обнаружить Источник в полутора дневных переходах. Значит, самое большее через два дня, Мервин вернется оттуда через Портал. Я очень надеялась, что к тому времени я еще буду собой.

Медленно текли часы. Я позволила единорожку войти и теперь вновь сидела у огня, обнимая его теплое пушистое тело. Если не смотреть в жуткие глаза, можно было представить, будто у меня в руках всего лишь кукла, которая от магии получила подобие жизни — я не раз видела подобные творения во дворце. Да единорог и был похож на куклу — ни одно действительно живое существо не смогло бы простоять вот так несколько часов и ничем не выразить недовольства. Стражу же было все равно, главное — хозяйка близко, хозяйка довольна.

Я встряхнула головой, выбрасывая пугающие мысли. Я даже не знала, мои ли они. Начало клонить в сон. Я свернулась клубочком на меховом одеяле, после недолгого раздумья решив использовать стража вместо подушки. Единорожек не возражал. Мне стало почти хорошо, страх перед сидящим внутри демоном совсем ушел, только въедливым червяком точила тревога за Мервина...

Интерлюдия 3

Мое смертное тело спит.

Моя истинная суть бодрствует.

Грани материального мира стали тоньше, позволили мне ощутить Присутствие Властелина.

Присутствие Отца.

Когда части Его сознания удастся вырваться за пределы тюрьмы, созданной Богами Хаоса, все ближайшие слои реальности содрогаются.

Как это неосторожно и как знакомо.

Кажется, что Он рядом — но все же так далеко от меня...

— Ты все-таки решила выполнить эту блажь, Дочь, — Он позволяет мне ощутить Свои эмоции: грусть, понимание, сочувствие.

— Это не блажь, — наш давний спор, но сейчас Он лишь тень Себя прежнего. Он больше не может мне приказывать, только убеждать. Убедить пытаюсь и я:

— Кадари совершили преступление и должны заплатить!

— Но это не вернет Мне свободу...

Да, я знаю. Если бы вернуло, я давно бы уже добралась до предателей, пусть ценой своего развоплощения.

Со скорбью смотрю на Отца, на Его дух, постепенно теряющий иллюзорную плотность:

— Где Ты теперь?

— Все там же, — передо мной возникает образ пустоты и безвременья. — Мой сон будет еще долог, но щели в щитах Моей тюрьмы становятся все шире.

Улыбаюсь:

— Когда Ты вернешься, от народа предателей не останется и следа.

Я проснулась от знакомого звука шагов — Мервин. Улыбнулась ему и сладко потянулась. Мне снилось что-то приятное и родное, и на душе царил покой.

— Мы уходим, — произнес таирт вместо приветствия и пожелания доброго утра. И я еще волновалась об этом грубияне?

— Ты нашел Источник?

Вместо ответа Мервин положил ладонь мне на плечо. Я благодарно зажмурилась, чувствуя, как поток Силы проникает в каждую клеточку тела. Хорошо.

— Но не вздумай пользоваться магией. Только при крайней необходимости...

— Помню, помню, — перебила я таирта. — Я не враг самой себе.

— Что это существо делает в доме? — взгляд Мервин упал на стража, вернулся ко мне и стал очень тяжелым.

— Мне стало скучно, — попыталась я объяснить.

— Стало скучно и ты позвала в компаньоны тварь Бездны? — негромко уточнил Мервин. Хм, если посмотреть на ситуацию с его стороны...

— Но ведь ничего не случилось, — признавать вину я не собиралась.

— Пока ничего.

— Объяснишь, в чем дело? — спросила я примиряюще.

— Да. После перехода.

Уже хорошо.

Я торопливо попыталась привести себя после сна в порядок — без использования магии это была та еще работа — и неожиданно задалась вопросом, который отгоняла все это время: кем мы являлись друг другу? Не враги и не друзья. Не учитель и ученица. И уж подавно, не придворный и его принцесса.

Мервин спас меня от Дракона, я его — от казни в руках кадари. Ах, да, забыла — Мервин остановил овладевавшее мной безумие. На время остановил, но все же...

А еще по его вине погибла моя семья.

Нет, я не могла думать об этом: их не вернуть, а я хотела жить. Очень хотела жить. И для этого мне нужен был мой эль-эро. Без него я никогда не буду счастлива, никогда не буду целой. И пусть таирт заявлял, будто эль-эро не существует, пусть верил в это — я решила не спорить. Реальность это не изменит. Мы были связаны, хотели того или нет, от рождения до смерти и даже после нее.

— В Бездну, они уже здесь! — я развернулась на его раздраженный голос. Мервин стоял у выхода и напряженно смотрел в сторону леса. Я подошла ближе. Таирт встал в дверном проходе, и,

чтобы хоть что-то увидеть над его плечом, мне пришлось встать на цыпочки.

Он говорил об этих крохотных черных точках,двигающихся между деревьями?

— Они еще далеко, открывай Врата.

— Их не так уж много... — Мервин произнес негромко, больше себе, чем мне, потом пояснил: — Это кадари. Если мы сейчас откроем Врата, они пройдут следом, а уже в Бездне позовут на подмогу остальных. Собравшись целым кланом, они могут порвать на куски не только любого эль-туань, но даже демона. Как бы ты к ним ни относилась, Риэль, кадари — не слабаки.

— Знаю, — мне это было хорошо известно. Будь они слабее, мои Братья давно стерли бы в прах саму память о них...

Я встряхнулась, выбрасывая из сознания *не свою* мысль.

Не думать! Я не имела права думать о *чуждом*! Я должна была оставаться просто Риэль, только Риэль, и никем иным! Если Мервин решил сражаться, его не должны отвлекать лишние мысли, он не должен беспокоиться обо мне и о том, кем я становлюсь.

— Ты справишься?

— Да, — таирт посмотрел мне в глаза. — Да, если ты сделаешь то, что нужно.

— Пообещаю не вмешиваться и не использовать магию, чтобы не пробудить демона? — уточнила я. Сейчас я была — сама покорность.

— Именно, — он не отводил взгляд, и я прекрасно понимала, о чем он думает. Если Мервин погибнет, то лучше бы погибнуть и мне, потому что с демоном в одиночку я не совладаю. Он просто поглотит мою сущность, и... Да, мне действительно будет лучше погибнуть, пусть даже от рук кадари.

— Они пришли сюда по твоим следам? — удовлетворение моего любопытства нам никак не могло помочь, но я хотела знать. Мервин покачал головой:

— Я почувствовал их присутствие в этом мире, как только ступил в Источник. Они идут по отголоскам твоей магии. Этот мир враждебен кадари, поэтому они не смогли перенестись сюда сразу, весь лес им пришлось проходить пешком.

Ах, какой это был правильный умный мир: даже он понимал, что кадари должны быть уничтожены!

Я почти произнесла последнюю фразу вслух, но спохватилась: Мервин мог решить, что это не я, а демон, и начать волноваться. Нельзя.

Темные фигуры, все, кроме одной, замерли в почтительном отдалении. Мужчина кадари, высокий, сухощавый, чьи длинные волосы блестели обильной сединой, подошел ближе. На вытянутых руках он нес отрез зеленого шелка, призыв к перемирию.

— Мы не хотим сражаться, — кадари был горд. Я видела, как невыносима была для него роль просителя. — Пусть тот, кто наложил заклятие сна на наших людей, снимет его, и мы уйдем.

Я нахмурилась недоуменно: я ведь уничтожила руну сна. О чем он говорил?

— Какие у нас гарантии, что вы сдержите слово? — Мервин был, как всегда, практичен.

— Мое слово чести, — выдавил кадари.

— Сколько не проснулось? — спросила я из-за спины таирта.

Взгляд кадари, доставшийся мне, был полон яркой, неразбавленной ненависти, но голос звучал ровно:

— Только один. Стинн ар-Гор.

Значит, их предводитель не стал завтраком для подземного червя. Какая жалость! Но все же, отчего он не проснулся?

Я постаралась вспомнить все детали. Может, дело заключалось в том, что ему единственному я персонально уделила внимание? Упрямец сумел частично побороть действие руны сна, и я добавила... что-то.

Что же именно я сделала? Нет, этого я вспомнить не могла. Похоже, мной уже тогда управлял демон.

Молчание затянулось. Кадари ждал терпеливо, но вряд ли его выдержки хватит надолго. Что ж, можно было и рискнуть.

— Я хочу получить клятву именем Савэто от всех, кто пришел сюда. — сказала я. — В обмен на снятие заклятия вы всегда и при любых обстоятельствах будете оказывать мне и Мервину ту помощь и поддержку, которую мы пожелаем получить, даже если это пойдет вразрез с приказами ваших предводителей кланов или жрецов. После снятия заклятия вы удалитесь вглубь леса, но останетесь здесь, в этом мире, и проведете тут не менее трех суток. За это время вы употребите все силы и возможности, чтобы не позволить Стинну ар-Гору

следовать за нами либо каким-то иным способом пытаться отомстить. Нарушение даже малой детали клятвы будет рассматриваться, как нарушение всей, и караться соответствующе.

Кадари дослушал до конца, но выражение лица у него... О, если бы он мог, приготовил бы для меня личный ад в милом мрачном подземелье. Еще бы — я потребовала от них всех клятву, которую невозможно обойти или нарушить. *Савэто*, Равновесие на языке Древних, не было богом или богиней, духом или демоном. Скорее это можно было назвать живым воплощение законов природы, существующим одновременно во всех материальных мирах. И оно было сильнее всех вместе взятых духов и демонов, богов и богинь. Даже Властелин, творец миров, не спорил с силой Равновесия...

— Мы не можем на такое пойти, — сказал пожилой кадари, стоило мне замолчать. — Это немыслимо!

— Тогда ваш предводитель умрет! — мое заявление, наполненное искренней радостью, вызвало у посланника гримасу боли. И я поняла: в конце концов они согласятся, как бы ни упирались и не пытались торговаться, согласятся на все условия. Стинн ар-Гор был слишком важен для своих сокланников.

Кем он являлся? Их принцем? Носителем уникальных магических способностей, которые еще не успел передать по наследству? Сыном верховного жреца?

Хотя не все ли равно? Главное — он был нашим шансом вырваться отсюда невредимыми.

Кадари спорили...

Кадари проклинали...

Кадари прожигали нас ненавидящими взглядами...

Кадари согласились.

В воздухе повис сияющий алый шар — материальное воплощение *Савэто*. Клятва была принята, причем кара за ее неисполнение грозила только кадары. Но если у меня не получится снять заклятие сна, клятва просто не подействует, а кадари с радостью начнут нас убивать.

Я наклонилась к Стинну, всматриваясь в его лишенное красок лицо. Не знала — решила бы, что этот кадари уже мертв. Но Искра магии еще билась, то совсем слабея, то трепыхаясь с яркостью светлячка. Что же я такое с ним сделала?

Мервин стоял рядом, смотрел настороженно. По-моему, он больше боялся пробуждения демона, чем нападения кадары.

Я перебирала в памяти руны, которые могла бы сейчас использовать, и думала. В прошлый раз взимать плату за пользование руны Древних явилась тварь Бездны и случилось это примерно через четырнадцать часов после создания руны. Если очередная тварь придет сюда, в этот снежный мир, ничего съедобного, кроме кадары, ей не достанется... Пусть.

Руны — какую выбрать? Можно было попробовать руну Эль, призывающую сознание вернуться в тело. Или руну Шиях — возвращающую заблудившегося в чужих снах. Или Ми-тэ, Искушение Жизнью...

Краем глаза я уловила движение и повернулась — единорожку стало скучно, он выбрался из дома и теперь подкрадывался ко мне, любопытно блестя желтыми глазами. Поняв, что хозяйка за самоуправство не сердится, одним прыжком преодолел разделяющее нас расстояние и довольно уткнулся мордочкой мне в юбку.

— Что это значит?!! — сколько гнева было в голосе посланника, когда трясущейся рукой он указывал на льнувшее ко мне существо! Лицо кадары опасно побагровело: — Ты... ашши-хун-рче... Ты, ведьма... Каким проклятым колдовством ты сумела подчинить нашего стража?!!

— Замолчи! — я с любопытством посмотрела на Мервина, которого, судя по интонации, кадары сильно разозлил. Должно быть, непонятные мне слова в приличном обществе не произносили. — Не смей оскорблять мою спутницу, изгнанник! Или и ты, и твой драгоценный ар-Гор подохнете от яда стража.

Яд стража — как же мне понравилась эта идея.

Да, снять со Стинна заклятие сна и отравить при этом было заманчиво. Жаль только, что в таком случае клятва Савэто не начнет действовать. Чем она была плоха и хороша одновременно, и чем отличалась от других клятв — суть ее относилась к духу, а не к букве. Снятие заклятия сна для кадары означало спасение ар-Гора, и это же оно означало для Савэто. Если, помогая, я наврежу в ином... Что ж, я позволю этому кадары выжить. Все равно народу изгнанников недолго осталось осквернять Бездну.

Тем временем седой кадари всю ненависть, предназначавшуюся мне, перенес на Мервина, и теперь покрывал его проклятиями на своем языке. Таирт, что интересно, отвечал на том же наречии и с не меньшим накалом. Странно, что они еще не начали перекидываться заклятиями.

— Так мне будить вашего спящего красавца, или уже не надо? — поинтересовалась я. Лицо кадари перекошило — только сейчас он сподобился вспомнить о лежащем на снегу юноше с восковым лицом. Парламентер судорожно проглотил очередное проклятие и кивнул.

— То есть будить? — любезно уточнила я.

— Да! — ах, как бы было мило, если бы старичка прямо сейчас хватил удар.

Так все же, какой вариант рун мне следовало использовать? Или все три сразу? Не-ет, тогда беднягу ар-Гора просто разорвет. Сегодня я буду доброй... почти.

Руна Ми-тэ.

Я рисовала ее кровью. Конечно же, не своей, — один из молодых кадари вызвался побыть донором.

Выводя причудливые завитушки, я почувствовала, как голове возникает знакомый-незнакомый мотив, и начала тихонько его мурлыкать. Кадари-донор вздрогнул и попытался выдернуть у меня свою разрезанную ладонь, которую я приспособила вместо чаши под его же кровь. Я не отпустила, посмотрела укоризненно в его глаза, широко распахнутые от страха:

— В чем дело, изгнанник? Ты больше не хочешь помогать?

— Ты поешь песню Бездны, — прошептал он едва слышно.

Разве можно было говорить о таких вещах? Ведь мой эль-эро мог услышать и расстроиться, он был всего лишь простым смертным и многого не понимал.

— Тебе показалось, — ответила я кадари так же тихо, продолжая смотреть ему прямо в глаза и глубже, туда, где у смертных живет память и где горит Искра. Стоило мне пожелать — и она погаснет. Захочу — в одно мгновение, захочу — через несколько дней. Так сладко было знать, что жизнь кадари в моей власти и может оборваться в любой момент.

— Риэль, что случилось? — нотки, появившиеся в голосе Мервина, мне не понравились. Он хотел вновь меня усыпить? Нет, мой

милый эль-эро, спать мне не понравилось.

— Не знаю, зачем нужно было вызваться добровольцем, а потом струсить в середине ритуала! — воскликнула я, вплетая в интонацию раздражение, недовольство и презрение.

— Я вовсе не боюсь! — я изменила его память и молодой кадари уже не знал, отчего пытался выдернуть у меня ладонь, но само действие задержалось в сознании. Краска стыда залила его бледное лицо — кадари был еще совсем юн, ровесник моему смертному телу.

— Руническая магия не принесет тебе вреда, — начала я объяснять покровительственным тоном. — Твоя кровь является лишь проводником для...

— Я все это знаю! — возмущенно прервал меня кадари. Украдкой я бросила взгляд на Мервина — таирт усмехался, жесткие складки, собравшиеся было возле рта, разгладились. Хорошо. Очень хорошо, дорогой мой эль-эро, тебе совсем не нужно было в чем-то меня подозревать. Чем дольше я останусь свободной от твоих пут, тем больше вспомню и сумею сохранить к нужному часу.

Стинн открыл глаза и сонным взглядом обвел все вокруг, остановился на мне и сморщил лоб, пытаясь вспомнить. Я поднялась, отряхнула прилипший к юбке снег:

— Условия договора выполнены?

Седой кадари медленно кивнул. Я улыбнулась уголками губ — на самом деле мне не нужен был его ответ, я и так знала, что клятва начала действовать и у всех кадари, кроме Стинна, на правом запястье появилось маленькое красное пятно, знак Савэто. Исчезнет оно только после их смерти.

— Тогда уходите.

Кадари помогли встать Стинну ар-Гору, все еще толком не пришедшему в себя, и повели вглубь леса. Никто не смотрел в мою сторону. Боялись не совладать с искушением? Думаю, им очень хотелось проверить, успеют ли испепелить меня на месте до того, как Савэто покарает их за нарушение клятвы.

— Думаю, нам тоже не стоит задерживаться, — пока я провожала взглядом уходящих кадари, Мервин успел открыть Врата. — Риэль, пора.

Здесь, в материальном мире, в компании стража, мне бы потребовалось еще двенадцать часов, чтобы полностью снять все

ограничения, наложенные таиртом. У моего смертного эль-эро оказалась очень сильная магия, странно знакомая и незнакомая одновременно. В Бездне же, куда мы направлялись, для снятия нитей подчинения должно было хватить и часа — которого у меня не будет.

Но сейчас собственная свобода волновала меня мало. Станный храм с беловолосыми жрецами, умеющими бороться с одержимостью, храм, куда Мервин стремился меня привести. Как смертному удалось отыскать это место, когда ни я, ни мои Братья не могли?

— В чем дело? — Мервин начал хмуриться. Я виновато улыбнулась и подошла к нему. Бросила мимолетный взгляд на стража, провожающего меня умоляющим взглядом прекрасных янтарных глаз. Милый зверек. Я почти предложила взять единорожка с собой, но вовремя спохватилась: исходя от Риэль, эта идея будет выглядеть неуместно.

В реальном мире страж молчал, но в верхнем слое Сеят, который мне уже стал немного доступен, слышался его слабый плач.

— С ним мы ничего делать не будем? — я показала на единорожка, жмущегося к моим коленям.

— Нет.

Стоило мне подойти к Мервину, и он крепко сжал мое правое запястье. Боялся, что сбегу? Растворюсь в пустоте во время перехода? Хотя вполне может быть, что и боялся.

Как бы он это ни отрицал, но он мой эль-эро, а ни один эль-эро не расстанется со своей половиной добровольно.

Вернуться домой было так славно. Нигде не было земли, сковывающей движения, мешающей взлететь. Со всех сторон — только небо, пылающее звездами. Самое первое волшебство, созданное Властелином, — сама Бездна. Мы скользили сквозь нее в ту часть, где хотел оказаться Мервин, и с каждым проходящим мгновением я чувствовала, как одна за другой растворялись нити подчинения. Их все еще оставалось слишком много, но постепенно я становилась сильнее, становилась собой...

...пока путь не подошел к концу, и мы не оказались на одном из бесчисленных мертвых островов, плывущих в пустоте.

Казалось сперва, будто мы были там одни, но прошло мгновение, второе — и я увидела их, спешащих к нам, спешащих ко мне. На первый взгляд показалось, что это мои Братья — обитатели этого

места были также красивы, также светлы и наполнены бессмертной Силой. Вот только Сила их казалась иной, исходящей из чужого источника.

Одну за другой они накидывали на меня сети подчинения и сна, а я могла только смотреть в эти прекрасные холодные лица, теряя себя, не в силах сопротивляться, а в моей голове повторялась единственная мысль:

«Это они, Потерянные Дети Властелина».

Глава 7

— Ты помнишь, что с тобой было? — первым делом спросил Мервин, когда я очнулась.

Я не ответила. Просто лежала, глядя в резной потолок...

Помнила ли я? Конечно, я помнила. До мельчайшей детали, до последнего завитка руны, которую рисовала чужой кровью и которую никогда прежде не видела. Я помнила услышанный не слухом, а сознанием жалобный полувоющей-полуплач единорожка, умолявшего хозяйку не уходить. Помнила свои мысли о будущем уничтожении целого народа. Свою радость и предвкушение этого события. Помнила разговор с Отцом существа, поселившегося в моей душе... кем бы Она и Он ни были.

Я помнила, но не понимала. Вернее, не хотела понимать.

— Райша, пожалуйста, это важно, — Мервин сел на край постели, взял мою руку, прижал к своей щеке, потом легко коснулся внутренней стороны ладони губами. — Прошу тебя.

— Ты можешь быть ласковым, только когда тебе от меня что-то надо! — я повернулась на бок, чтоб удобнее было обвиняюще смотреть в глаза таирту.

Мервин выглядел серьезно сбитым с толку:

— Риэль, — начал он, — я ничего не пытаюсь... — после чего спохватился, встряхнул головой: — Я жду.

— Да, помню, — я вновь посмотрела на потолок и со вздохом уточнила, — я помню все, что было.

Молчание, долгое и задумчивое.

— Это необычно. — Мервин, мысли которого были явно далеко, рассеянно провел ладонью по моим волосам. — Очень необычно, — продолжил таирт. — Жертвы демона, те немногие, кому повезло освободиться, не помнят своих действий начиная с первого момента одержимости.

— Может быть, это потому, что у меня не демон, а демоница?

— А они различаются? — судя по интонации, Мервин удивился. Я улыбнулась, но взгляд от потолка не отвела.

— Вполне различаются... А еще она часто вспоминала Братьев.

— Других демонов?

— Наверное... Где мы сейчас?

— В храме, о котором я говорил. Через двенадцать часов начнется церемония очищения, жрецы к ней готовятся.

— Жрецы... — я прекрасно помнила разумных с белой до прозрачности кожей и промороженными до самого дна глазами. — Мервин! — я резко села на кровати, захваченная последним ярким воспоминанием. — Почему они — «Потерянные Дети»?

— О чем ты?

— Жрецы. Какой расе они принадлежат?

— Я уже говорил, что не знаю...

— Она назвала их «Потерянными Детьми Властелина».

— Не знаю, Риэль, — что-то мелькнуло на дне его глаз, что-то неясное, как не высказанное вслух опасение, как воспоминание о страшной истории из детства. Но делиться со мной своими догадками Мервин не торопился.

Я вздохнула.

— Я хочу посмотреть храм, — любопытство появилось внезапно и резко. Мне вдруг нестерпимо, до боли, захотелось увидеть, где же мы оказались.

Мервин покачал головой:

— Прости, Райша, но жрецы запретили тебе покидать комнату до начала ритуала.

Запретили! Это было так несправедливо, так обидно! Я прикусила губу, чтобы не разреветься, но в носу начало подозрительно пощипывать.

— И про возможные резкие перепады настроения у тебя они тоже сказали, — таирт смотрел сочувственно. — Эмоции, которые ты сейчас испытываешь, не совсем твои. Это нормально.

Нормально... Я вовсе не чувствовала себя нормально, меня кидало то в жар, то в холод; начинало казаться, что я — счастливейшая из смертных, и тут же накатывала жуткая тоска, так что хотелось выть в голос.

Увидев, что Мервин начал приподниматься, я в прыжке почти повисла на нем:

— Не уходи! Я не хочу сидеть здесь одна! Не уходи, пожалуйста!

— Риэль... Райша... — Мервин смотрел на меня, не зная, что сказать. Я заторопилась перехватить инициативу:

— Ты можешь рассказать мне что-нибудь. Например, откуда ты так хорошо знаешь язык кадари? Ты бывал на их островах? Как они выглядят? — вцепившись ему в руки, для убедительности я дергала за рукава в такт каждой фразе.

— Хорошо, хорошо, я никуда не уйду! — Мервин грустно посмотрел на потрескивающий материал рубашки. — Райша, порвешь ведь.

Я убирала руки, настороженно глядя на таирта — на случай, если снова попытается сбежать.

Мой эль-эро, только мой!

— Что именно тебе рассказать? — поинтересовался Мервин миролюбиво.

— Про острова кадари, про то, какие они сами, зачем им понадобилось вмешиваться в нашу войну с Драконом, — я оперлась локтем о подушку, чтобы было удобнее.

— Хорошо, — Мервин улыбнулся уголками губ. — Будет тебе сказка перед сном...

Представь прозрачную вечную ночь, с начала времен сияющую звездами. Сквозь нее, по непонятным для нас законам, плывут бесчисленные осколки мертвого мира — то, что мы называем островами Бездны.

На самом деле когда-то это был родной мир эль-кадари, прекрасный и цветущий; да, Риэль, не морщись, в ту эпоху они еще имели право называться эль, на них, как и на нас, было благословение Властелина. Я не знаю имени того погибшего мира — кадари всегда замолкали, стоило заговорить об этом. Их народ не любит вспоминать о своем проклятии.

Как я оказался там?

Ты ведь знаешь, я владею Темной магией. Мне было пятнадцать, когда она проявилась впервые, почти убив моего старого учителя: в то время я не представлял, как можно контролировать Тьму. У нашего народа это слишком редкий дар, и я не слышал, чтобы ею могли владеть двусущные.

Отец — а он тогда еще был жив — искал долго, но сумел все же найти нового наставника, имевшего дар, подобный моему. Его тоже

называли полукровкой, а еще он был сыном матери клана.

Вряд ли ты слышала о клане Таор. Нет? О них мало кто знает даже среди их сородичей кадари. На острове этого клана я прожил пять лет...

Нет, я не заснул, Ризель; не надо водить рукой у меня перед глазами. Просто многое вспомнилось. Время, что я провел там, было странное, жуткое и прекрасное одновременно. Что бы я ни делал, куда бы ни шел, пол под ногами никогда не был той твердью, к которой мы привыкли. Дом клана, больше похожий на маленький город под прозрачным куполом, всегда плыл, покачиваясь, на волнах лавы. Совершая бесконечное путешествие, он раз за разом огибал доставшийся Таорам осколок мира.

Иногда из глубин лавового моря поднимались столбы пламени, почти достигавшие неподвижных звезд. А порой я видел, как из прекрасных призрачных Врат, на которые наши Врата похожи не больше, чем бескрылая ящерица на Драконе, выходили дивные существа и в молчании следовали за домом-кораблем, легко ступая по лаве. Кадари называли их Духами Бездны и боялись до умопомрачения. В последний свой год в том изломанном подобии мира я понял, почему.

Не знаю, что подтолкнуло Духов, кадари не раскрывали свои тайны перед чужаком. Но нападение для моих гостеприимных хозяев неожиданностью не стало. Они готовились, только не объясняли, к чему. Но смысла в той подготовке...

Помню, я очнулся в странной тишине, в которой осязаемо висело напряжение, а потом, начавшись с шепота, зазвучала музыка, каждая нота которой пронизывала до самых костей. Я не кадари, но песня Духов подействовала и на меня. Больше всего хотелось упасть на колени, каяться в каждом проступке, который я совершил или только думал совершить, хотелось молить неведомых судий о прощении. И желание это с каждым мгновением становилось все сильнее. Если бы не мой дар, не Тьма, которой я себя окружил, я бы сошел с ума так же, как многие несчастные Таор, дар магии которых оказался слишком слаб. Позднее наставник сказал мне, что без магической защиты песню Духов могут вынести только младенцы и святые.

К счастью для кадари, песня Духов не может длиться долго, иначе они начинают погибать сами, растворяться в Бездне.

Видел ли я там Тварей? Еще бы, чуть ли не чаще, чем самих кадари. Некоторые разновидности, например, стражей, они даже разводят. А желтоглазые черви, подобия явившегося на зов твоей руны, десятками плескались в лавовых волнах вокруг плавучего дома. Не уверен, но, вроде, кадари их забивали на мясо...

Риэль, не зеленей! Я пошутил, кадари не едят мясо. Да, ты права, они питаются только растительной гадостью вроде тхей-ло. И еще раз да, я пять лет ел то же, что и они. Это вовсе не так страшно, как кажется, после первого года почти привыкаешь.

Что им понадобилось в нашем мире? Малышка, если б я знал точно, Дракон сделал бы меня не просто наместником. Догадки? Гадать можно до бесконечности, но кадари для чего-то нужен наш мир. Чем-то Теритт глянулся этому народу, в чем-то наша родина отличается от остальных миров...

* * *

Я лежала с закрытыми глазами, положив голову Мервину на колени, а он осторожно, почти неощутимо, гладил меня по волосам. Наверное, таирт думал, что я сдалась под действием сонной паутины, которую он постепенно накидывал на меня во время рассказа. Но мне было слишком страшно, чтобы спать, чтобы отпустить его и остаться наедине с чужими стенами, чужими чувствами и чужой памятью...

Глава 8

Казалось, все вокруг было создано из льда, где-то прозрачного, где-то туманно-мглистого. Огни живыми искрами бежали внутри серебристо-голубых стен, освещая нам дорогу.

Рядом со мной бесшумно шагали два жреца. Они казались настолько холодными, настолько отстраненными от всего окружающего, что рядом с ними я чувствовала себя непозволительно, вульгарно живой. Красота их была безупречна — только резец гениального скульптора мог сотворить подобное совершенство. Невозможно, чтобы их рождали смертные женщины. Нет, невозможно. Наверное, сам Властелин создал этих существ из Первого Льда.

Не выдержав, я коснулась руки одного из жрецов.

Теплая.

Я растерянно остановилась, замер и жрец:

— Ты что-то хотела спросить, девочка?

Голос его звучал красиво, певуче, с призвуком непонятного акцента. Откуда он знал наш язык?

— Не думала, что вы из плоти, — призналась я честно.

Жрецы переглянулись. Впервые я заметила на безупречных лицах какое-то подобие эмоций.

— А из чего? — поинтересовался первый.

— Из живого льда.

— Разве такой есть? — в льдистых глубинах глаз появилось что-то, похожее на усмешку.

Я пожала плечами:

— Бездна огромна, в ней есть все.

Сами собой распахнулись двери в зал Очищения. Внутри было пусто, тихо, светло, у изгибов ледяных стен воздух дробился сотнями крохотных радуг. Свод, поддерживаемый изящными колоннами, терялся в синей мгле. А может, его не было вовсе, и колонны уходили прямо в небеса.

Я замерла на пороге, чувствуя себя маленькой и потерянной.

— Отсюда ты вернешься собой или не вернешься вовсе, — фраза походила на часть ритуала, слова звучали легко и равнодушно, а лицо

жреца вновь лишилось эмоций.

Вернусь собой...

А что такое «я»? Когда демон приходил в мои мысли, разницы словно и не было, просто я осознавала, что помню и знаю намного больше. И лишь когда пришелец из Бездны оставлял меня, когда все возвращалось в норму, я понимала неправильность происшедшего.

Кивнув жрецу, я заставила себя сделать еще один шаг вперед и услышала, как за спиной закрылись створки дверей. Обернулась — но увидела лишь сплошную стену из гладкого синего камня.

Я была одна. Совсем одна. Я выпустила Нити — никого, на многие мили вокруг не было никого не только разумного, но и просто живого. Хотя... с каких это пор я научилась выпускать щупальца Сила так далеко?

Я замерла, оглядываясь, — что-то изменилось, воздух не был так прозрачен, как прежде. От пола начали подниматься, чуть вращаясь, столбы белесого тумана. Я сделала шаг к ближайшему; он, как живой, отшатнулся от меня, перетек прочь. Туман хотел поиграть со мной. Пусть. Я тоже умела растворяться и скользить, могла стать туманом, могла стать...

Но моего беглеца больше не было, он сгустился, обрел гладкость и научился отражать.

Я приблизилась к туману, ставшему зеркалом, и улыбнулась своему отражению.

Разве я была не прекрасна? Разве не было величайшей честью для народа изгнанников умереть от моей руки? Восемнадцать лет назад они помогли мне возродиться в материальном мире — скоро я помогу им его покинуть. Кто посмеет сказать, что это не справедливо?

Та часть меня, которая пробудилась до прибытия в храм, вернулась быстро, остальное пока оставалось скрыто под ледяными путами.

Потерянные Братья не освободили меня по-настоящему, не решились на это, пусть я теперь и находилась далеко от их дома, ведь двери в зал Очищения в действительности были Вратами. Выйти отсюда казалось невозможно: все мои попытки открыть свои Врата наткнулись на стену Силы.

Конечно же, я была бессмертна, и мало что во вселенной могло угрожать мне развоплощением. Мой дух мог уйти отсюда в любой миг,

но тогда бы я потеряла смертное тело, которое пыталась обрести несколько тысячелетий.

Я кружила по залу, ожидая дальнейшего развития событий и раздумывая о случившемся. Сейчас я ничуть не жалела, что Мервин заметил мое первое сумбурное пробуждение — а упоение возвращающейся Силой сделало меня беспечной — и поймал в ловушку чувств смертного тела. Случись иначе, мне не довелось бы найти потерянных Братьев. Когда Властелин вернется, у меня будет для него два дара!

А Мервин, красивый гордый эль-туань — мне всегда нравилась эта раса — владеющий магией Тьмы, да еще с каплей крови двусущных. Когда покончу с кадары, то обязательно приду за своим эль-эро и предложу ему станцевать со мной в Бездне...

Я улыбнулась с предвкушением. Потом мои мысли вернулись к потерянным Братьям, которые даже не узнали меня. Как же получилось, что они обрели теплые смертные тела? Все, что я знала об их исчезновении, пришло из рассказов Старших Братьев — и прежде Потерянные были такими же, как мы, остальные Духи, бесплотными и неуязвимыми, какими нас создал Отец.

Постепенно все столбы тумана вокруг превратились в зеркала, заключая меня в подобие лабиринта. Вот этот лабиринт растянулся, расползся в три материальных измерения — и вот вокруг уже не было ни стен, ни потолка; даже пол, совсем недавно каменный, дарил мне мое отражение.

Мне было интересно, как именно Братья попытаются изгнать меня из моего же тела. Но узнать это я не торопилась — чем дольше протяну время, тем больше восстановятся силы. Без всякой определенной цели я скользила по коридору, иногда на несколько мгновений теряя материальность. С каждым разом это удавалось все лучше — смертное тело привыкало к моим способностям.

Потом — я застыла на месте, не успев понять, в чем дело. Впереди... Это казалось невозможным, но просыпающиеся чувства кричали, что это так — впереди, среди творений смертной магии, стояло Зеркало Истины. Я слышала, будто в Первую эпоху его создал сам Отец. Потом, после Битвы Богов, оно пропало, следы затерялись.

Затерялись, чтобы найтись здесь, на краю вселенной?

Я осторожно приблизилась, коснулась ледяной поверхности и замерла, вслушиваясь в собственные ощущения.

Создавая Зеркало, Отец вложил в него частицу Себя; совсем крохотную, но и ее хватило, чтобы ощутить рядом Его физическое присутствие. Мне стало хорошо, тепло и уютно, как в далеком детстве в Чертогах, когда каждый миг существования был наполнен Им.

Мечтательно улыбаясь, я разглядывала то, что отображалось внутри: я, смертная девушка Риэль, и я — бессмертный Дух Бездны, дочь Властелина. Мое лицо было прекрасно и не имело возраста, мои глаза отражали вечное небо, горячая кровь смертных бежала по моим жилам. Я не могла оторвать взгляда от своего отражения, меня все больше затягивало в его глубину. А навстречу явился образ будущего, которое, уже очень скоро, я сделаю настоящим.

Глава 9

Я видела осколок мира, плывущий в Бездне. Видела живущих на нем проклятых, заостеневших в преступной гордыне, смертных существ. Столько веков, столько поколений — но они так и не покаялись в своем преступлении.

Клан ар-Гор, старые знакомцы.

Мои Врата открылись над лавовым морем. Я ступила на услужливо подбежавшую волну, которую вместо барашков пены окаймляло пламя. Огонь ласково, как рыжий щенок, облизал мне ноги и что-то довольно пробормотал. Я прислушалась к его словам — похоже, Братья давно не бывали здесь, дух пламени успел соскучиться. Улыбнувшись, пообещала, закончив дела, обязательно поиграть с ним.

Здесь у кадари не было необходимости строить укрепленные маноры или плавучие дома. В центре этого осколка мира высилась гора — крепость, созданная самой природой. Кадари лишь прорубили в ней ходы и комнаты для своих жилищ, да обнесли несколькими рядами магической защиты.

Защита была хороша: будь я все еще в бестелесном облике, потратила бы много дней, чтобы сквозь нее проникнуть. Все же Сила моя и Братьев с самого начала предназначалась для жизни в Бездне, а не для войны в постоянном мире. Но теперь, располагая смертным телом эль-туань, созданным при помощи магии кадари, мне не требовалось тратить девять десятых Силы, только чтобы удержаться в измерении смертных. Не было необходимости торопиться, укладываясь в семь временных единиц, после чего ревнивая Бездна заберет меня себе. Не нужно было истощаться, выжимая себя на десятилетия вперед.

Кадари, предупрежденные о моем приближении, попрятались в глубины крепости, уверенные, что никто не проникнет за ее стены. Мне было смешно, предвкушение фонтаном радости кипело внутри; и слои защиты, одна за другой, исчезали, словно их никогда не существовало.

Наконец исчез и последний барьер — скрученные полотна реальности — непреодолимое препятствие для Духа, но не для

материального тела.

Каменные ворота рассыпались в пыль от моего прикосновения; гора застонала, содрогнулась до самых корней — бывшая крепость-защитница стала для кадари ловушкой. Смертные пытались сражаться, заклятие за заклятием. Они использовали и тонкие плетения, и руны, даже, в конце, просто потоки грубой Силы. Их сопротивление было отчаянным — и безнадежным. Кадари уже поняли, что их клану пришел конец, но оттягивали неизбежное. Для какой цели?

Я прислушалась, выпустила щупальца Силы. Да, в глубине крепости кто-то пытался открыть Врата. Кадари думали, я не замечу этого? Нет, гостеприимных объятий смерти сегодня не избежит никто.

Я свернула пространство крепости в шар, без входа и выхода, и вновь обратила внимание на кадари. Половина воинов клана уже была убита, тела в разбросаны вокруг, но чего-то не хватало. Я нахмурилась — нужен был еще один штрих, чтобы придать картине совершенство. Ну конечно — кровь! Я убивала магией, поэтому мертвые казались просто спящими — не то.

Воздух застонал, когда из пустоты я достала прозрачный клинок из живого льда — подарок Властелина. Убивать мечу нравилось еще больше, чем мне, и, распарывая плоть и отпуская души на волю, он пел...

Я обходила залы и личные покои, спускаясь все ниже, добывая оставшихся. Я не пряталась от брызг, и теперь мои волосы и лицо были покрыты плотной маской засыхающей крови. Я могла бы избавиться от нее одним мысленным приказом, но мне нравилось чувствовать материальное свидетельство того, что давняя мечта начала исполняться.

Ах, кадари, кадари, вас было так легко ненавидеть, так приятно убивать! Когда я сотру саму память о вас, мне будет не хватать этой легкости и простоты.

Несколько переходов мне не попадался никто живой, если не считать тварей Бездны, околдованных в свое время кадари. Освобожденные, они выбегали ко мне, ластились, уже забыв погибших хозяев, янтарные глаза сияли радостью. Некоторые из них были похожи на животных материального мира, другие казались прекрасны своей неповторимостью, хотя для большинства смертных и те, и

другие выглядели чудовищами. Звери хотели вернуться домой, в Бездну, но им предстояло немного подождать.

Самый нижний слой крепости, дополнительные магические щиты и... еще воины? Больше двух десятков — а мне казалось, я убила их всех. Должно быть, охраняли что-то ценное — так яростно они еще не сражались. Одному удалось даже ранить меня, пробив все слои защиты. Этот заслужил особое внимание.

Я всмотрелась в его черты, искаженные гневом и отчаяньем, и начала смеяться — Стинн, Стинн ар-Гор, старый знакомец! Тогда ты сумел одолеть действие моей руны, теперь задел меня глупой железкой, которую называешь мечом, — ты забавная загадка, Стинн. Жаль, что я слишком занята убийством тебе подобных, кадари, и у меня нет времени на ребусы.

Скользящее движение, удар — и из рук смертного, почти разрубленного пополам, выскользнуло оружие. Но кадари еще был жив — последний из защитников крепости — и смотрел на меня. Неужели смог узнать даже под маской засыхающей крови? Глаза его изумленно распахнулись, побледневшие губы попытались сказать что-то: не то мое имя, не то проклятие. Я вслушалась с интересом — но нет, смертные не умеют говорить с перебитой трахеей.

Стинн осел на пол, взгляд его потускнел.

Последние воины охраняли вход в зал. Я подошла ближе — и двери услужливо распахнулись, пропуская меня вперед. Внутри было спрятано сокровище кадари, самое дорогое, за что не жалко отдать жизнь — их дети. Должно быть, все дети этого клана — несколько сотен ребятишек. Это их взрослые пытались спасти, открыв Врата. Самому старшему едва ли исполнилось десять лет — действительно, я помнила, что подростки наравне со взрослыми пытались защитить свой дом. И также погибали.

Дети молчали, глядя на меня с недоверием и ужасом. Недоверием — потому что, в отличие от взрослых, они еще надеялись на чудо.

— Мамочка! — в дальнем углу, не выдержав, всхлипнула маленькая девочка с недоплетенной косой — должно быть, по времени кадари я пришла утром. В ручонках ее была судорожно стиснута кукла, такая же белокожая и черноволосая, как сам ребенок.

— Ты скоро встретишь свою мамочку, — улыбаясь, пообещала я ребенку на языке кадари, потом, поддавшись мгновенному импульсу,

убрала кровь и шрам от раны. Кто-то в зале ошеломленно вздохнул. Я не была похожа ни на самих кадари, ни на бесплотных Братьев, которых детям доводилось видеть во время предыдущих атак. Интересно, я казалась им прекрасной или уродливой? Или просто слишком чуждой в своей непохожести?

Я раздумывала, что с ними делать, какое заклятие применить. Не меч — я не любила видеть детскую кровь. Пусть будет что-то безболезненное, как та руна сна, которой я усыпила лагерь.

— За что ты нас убиваешь? — это был первый вопрос, который мне сегодня задали, остальные фразы сводились к проклятиям.

Я отыскала взглядом говорившего. Говорившую. На первый взгляд — девочка лет четырнадцати (я оказалась не совсем права насчет подростков), но к груди она прижимала младенца. Кадари рано заводят детей.

— За что? — повторила я, улыбнулась и ласково объяснила: — За то, что вы существуете.

Молоденькая кадари смотрела растерянno, не зная, что сказать. Продолжая ей улыбаться, я наконец выбрала заклятие: руна Шо-Рин, Сладкая Смерть. Я буду добра сегодня.

Я подняла руку, чтобы создать рисунок, но та замерла в воздухе, словно бы меня держал невидимка. Странно. Я еще раз обвела взглядом зал, эти испуганные лица, кое-где с дорожками слез на щеках. Из звуков слышалось только дыхание, да иногда — подавленные всхлипы. Ну же, несколько движений — и с первым кланом кадари будет полностью покончено. Я же не могла остановиться на полпути! Или могла? Могла... Но зачем мне было останавливаться?

Кто-то влиял на меня. Неужели у одного из детей кадари оказался столь сильный дар эмпата?

Нет, не то. Нежелание убивать исходило изнутри, из самой глубины моей сущности. Да, верно, из глубины моей смертной сущности.

Я, Риэль Шоралл, не хотела убивать.

Я позволила мысли оформиться — и она стала сильнее, стала давить на мою волю, заставляя отступить. Личность, которую я получила за семнадцать лет, проведенных в смертном мире, пыталась взять верх. Волнами накатывали ее чувства: отвращение к магии убийства и пролитой крови, жалость к погибшим кадари, гнев — на

саму себя. И еще — упрямство: «*Не буду! Ни за что не буду убивать детей!*»

Не знаю, испытывала ли я прежде такую растерянность. Моя суть потеряла цельность, меня начали раздирать противоречивые желания и эмоции. Мне стало... мне стало плохо...

Отшатнувшись, я попятилась. Потом, ослепляя, вспыхнул яркий свет, заставив меня зажмуриться. Когда я вновь открыла глаза, то не увидела ни зала, ни детей кадари, ни скальной крепости на осколке мира. Оказалось, я все еще стояла перед Зеркалом Истины, касаясь его ладонью. Вокруг ощутимо похолодало, дыхание вырывалось облаками пара. Из зеркала перепуганными, широко открытыми глазами смотрела Риэль Шоралл, обычная смертная, эль-туань семнадцати лет. Не было больше безупречного совершенства и ледяных озер глаз — просто девушка, каких много.

— Кто я? — спросила я свое отражение.

«Кто я?» — шевельнулись в ответ губы.

— Я не хочу никого убивать, — сказал я.

«Убивать... убивать... убивать», — отозвалось гулкое эхо.

— Пусть живут, — продолжила я. — В разломанном мире им и так не сладко.

«Живут... сладко», — зашпорило эхо, унося вдаль мой измененный голос.

— Властелин вовсе не хочет их гибели! — слова вырвались сами: мой последний и самый главный аргумент.

«Не хочет?» — удивилось эхо.

— Он назвал это блажью! Он же любил их!

«Любил», — загрустило эхо. — «Он любил их».

Я прижала к стеклу вторую ладонь, наклонилась ближе, почти касаясь лицом гладкой поверхности:

— Что будем делать?

Вторая Риэль молчала, не торопясь отвечать.

«Не знаю», — прошептал, наконец, в сознании ее голос.

— У нас уже есть один подарок для Властелина... для *Отца*, — я улыбнулась, предвкушая изумление Духов Бездны — *Братьев* — моей — *нашей* — находкой. Вторая Риэль ответила такой же улыбкой, потом ее — *мое* — лицо стало серьезным:

«Я много веков ждала возможности уничтожить кадари. Это проклятый народ, своим присутствием они загрязняют Бездну».

— Но ведь они не всегда были такими, — сейчас я помнила, хотя без деталей, все, что помнила Дух Бездны, живущая во мне. Я помнила Раскол и последовавшую за ним битву Богов, пленение Властелина и войны, бесконечные войны, развернувшиеся в Бездне.

«Не всегда были такими», — согласилась вторая Риэль. — «Но кадари поддались Богам Хаоса, извратившим их суть, а после застыли в новом состоянии. Когда первый гнев из-за предательства прошел, мы с Братьями пытались их вернуть — и не смогли».

— И стали просто убивать, — прошептала я.

«Да», — ответила дочь Властелина. — «Стали просто убивать».

Зеркало Истины начало таять, вместе с ним исчез и зеркальный лабиринт.

— Я — это ты, — сказала я в пустоту.

«Ты — это я», — донесся слабый отголосок эха.

Глава 10

Не было больше ни бесчисленных зеркал, ни каменного храма — теперь вокруг меня расстилась бескрайняя зелень степной травы, а над головой синел купол неба с застывшим в зените солнцем. И опыт прожитых мною — *не-мною* — тысячелетий говорил, что это не иллюзия, как было с кланом ар-Гор, это реальность.

До тех пор, пока я находилась в смертном теле эль-туань, мне было не дано осознать и принять все то, чем являлась Дочь Властелина. Я знала многое, но детали скрадывались, оставляя лишь главное. Я понимала — это необходимо, чтобы смертный разум не погиб под непосильной ношей сотен веков.

Я прислушалась к степи. Ее вольный ветер пел о бескрайних табунах диких лошадей, о крадущихся в темноте волках и безумном смехе гиен. Из далеких краев он принес слезы моря, оцарапал мою кожу песчинками знойной пустыни, обжег льдистым дыханием белых глыб — но не сказал ни слова о разумных.

Тихий, спокойный мир.

Я слышала тебя, ветер, свидетель настоящего. Теперь я буду слушать землю — свидетеля прошлого.

Опустившись на колени, я положила ладони на сухую почву. Там, глубоко в недрах, под тысячелетиями спокойствия, жила память этого мира.

...крики. Крики и боль насильственно исторгаемых душ. Искромсанные трещинами небеса и белый огонь, льющийся из них. Столпы света. Мои Братья, выходящие из этого огня, созданные, чтобы творить, но научившиеся убивать...

Значит, этот мир некогда принадлежал еще одному проклятому народу, менее удачливому, чем кадари. Крылатые люди, тонкокостные и гибкие, с огромными фасеточными глазами — я никогда не слышала о них. Почему? Или, уничтожив их всех, Братья вычеркнули эту расу из памяти самой Сферы Миров?

Я поднялась на ноги, огляделась. Жрецы не просто так отправили меня сюда. Зеркало Истины выявило щель в соединении моей сущности со смертным телом, и теперь они желали разломить мою

душу на две половины. Будь я, Риэль, всего лишь одержима демоном, как подозревал Мервин, им хватило бы и первого этапа. Но я, Дух, жила в смертном теле эль-туань с момента ее зачатия. Не одержимость, а воплощение...

Я попробовала открыть Врата. Результат оказался ожидаемым — никаким. Магические щиты настолько плотно закрывали этот мир, что потребовалась бы вся Сила Братьев, чтобы пробить защиту. Скорее всего эти щиты были созданы жрецами. Что в этом мире было столь ценным, что стоило потраченных усилий?

Моя Сила продолжала возвращаться. Я раскрыла свои крылья, те самые, дарованные всем Духам, крылья, что соединяли плоть и магию, и поднялась в небо.

Степь казалась бескрайней, но вот на горизонте блеснуло острое лезвие воды — река. На ее берегу белели руины города. Я спустилась на землю там, где некогда находилась главная городская площадь и где стояло единственное полностью целое здание, очень похожее на храмы эль-туань. Пожалуй, это тоже был храм. Воздушный, словно невесомый, построенный из материала, напоминающего голубой мрамор, он рвался ввысь, а его тонкий шпиль иглой пронзал небо. Храм был все еще пропитан старой магией и не чувствовал течения времени, тысячелетия пролетели для него, как минуты. И...

Ах, да. Я больше была не одна.

Жрецы пришли вдвоем. Может быть, те же самые, что провожали меня в зал очищения. А может, и нет — тогда я не запомнила вкус их магии. Вкус необычный и одновременно знакомый, словно любимое блюдо, приправленное экзотической специей.

Жрецы молчали, так что я заговорила первая:

— Вы сказали, что я вернусь собой, или не вернусь вовсе. Я стала собой.

Один из жрецов покачал головой:

— Мы не можем допустить бессмертное существо в миры смертных. Слияние, созданное тобой, извращает природу и не должно существовать. Ты видишь, что сотворили здесь подобные тебе, те, кого смертные называют Духами Бездны. Мы не позволим этому повториться.

— Они всего лишь мстили за Отца, — я неопределенно пожала плечами. Мне было немного жаль погибшую расу, но не настолько,

чтобы сомневаться в мудрости Братьев. Все же я была самой младшей из Духов, а память Старших простиралась до начала времен.

— Они сотворили зло, — твердо произнес второй жрец.

— Но ведь и вы тоже — Его Дети, — я наклонилась вперед, пытаясь проникнуть сквозь барьер их ледяного совершенства. — Это Властелин породил вас. Разве вы не можете понять, что народы, отвергшие Отца, должны быть наказаны? Они заслужили свою участь.

Я сделала шаг назад и широким жестом обвела все вокруг:

— Я вижу: эта раса понимала и умела ценить прекрасное. Этот мир показал мне, что они сами были воплощением красоты... — я тихо вздохнула. — Но они предали Отца и Братья уничтожили их. Мне жаль.

— Ты хочешь повторить путь своих Братьев, — покачал головой первый жрец. — Мы ведь тоже смотрели в Зеркало Истины.

— Я еще не приняла окончательного решения, — я улыбнулась. — Возможно, я оставлю кадари жизнь.

— Мы не позволим тебе вернуться в реальный мир, — твердо сказал второй.

Я тихо засмеялась:

— У вас не хватит на это сил. Уже не хватит.

— Мы пытались спасти смертную, чье тело ты захватила, — грустно произнес первый жрец. — Теперь нам остается только уничтожить твою материальную оболочку.

— Слияние завершено, — сказала я мягко. — Мы с ней единое целое.

— Тогда что с тобой, о Воплощенная, будет, если мы по всем правилам уничтожим твоего эль-эро? — так же мягко спросил у меня второй жрец.

Я вздрогнула — этого я не ожидала.

— Таково ваше понятие о справедливости? — мне стало больно так, словно мои близкие предали меня. Они же Братья — разве они могут так поступить?

Я встряхнулась, избавляясь от лишних эмоций. Нет, они были мне никто и будут никем, пока Отец не вернет им память и они не займут того места, что их по праву. А до тех пор мы останемся чужаками.

— Что значит жизнь одного смертного по сравнению со спасением миллионов? — вопросом на вопрос ответил первый жрец, а

второй добавил:

— Мы помолимся за следующее счастливое воплощение его души и души той смертной, чье тело ты забрала.

Я молча смотрела на жрецов. Я не собиралась объяснять, что я всегда была Риэль, с того момента как восемнадцать лет назад искра жизни зародилась под сердцем королевы.

Мервин... Я знала, что значило по всем правилам уничтожить чьего-то эль-эро. Это была долгая и мучительная казнь как для физического тела, так и для магии смертного. Эррэ Мервина, разрушаемое слой за слоем, будет инстинктивно тянуться ко мне за помощью, за магией, и даже расстояние между мирами не станет этому помехой; а я не смогу отказать, и это будет длиться до тех пор, пока, полностью истощенные, мы оба не погибнем.

Чем сильнее маг, тем дольше длится умирание. Мервин, с его уникальной для эль-туань способностью к магии Тьмы, проживет несколько недель — меньше, чем мне понадобится, чтобы вырваться из этого мира-ловушки, и намного больше, чем он сможет выдержать и не сойти с ума от боли. Задолго до рождения в теле Риэль мне довелось видеть и чувствовать, как это происходит... С тех пор я убивала быстро и чисто, и ненавидела пытки.

Жрецы решили, что нашли мое уязвимое место, и они были правы. Но для меня, кроме как покориться, либо умереть вместе с Мервином, был еще один путь: самой убить своего эль-эро. Если, когда его боль свяжет нас единой цепью, я отдам на зов больше Силы, чем смертный способен выдержать, его сердце разорвется. Быстрая и почти безболезненная смерть. Поистине освобождение — по сравнению с тем, чем угрожали жрецы.

«Не хочу!» — из глубины сути поднялся крик. — *«Не хочу убивать его!»*

Мне нужно было выполнить свой долг, и смерть эль-эро, нежеланная, вынужденная смерть, освободит меня. В момент гибели Мервина все оставшиеся слои его эррэ перейдут ко мне, все, вместе с Темной магией. Этой вспышки хватит, чтобы создать щель в окружающих щитах и освободиться.

«Не позволю! Мервин мой, только мой! Никому не отдам, даже смерти!» — крик стал громче, заполнил сознание, трещина в месте соединения наших сущностей стала шире. Плохо.

— Мы можем договориться... — я посмотрела на жрецов выжидающе. Увы, но я не знала их слабых мест, если таковые были; не знала, имелись ли у этих оживших ледяных скульптур привязанности. Было ли хоть что-то, на чем я могла сыграть?

— Нам ничего не нужно от тебя, Воплощенная, кроме одного: покинь смертное тело, которое захватила, — сказал первый жрец.

— Иначе, Савэто свидетель, мы сделаем все, чтобы тебя уничтожить, — добавил второй.

Они были очень серьезны, серьезней не бывает. Пусть их слова не являлись полноценной клятвой, но никто из разумных не будет попусту призывать силу Равновесия. Чревато.

Я могла убить Мервина (гнев части моей сущности поднялся в душе, как цунами), или я могла уйти. Мервин — всего лишь смертный («...нет, он мой эль-эро! Мой!»), всего лишь смертный, а я долгие столетия ждала этого воплощения.

Но и позволить углубиться расколу в своей душе я не смела...

Интерлюдия 4

Какое бы решение ни собралась принять Воплощенная, ее лицо осталось столь же непроницаемым, а взгляд холодным. Наконец она слегка наклонила голову:

— Если я соглашусь на ваши условия, то как моя суть уйдет за пределы щитов этого мира?

Первый жрец ответил ровно, не позволив ни капли радостного триумфа пробиться за ледяной фасад внешности:

— Убедившись, что смертная свободна, мы создадим щель, достаточную для тебя.

— Мне нужна клятва, что никто не будет пытаться накинуть сеть подчинения либо иначе удержать мою суть, — Воплощенная смотрела внимательно, зная. Должно быть, уже находились глупцы, пытавшиеся подчинить себе этого Духа Бездны. Такое подчинение было возможно — на краткое время. Но жрецы видели руины немалого числа городов, погибших из-за подобных экспериментов.

— Мы дадим такую клятву.

— Именем Савэто, — требование прозвучало категорично.

— Клянемся именем Савэто.

Призванный символ Равновесия, сияющий алый шар, на мгновение возник в воздухе.

— Позднее вы заплатите мне за причиненное неудобство, — тон Воплощенной подразумевал, что данную оплату она выберет сама, в удобное для нее время. Жрецы промолчали.

Воплощенная сделала несколько шагов назад, вскинула голову к небу и замерла. Несколько мгновений ничего не происходило, потом ее тело пронзила сильная дрожь, и Присутствие, которое жрецы ощущали, как пронизывающий холод, тем сильнее, чем ближе они были к Воплощенной, исчезло.

Девушка, вновь — обычная смертная, упала на землю.

Глава 11

Подойдя ко мне согнулись мягкие стебли травы; нежно, проникая до самого сердца, грело солнце, лицо ласкал прилетевший с моря ветер. Потом рядом почудилось какое-то движение, и я повернула голову.

Таирт сидел, почти касаясь меня, на лице — задумчиво-грустное выражение. Несколько мгновений мы молча смотрели друг на друга. Так хорошо и спокойно мне не было уже очень давно. Ни о чем не хотелось ни думать, ни говорить, пусть только этот миг растянется в вечность...

Мервин улыбнулся уголками губ и прервал игру в молчанку:

— Ты проспала пять недель.

— Что? — я посмотрела на него непонимающе. — О чем ты?

— Ты пролежала без сознания пять недель, — повторил Мервин терпеливо. — Если хочешь точную цифру, то даже чуть дольше — тридцать семь дней.

Я села, зачем-то одернула рукава платья и огляделась. Мы находились на невысоком холме, за спиной зеленела роща, впереди расстилалась изумительно синяя морская гладь.

— Красиво, — сказала я негромко. Мервин не ответил: таирт прекрасно понимал, что сейчас мне требовалось время — вспомнить, понять, осмыслить...

Здесь действительно было красиво. Я подняла голову к небу, прозрачно-чистому, только дальше у горизонта висело несколько пушистых облаков. А море было пусто — ни единого паруса.

— Пять недель, — сказала я, не оборачиваясь к Мервину. — Почему так получилось?

— Ты не помнишь... — я была почти уверена, что он хмурится, но меня словно что-то держало, не позволяя взглянуть на таирта.

— Риэль, что осталось в твоей памяти последним?

— Не знаю. Обрывки — словно мне снился длинный и запутанный сон.

— Ты помнишь Ее? — интонация Мервина изменилась, теперь он был напряжен, словно тетива лука. Натяни чуть сильнее — и порвется.

— Ее? — повторила я за ним.

— Ее. Дух Бездны.

Я вздрогнула. Ответить вслух значило вспомнить о Ней, вновь призвать Ее. Я не хотела отвечать — мне было слишком страшно.

— Райша, — теплые ладони легли мне на плечи. — Не молчи.

— Помню, — прошептала я. — Но это не настоящие воспоминания, это больше похоже на бред. Она... Она ведь действительно ушла?

— Да. Она ушла, — произнес Мервин мягко.

— Ты точно знаешь? — мне казалось сложно поверить в уверения таирта.

— Так сказали жрецы. И так сказал Карос.

Карос? Я нахмурилась, пытаюсь вспомнить, кто носил это имя. А потом меня словно подбросило:

— Дракон?!! Но... — я резко развернулась к таирту.

— Не бойся, малышка, — Мервин тихо засмеялся. — Не бойся. Теперь Дракон будет с тебя пушинки сдувать.

— Не надо сдувать!.. — на всякий случай воспротивилась я. Потом до меня дошел смысл слов таирта. — А почему? Ну, почему он передумал? Дракон же меня ненавидит.

В глазах Мервина мелькнуло что-то невысказанное, но губы продолжали улыбаться:

— Карос обещал наследнику, что с тобой ничего не случится. Алекс посчитал, что обвинять тебя за дела предков несправедливо, а старший Дакаант слишком любит племянника, чтобы ссориться с ним из-за такой ерунды, как жизнь какой-то эль-туань.

— «Какой-то эль-туань», — повторила я за таиртом и недовольно фыркнула, пытаюсь выглядеть оскорбленной. Но надолго меня не хватило, и, не выдержав, я хихикнула. — Меня еще никогда не называли «какой-то эль-туань». Это его слова, или ты сам добавил?

— Его, — Мервин несильно дернул меня за выпавшую из косы прядь волос. — Не обижаешься?

Я пожала плечами:

— Он же Дракон, пусть называет, как хочет. Уж лучше «какая-то эль-туань», чем эль-туань мертвая.

И тут мне в голову неожиданно пришла еще одна мысль:

— А в первый раз... Ну, тогда... Алекс сам решил прийти вместе с дядей?

Улыбка Мервина стала хитрой-хитрой. Не сдержавшись, я тоже дернула его за отросшую челку. Дернула сильно, но таирт даже не поморщился.

— Так он сам решил?

— Я его попросил, — признался мой эль-эро. — Алекс — добрый мальчик. Даже слишком добрый — для Дракона.

— Мервин, а что теперь будет?

— Вообще, или...?

— И вообще, и с нами, — солнце забралось уже почти к самому зениту и пекло немилосердно, думать о серьезных вещах не хотелось, но и не думать было невозможно.

Мервин долго не отвечал, потом осторожно обнял меня:

— Не знаю, Райша, — сказал тихо. — Правда не знаю.